

Изъ этого объясненія видно, что Дегуровъ считаетъ себя совершенно правымъ въ дѣлѣ о самоубійствѣ крѣпостной женщины, Варвары Птичкиной; онъ не нарушилъ ни въ чемъ закона; мало того: онъ ставитъ себя въ заслугу свое гуманное отношеніе къ прислугѣ вообще и этой женщинѣ въ частности; онъ могъ бы примѣнить къ ней по праву, предоставленному ему закономъ, строгія мѣры, но не сдѣлалъ этого, а ограничился тѣмъ, что сначала побилъ ее по щекамъ, а потомъ, по мѣстному малороссійскому обычаю, ему очевидно хорошо извѣстному, велѣлъ отрѣзать ей косу; онъ говоритъ, что даже долженъ былъ сдѣлать это во имя нравственныхъ требованій—въ виду своей ответственности передъ родителями своихъ пансіонерокъ.

Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто крѣпостническою психологіей, напоминающей психологію студента Линки-Парафѣевского. Дегуровъ правда не былъ русскимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ крѣпостныхъ. Но онъ прекрасно вошелъ въ роль такого владѣльца и смотрѣлъ на своихъ слугъ, предоставленныхъ ему Кн. Барятинскимъ и нѣкоторыми другими помѣщиками, какъ на крѣпостныхъ. Этотъ „бѣшенный демагогъ“ и потомъ „поборникъ либеральнаго воспитанія русскихъ благородныхъ дѣвицъ“, считавшій главнымъ тормазомъ для него крѣпостныхъ служанокъ, безъ которыхъ родители не соглашались отдавать въ пансіонъ своихъ дочерей¹⁾ и которыя погрязли по его словамъ въ неvěжествѣ и были принижены рабствомъ, сразу свылся со своимъ новымъ положеніемъ патріархальнаго владыки своихъ рабовъ, вошелъ во вкусъ и усвоилъ себѣ даже такія мѣстныя особенности въ обращеніи съ ними, какъ обрѣзываніе косъ. Замѣтимъ кстати, что Кн. Барятинскій, которому принадлежала Варвара Птичкина, и который не заявлялъ никакихъ претензій по поводу ея смерти и даже далъ Дегурову послѣ этого еще трехъ новыхъ крѣпостныхъ, вывезъ Дегурова изъ заграницы, пріютить его у себя въ селѣ Ивановскомъ (Курской губ.) и вслѣдствіи ему покровительствовать. На его рекомендацію ссылался Дегуровъ гр. Потоцкому, заявляя, что князю хорошо извѣстны его занятія по сельскому хозяйству и политической экономіи во время 6 лѣтняго пребыванія въ Англіи²⁾. Умно и ловко оправдывался Дегуровъ, но не разрѣшилъ все-таки основнаго вопроса въ этомъ прискорбномъ случаѣ: что же побудило несчастную Птичкину лишить себя жизни, кого же нужно признать виновнымъ въ ея смерти, если самъ Дегуровъ былъ съ нею въ этомъ дѣлѣ? Очевидно, и онъ, и студентъ Линка упустили изъ виду одно обстоятельство.

¹⁾ А. С. Лебедева. А. А. Дегуровъ, въ (Вѣст. Европы 1876 г., мартъ, стр. 187).

²⁾ Ibidem.

ство,—что эти самоубійцы обладали въ большей степени сознаниемъ собственнаго достоинства, чѣмъ полагалось имъ по ихъ соціальному положенію, что у нихъ сильно было развито чувство совѣсти.

Довольно своеобразное отношеніе къ своему слугѣ мы видели и у проф. Коритари. Онъ нанялъ себѣ въ услуженіе вольно-отпущеннаго крѣпостнаго Тимофея Логинова за 100 р. въ годъ на своемъ содержаніи и затѣмъ взялъ его съ собою въ Австрію, прибавивъ по его просьбѣ еще 25 р. и пару платьевъ. Но едва господинъ и слуга подъѣхали къ Голячу (у. городъ Полт. губ.), какъ между ними открылись недоразумѣнія: Коритари началъ причинять Логинову разныя обиды, и тотъ просилъ его освободить отъ побѣдки,—но Коритари не вникъ его просьбѣ—и они поѣхали дальше. По выѣздѣ изъ Переяслова съ головы Логинова свесло сильнымъ вѣтромъ картузь—онъ соскочилъ съ коляски, потомъ кричалъ извозчику обождать его, но тотъ не послушался. Логиновъ остался одинъ въ полѣ безъ денегъ и безъ паспорта, который остался въ коляскѣ, и только догналъ Коритари въ Кіевѣ. По вріѣздѣ же въ Австрію, Коритари сталъ всически обижать Логинова: бранилъ его пакостными словами, не давалъ ему нищи, стогналъ съ коляски, заставляя его день и ночь идти иѣшкомъ, отсылалъ неоднократно отъ себя, не отдавая однако заслуженнаго имъ жалованія и паспорта, билъ его нещадно и похвалялся застрѣлить изъ пистолета за то только, что онъ истратилъ 24 австрійскихъ крейцера на свое пропитаніе въ Бреславлѣ, а по возвращеніи въ Лембергъ угрожалъ бить его палками безъ всякой съ его стороны вины. Тогда Логиновъ обратился за защитой къ мѣстной Львовской полиціи, а профессора Коритари просилъ отпрзвить его обратно въ Харьковъ, но этотъ послѣдній началъ его снова бить и ударилъ между прочимъ по щекѣ и затѣмъ отиравился въ полицію и заявилъ, что Логиновъ будто-бы уворовалъ у него 100 гульденовъ; полиція произвела у него обыскъ, взяла подъ карауль и отобрала у него его собственные 22 гульдена и отдала ихъ проф. Коритари. Затѣмъ Коритари уѣхалъ въ Россію, а директоръ Львовской полиціи выдалъ ему его паспортъ на возвращеніе въ Харьковъ. На Радзивилловской таможи его однако не хотѣли пропускать въ Россію, такъ какъ по зависымъ книгамъ таможи съ проф. Коритари уже проѣхалъ черезъ границу его слуга Логиновъ и настояцало Логинова хотѣли было вернуть въ Австрію, въ которой ему нечего дѣлать. Наконецъ, таможенный капитанъ, очевидно, повѣрилъ въ его искренность и пропустилъ въ Россію. Однако и тутъ его испытанія не окончились: его по этапу отправили въ Харьковъ и держали около 7 недѣль въ острогѣ. Логиновъ подалъ тогда прошеніе, въ которомъ разсказалъ изложенныя здѣсь

обстоятельства своего несчастнаго заграничнаго путешествія, всячески опровергаль возведенное на него проф. Коритари обвиненіе въ пьянствѣ и воровствѣ господской епанчи и денегъ и просилъ о взысканіи съ него жалованія и вознагражденія за побои и истязаніе, всего въ суммѣ 150 руб. ¹⁾ Чѣмъ окончилось это дѣло и какъ оправдывался противъ возводимыхъ на него обвиненій проф. Коритари, мы не знаемъ; не можемъ поэтому и рѣшить, въ какой мѣрѣ основательны и самыя эти обвиненія. Нужно замѣтить, что неосновательныя жалобы были тогда не рѣдки между прочимъ потому, что ихъ составляли невѣжественные ходатаи по дѣламъ и вносили туда кое-что отъ себя. Доказательствомъ этого можетъ служить жалоба, поданная Харьковской обывательницей Ириной Раздобаевой на профессора Нельдехена. Такъ она писала, что Нельдехенъ не отдавалъ ей должныхъ 11 рублей, а когда она требовала этотъ долгъ отъ жены его, то онъ будучи въ хмельномъ видѣ побилъ ее. А когда ее въ правленіи подвергли словесному допросу, она объявила, что она ничего не говорила губернскому секретарю Карлу Грамберу, составлявшему жалобу, о хмельномъ состояніи проф. Нельдехена и онъ ей этихъ словъ въ своемъ прошеніи не читалъ. Правленіе постановило передать на разсмотрѣніе вопроса объ этихъ обидныхъ для проф. Нельдехена выраженіяхъ полицеймейстеру, а отвѣтника попросить отдать Раздобаевой 11 р., если только онъ дѣйствительно долженъ ей такую сумму ²⁾. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что Нельдехенъ дѣйствительно неумѣренно пьянствовалъ и за это былъ даже впоследствии уволенъ изъ университета. На него же поступила еще и другая жалоба отъ жившей у него прислуги Матрены Емельяновой въ самоуправствѣ. Въ его квартирѣ произведена была кража—а онъ самовольно удерживалъ сундукъ этой женщины. Правленіе, получивъ жалобу на это отъ полицеймейстера, предписало Нельдехену отправить сундукъ въ полицію и представить объясненіе о совершенной у него кражѣ ³⁾. У Нельдехена же вышелъ споръ съ его сосѣдкой, мѣщанкой Заварзиной, относительно плетневаго забора ⁴⁾.

Возбуждали противъ себя жалобы мѣстныхъ обывателей и лица низшаго ранга, прикосновенныя къ университету. Такъ наиримѣръ Харьковская обывательница Осетрова жаловалась на служанку секретаря училищнаго комитета Флавицкаго въ причиненіи ей дочери разныхъ обидъ ругательствомъ и побоями; но изъ слѣдствія однако выяснилось,

¹⁾ Харьк. ун-въ. архивъ. Журн. правл. 1809 г., май—августъ; засѣданіе 5 августа.

²⁾ Ibidem, журн. правл. 1812 г., май—августъ, засѣданіе 17 іюня.

³⁾ Ibidem; 1814, январь—апрѣль; засѣданіе 9 февраля.

⁴⁾ Ibidem; 1813 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюня.

что обиды и драка были обоюдны и даже вызваны были дочерью истицы ¹⁾. Подканцеляриста Потемкина, служившаго въ университетской канцеляріи, обвиняли въ томъ, что онъ вымазалъ ночью ворота и стѣны дегтемъ у вдовы титулярной советницы Млодчинской, дьякона Самойленкова и у дѣвицы Стрѣльниковой, выпустилъ изъ бочки у одиодворца Бѣльева для этой цѣли деготь и уворовалъ у него же смолы 30 ф. ²⁾.

На университетскаго гравера Шепфлина послѣдовала жалоба со стороны кожевника Гренгросса, служившаго на кожевенномъ заводѣ В. Н. Каразина въ сел. Кручикѣ, что тотъ распространялъ о немъ злонамѣренные и невѣрные слухи о продажѣ кожъ, похищенныхъ у В. Н. Каразина. Шепфлинъ сослался на одного свидѣтеля, который дѣйствительно покупалъ у него такіа кожи и рассказывалъ ему объ этомъ. Свидѣтель этотъ только отчасти подтвердилъ сдѣланную на него ссылку ³⁾.

Во всѣхъ изложенныхъ нами случаяхъ, какъ видимъ немногочисленныхъ, потерпѣвшихъ стороной являлись мѣстные обыватели. Но было столько же почти случаевъ и противоположнаго характера, т. е. такихъ, въ которыхъ потерпѣвшими оказывались профессора университета. Остановимся теперь на нихъ. Начнемъ съ самаго характернаго эпизода — побоевъ, нанесенныхъ проф. Шаду служителями питейной конторы. Нужно замѣтить, что тогда были въ полномъ ходу винные откупа и въ границѣ городской черты стояла застава, не пропускавшая въ Харьковъ никого съ виномъ; за городомъ же было свободное винокурение и дешевая водка. И вотъ на одной изъ такихъ заставъ, возлѣ университетскаго сада, на Пескахъ, по Деркачевской дорогѣ, возвращался пѣшкомъ въ городъ профессоръ Шадъ, какъ показывалъ одинъ изъ свидѣтелей, подъ хмелькомъ. Служителя питейной конторы, коллежскій регистраторъ Ващенко и купецъ Ковалевскій, велѣли его обыскать, хотя по своему одѣванію онъ не подавалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ корчемствѣ, при чемъ дергали его за платье; не найдя при немъ ничего подозрительнаго, отпустили его, но отправились потомъ далѣе вслѣдъ за нимъ и снова подвергли обыску, которому онъ подчинился, и при этомъ беспощадно били его кулаками въ бока, грудь и животъ, до такой степени, что онъ началъ харкать кровью. Слегъ въ постель, и приглашенный имъ профессоръ докторъ Дрейсигъ призналъ его положеніе опаснымъ; но штабъ-лѣкарь Романовскій не нашелъ наружныхъ зна-

¹⁾ Харь. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 31 октября, 2 декабря.

²⁾ Ibidem; 1813, сентябрь—декабрь, засѣданіе 18 декабря.

³⁾ Харь. унив. архивъ. Журн. правл. 1805 г., июль—декабрь; засѣданіе 30 окт., 1806 г., январь засѣданіе 12 февраля.

ковъ побоевъ и не ставилъ въ связь съ ними кровохарканія. Сейчасъ-же послѣ происшествіи Шадъ явился въ правленіе университета и изложилъ устно обстоятельства дѣла, а черезъ нѣкоторое время подалъ въ дополненіе къ этому и письменный отзывъ, въ которомъ просилъ предложить вопросъ Дрейсигу о состояніи его здоровья послѣ нанесенныхъ ему побоевъ; самъ-же онъ заявлялъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, которая является результатомъ разбойническаго нападенія служителей питейной конторы и въ преувеличенныхъ выраженіяхъ говорилъ о томъ, какую огромную утрату понесетъ въ его лицѣ вся Европа ¹⁾.

Тогдашніе суды не отличались быстротою производства дѣлъ и безпристрастіемъ. Это, конечно, хорошо было извѣстно и правленію университета и потому онъ, передавъ дѣло о побояхъ Шадъ въ уѣздный судъ, въ тоже самое время обращается къ вице-губернатору Муратову

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ письма: „Propter enormem illam, quae ante octo dies cum periculo vitae mihi illata est, injuriam necessarium duco haec monere et Directorio proponere. 1) Utile esse puto, si dominus professor Dreyssig vocetur ad Directorium et interrogetur, utrum modus, quo mihi plagae pugnīs ad partes molles corporis, scilicet ad ventrem et lumbos versus pectus inflictae sunt, non sit periculosus licet exterius nulla appareant signa, quae in hoc casu apparere non possunt, cum partes sint elasticae, et facta versus pectus, pulmones, stomachum, aliaque delicata organa contusiones vehementi tantummodo laesionem internam efficere possint. 2) Rogo, ut interrogetur professor Dreyssig, quatenus hucusque animadverterit symptomata, cum satis male adhuc me habeam et non solum magnos in pectore, costis, lumbis et ventre dolores quasi avuleis stimulatus, sentiam, sed etiam omni penē destitutus sim appetitu. Huc accedit, quod valetudinis meae ratio sit admodum inconstans, et magnopere dependeat a tempestate, prout est serena aut turbulenta, quod malum est signum. Sic hesternā die tam male me habui, ut spe omni recuperandae sanitatis absecta, cum optima conjuge mea, quam hucusque, quantum potui periculum vitae mihi imminens studiose celavi, ne eam quoque propinquam partui moerore et tristitia simili exponerem periculo, de dispositione mortis causa faciendā loqui necessarium mihi videretur. Vobis omnibus notum est, me statim crimine illo in me commissio ad vos confugisse rogantem, ut res statim ad vicegubernatorem delata eodem adhuc die judicialiter examinaretur. Dedistis mihi praeter clarissimum Dominum professorem Osipovsky, qui ipsemet litteras universitatis ad vicegubernatorem deferret, adhuc dominum Secretarium Vanovsky qui me praesente in politia, tanquam interpres, causam meam ageret. Praevide bene, si vel una dies latronibus ad deliberandum concederetur, per fraudes omnia inversum iri. Illuc institui acerrimē ut adhuc eodem die examen legale institueretur. Et quominus fieret, nihil obstabat. Apprehensi enim sunt me praesente una cum rustico, qui me de aqua vitae interrogavit latrones. Per Secretarium Vanovsky multoties non sine animi vehementia dici curavi politiae magistro, ut illos judicialiter interrogaret, declarans, me, nisi examine instituto hac nocte non posse redire domum. Mansi in domo Politiae fere usque ad horam undecimam auditam. Sed nihil potui impetrare. Etiam altera die tergiversationibus indultum usque ad vespēram, antequam ad examen accederetur. Modo audio, liberos dimissos esse latrones. Audio porro, in civitate rumorem spargi me paratum esse ad amicabilem transactionem

съ просьбой повліять на судъ въ смыслѣ ускоренія процесса. Дѣло казалося должно было пойти ускореннымъ образомъ. Что-же однако вышло? Рѣшеніе состоялось только въ апрѣлѣ 1812 года. На основаніи жалованной грамоты университету при допросахъ долженъ былъ присутствовать депутатъ отъ университета, и таковымъ былъ назначенъ снудикъ Г. П. Успенскій, но уѣздный судъ не вызывалъ его къ присутствію на допросахъ, и правленіе университета должно было дѣлать объ этомъ представленіе губернскому правленію. Самое слѣдствіе закончено было только въ началѣ 1812 г. Такъ какъ одинъ изъ подсудимыхъ, Конвалевскій, былъ изъ купческаго званія, то дѣло о немъ уѣздный судъ долженъ былъ рѣшать совместно съ городовымъ магистратомъ; но этотъ послѣдній подъ разнымъ предлогомъ уклонялся отъ этого, пока наконецъ не умеръ и самъ подсудимый. Наконецъ, 15 апрѣля состоялось

cum latronibus pro pecunia ineundam cum potius ante tres dies oblata per aliquem rem nunquam pecunia fuisse venalem; hinc me nullo modo posse acquiescere, etiamsi centum millia mihi offerentur, me potius jacturam vitae subiturum, quam ut debitae satisfactioni et strictae justitiae vel minimum detrahi paterer. Et haec quidem mea est mens, quam constanter tenebo, quacum vivam et moriar. Unum, quod in tristissimo hoc casu me consolatur hoc est, quod vos nullam officii vestri partem intermisisse sciam. Si latrones causa vicerint, non est vestra culpa. Omnia, quae in me animadverto, symptomata probare videntur me ex interno, quod hoc latrocinio contraxi, molo serius aut citius moriturum. Hoc testatur summa qua adhuc laboro debilitas viriam, quae non nisi ea laesione organorum ad vitam maxime necessariorum provenire videtur; testatur nausea omnis generis ciborum; testatur dolor, vehemens toto dextro latere pectus, costas, lumbos et ventrem acueis quasi pungens; testatur sanguis per sedem et spumam prodiens Imo moriar. Sed moriar, uti vixi, tanquam vir rectus et bene sibi conscius innocentiae et recte factorum, qui in tota vita sua prodesse humanitati studuit. Moriar non obscurus, sed in tota Europa dispersorum virorum et eruditionis et virtutis laude insignium. Moriar cum communi horrore atrocissimi criminis obstupescentibus omnibus bonis, quomodo ejusmodi quid, quod tantummodo de cannibalibus, similibusque nationibus non humanis, sed bestialibus credi potest, in Rossia, sub optimo Imperatore, in urbe Charkoviensi, ubi per universitatem hic stabilitam sedes humanitatis et justitiae esse videtur, contingere potuerit. Moriar denique non inultus. Nam flectere si nequeam superos, Acheronta movebo. Et vero ex inferis surget iudex, corrumpi nescius, qui dissecto meo cadavere ostendet illas plagas internas, quae mortis causa fuerunt. Ex meo sepulcro resonabit in Orbe terrarum vox, acusans in omnibus regionibus et convincens atrocissimi criminis tum eos, qui me occiderint, tum eos, qui latronibus suo favore et auxilio ad impunitatem viam straverint. Charkoviae. 27 maji 1810". Какъ видимъ, эта жалоба представляеть выдающійся образецъ ораторскаго искусства (въ особенности ея заключительная патетическая часть). Но въ ней не мало преувеличеній, объясняемыхъ съ одной стороны пылкостью самого „ненстоваго“ Шада, а съ другой реторическимъ характеромъ его блестящаго „литературнаго“ произведенія. Кромѣ того Шаду нужно было сгустить краски въ виду того, что какіе то доброжелатели обвиняемыхъ тайно дѣйствовали въ ихъ пользу.

постановленіе уѣзднаго суда совмѣстно съ городовымъ магистратомъ, переданное затѣмъ въ палату уголовного суда. По этому постановленію Ващенко въ приговорѣ къ заключенію въ тюрьмѣ, а другой подсудимый (простой служитель конторы) къ наказанію палками; сверхъ того съ имущества Ващенко и умершаго Козалевскаго рѣшено было взыскать за производство дѣла на гербовую бумагу соотвѣтственную сумму денегъ; у Ващенко была взята подписка, что впредь онъ не будетъ совмѣщать должность чиновника палаты и смотрителя питейной конторы. Такое сравнительно слабое наказаніе объясняется тѣмъ, что уѣздный судъ не призналъ исполнѣ доказаннымъ фактъ нанесенія тяжкихъ побоевъ проф. Шаду. Депутатъ университета, синдикъ Г. П. Успенскій, выступилъ тутъ съ особымъ мнѣніемъ, которое обличаетъ въ немъ прекраснаго юриста и доказываетъ, что онъ не даромъ пользовался славою тонкаго „законника“. Въ виду интереса, который оно представляетъ для характеристики личности Успенскаго и тогдашняго суда, мы помѣщаемъ его въ примѣчаніи цѣликомъ ¹⁾. Замѣтимъ кстати, что въ рѣ-

¹⁾ „На основаніи 154 § Высочайше Конфирмованнаго Устава Императорскаго Харьбоскаго университета присутствовать я въ семь судѣ въ качествѣ депутата общесъ членами здѣшняго городского магистрата, по дѣлу о причиненіи повѣренными питейныхъ сборовъ: коллежскимъ регистраторомъ Ващенковымъ и купцомъ Ковалевскимъ г. профессору здѣшняго университета, что нынѣ коллежскій совѣтникъ, Шадъ боемъ тяжелой обиды, съ мнѣніемъ господъ присутствующихъ согласиться не могу, ради слѣдующихъ причинъ.

I. Въ 1 пунктѣ рѣшенія сего сказано, что профессоръ Шадъ въ истребованномъ отъ него доказательствѣ свидѣтелей и доводовъ *криккихъ и ясныхъ* не поставилъ, но я думаю, что въ дѣлѣ семь со стороны его г. профессора находятся доказательства какъ *вѣроятныя*, такъ равно *криккія и ясныя*.—*Выполнныя* суть. Повѣренныя въ показаніяхъ своихъ другъ другу совершенно противурѣчаютъ.—Одинъ изъ нихъ говоритъ, что онъ въ тотъ день, т. е., 30 мая 1810 года, при объѣздѣ шинковъ, встрѣтился съ Ващенковымъ на пѣскахъ, а сей напротивъ того, что они оба, живя на одной квартирѣ, въ тотъ день послѣ обѣда вышли вмѣстѣ къ секретарю Розанову; противорѣчіе, котораго они и послѣ ничемъ не согласили. Ковалевскій будучи въ полиціи допрашиваемъ прежде Ващенко, называлъ его повѣреннымъ, но въ рукоприкладствѣ сказалъ, что повѣреннымъ называлъ его ошибкою. Естественно и безпристрастно суди возможно ли, что бы они живя на одной квартирѣ и находясь чрезъ долгое время у одного хозяина въ услуженіи одинъ другаго не знали, что за люди. — Ващенко въ разговорѣ о себѣ, что онъ не повѣренный, но служащій въ уголовной палатѣ коллежскій регистраторъ; послужной же списокъ его, полученный изъ упомянутой палаты, контрактъ съ откупщикомъ и найденныя у него деньги и долговой реестръ, принадлежащія питейной конторѣ, въ чемъ онъ и самъ сознался, ясно доказываютъ, что онъ въ противность генеральнаго регламента, главы 50, статьи 5, и указа февраля 5 дня 1724 года, былъ тогда и тѣмъ и другимъ. Въ палатѣ получалъ чины, а въ откупщика служилъ по контракту повѣреннымъ. Какъ бы то ни было, о Ващенко узнано по крайней мѣрѣ о его званіяхъ и должностяхъ; о Ковалевскомъ же, кромѣ собственнаго его показанія, что онъ купецъ, ничего болѣе не-

шеніи уѣзднаго суда участвовали цѣлый рядъ лицъ—судья Безруковъ, дворянскіе засѣдатели—Федоръ Абаза и Андрей Ковалевскій (повидимому тотъ самый, который велъ споръ съ проф. Пильгеромъ изъ за коляски), бургомистръ Московъ, ратманы Пянтелеевъ и Барымовъ, секре-

извѣстно, да и на то неистребовано отъ него доказательствъ, ниже паспорта его; оба же они какого доведенія, небыли ли подъ судомъ, въ подозрѣніяхъ и штрафахъ, а потому и заслуживаютъ ли они какое вѣроятіе, о семь подлежащихъ справокъ не учинивъ, имъ не смотря на явныя другъ другу противорѣчія и увертки ихъ единственно къ потемнѣнію истины повѣрено больше, нежели г. профессору Шаду, котораго безпорочное поведеніе всѣмъ извѣстно. Повѣренные сами признаютъ, что будто бы его г. Шада не знаютъ, неговоря такъ же, чтобы съ нимъ имѣли когда-либо вражду, а потому и жалобу его на нихъ нельзя почесть напрасно затѣянною. Да и естественно ли чтобы человѣкъ, будучи иностранецъ и незная русскаго языка, вздумалъ когда-либо напрасно жаловаться на людей природныхъ руссіанъ, которыхъ прежде не зналъ и увидѣлъ ихъ можетъ быть въ первый разъ въ то время, когда они на него напали?—Въ тотъ же день, когда причинена ему обида, онъ г. Шада вмѣстѣ съ господиномъ полиціймейстеромъ, прибывъ въ литейную контору узналъ ихъ, что послѣ подтвердили и заставщики. Если бы г. Шада вздумалъ жаловаться на нихъ по напрасну, какой могъ онъ ожидать отъ того пользы? При томъ если бы небылъ онъ въ самомъ дѣлѣ обиженъ ими, какъ могло ему, какъ и всякому честному человѣку, придти въ голову жаловаться на людей невинныхъ, и какъ можно было согласить между собою то, что онъ узналъ потомъ при господинѣ полиціймейстерѣ лично и свидѣтели справедливости показанія его утвердили?—На всѣ частные случаи законовъ ни въ какомъ государствѣ нѣтъ, да быть не можетъ, а потому и сіе происшествіе, по мнѣнію моему, примѣнить можно къ 12 и 13 пунктамъ вопиющихъ процедуръ части 2-й, главы 3-й. Всѣ сіи обстоятельства въ противность именнаго Высочайшаго указа, даннаго 16 августа 1802 года, статьи X, оставлены безъ вниманія. Сіи доказательства почитаю и больше нежели вѣроятными. Теперь слѣдуютъ доказательства, какъ я думаю, критическія и ясныя, по которымъ оныхъ повѣренныхъ, неопла-саясь законопреступленія, можно обвинить.

Критическія и ясныя въ дѣлѣ семь доказательства составляютъ показанія Зайченкова и Быкова и портного Сяляренка. Первый изъ нихъ сказалъ, что по приказанію повѣренныхъ Ващевкова и Ковалевскаго, шедшаго въ то время мимо заставы, и иностранца въ сюртукъ и шляпѣ, трусилъ онъ нѣтъ ли у него вина, и потомъ видѣлъ какъ оные повѣренные пошли скоро за нимъ, но что было далѣе, якобы не видѣлъ. Быковъ утверждаетъ то же, что Зайченковъ, по приказанію повѣренныхъ обыскивалъ, и что повѣренные, догнавши неизвѣстнаго ему нѣмца, начали на него нападать, и Блюкурый (разумѣль надобно Ковалевскій) сталъ его оцѣпывать и охватывать, и иностранецъ трясъ свое платье, но что они говорили ему за дальностію не было слышно, и такимъ образомъ скрылись изъ его вида. Сравнивъ показанія сіи съ показаніями повѣренныхъ ясно отиравается ихъ въ семь дѣлъ виновность. Здѣшняя городская полиція на другой день происшествія сего произвела подробное слѣдствіе и сообразна на основаніи помнутаго именнаго 16-го августа 1802 года состоявшагося указа всѣ обстоятельства дѣла, сей поступокъ повѣренныхъ съ г. Шаде назвала озорническимъ, буйственнымъ и противу-законнымъ, и ихъ признала виновными. Послѣ того доставлено въ сей судъ показаніе портного Карпа Сяляренка, который подъ крестнымъ цѣлованіемъ объявлялъ, что онъ стоя вмѣстѣ съ заставщиками самъ видѣлъ, какъ оные повѣренные били нѣмца, приба-

таре Войтенковъ. Еще въ сентябрѣ 1812 г. Шаде должны были напоминать правленію университета, что дѣло его не получило окончательнаго рѣшенія и его клонить къ окончательному забвенію; синдикъ Успенскій объяснилъ, что онъ передалъ дѣло на ревизію въ уголовную палату, при томъ, что они такъ толкали ему бока, что онъ едва могъ слѣдовать въ свой путь. Склиренко показалъ, что онъ видѣлъ сіе происшествіе стоя вмѣстѣ съ заставщиками, но какими именно, общее присутствіе членовъ уѣзднаго суда и городского магистрата сего не слѣдовало, основываясь, между прочимъ, на 189 статьѣ наказа, данного комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, принималъ одного Склиренку свидѣтелемъ, показаніе его считаетъ недостаточнымъ, хотя кромѣ его видѣли сіе происшествіе заставщики Быковъ и Зайченковъ, почему же свидѣтельство ихъ не принято въ уваженіе, присутствіе причинъ не показало.

II. Во 2-мъ пунктѣ рѣшенія своего въ томъ, что повѣренныя приказывали его, Шада, обыскивать признаетъ ихъ виновными, но наказаніе опредѣляетъ имъ противное III статьѣ устава о винѣ, равно какъ и Ващенкоу за то, что онъ въ одно и тоже время былъ и въ статской службѣ и повѣреннымъ, несообразно малое, въ противность упомянутыхъ мною узаконеній, т. е., генеральнаго регламента главы 50-й, статьи 5-й и указа февралю 5 дня 1724 года. При томъ въ семь пунктѣ рѣшенія 27 и 28 военскій артикулъ и толкованіе на послѣдній приведены по моему мнѣнію безъ надобности, ибо для основанія рѣшенія дѣла сего есть приличныя гражданскія узаконенія; изъ военныхъ же законовъ основанія въ рѣшеніяхъ гражданскихъ дѣлъ заимствовать указомъ отъ 10 апрѣля 1716 года позволено только въ недостаткѣ гражданскихъ законовъ.

III. Въ третьемъ пунктѣ рѣшенія на основаніи указа 1723 г. ноября 5 дня сказано: профессору Шаде предоставить право, буде онъ чувствуетъ себѣ какую обиду, употребить искъ формальнымъ порядкомъ. Въ семь указѣ предписанъ порядокъ какимъ надлежитъ производить формальный судъ, но нигдѣ не дано присутственнымъ мѣстамъ права уголовный искъ, каковъ г. Шаде на повѣренныхъ, обращать въ гражданскій, когда на-противъ того новѣйшимъ узаконеніемъ, а именно манифестомъ 1787 года апрѣля 21 дня статью 19 предоставлено самому истцу.

Наконецъ, хотя при освидѣтельствованіи г. профессора штабъ-лѣкаремъ Романовскимъ и не найдено на тѣлѣ его никакихъ боевыхъ знаковъ, при всемъ томъ показанія Зайченкова, а особливо Быкова и Склиренки ясно доказываютъ, какъ и г. Шаде увѣриеть, что повѣренныя били его подъ бока, гдѣ знаковъ боевыхъ по мягкости частей тѣла и быть не можетъ, что ему г. Шаде повѣренныя действительно причинили боемъ тяжкую обиду, согласившись на то, какъ изъ показанія Зайченкова видно, между собою прежде, что составлять, такъ называемый, сконъ и заговоръ.

Сообразивъ по дѣлу сему всѣ вышеупомянутыя мною обстоятельства, какъ то разнорѣчія и разныя увертки самихъ повѣренныхъ, состояніе и безпорочное поведеніе г. профессора Шаде, показанія свидѣтелей — Зайченкова, Быкова и Склиренки не имѣли большей надобности въ другихъ доказательствахъ справедливости со стороны г. Шаде, мнѣніемъ моимъ полагаю: что съ повѣренныхъ Ващенкова и Ковалевскаго на основаніи уложенія главы 10, статьи 199, устава о винѣ статьи 111 и городского положенія статьи 91 надлежитъ взыскать въ пользу г. Шаде безчестія вдвое противъ получаемого имъ окладнаго въ годъ жалованья, а именно: одну половину съ Ващенкова, а другую, вмѣсто умершаго въ продолженіе производства сего дѣла Ковалевскаго, по силѣ уложенія главы 21 статьи 64, съ хованія его бывшаго откупщика Хрущева. Синдикъ Гавриилъ Успенскій“.

палату. Когда же оно совершенно было закончено и каково было поставленіе въ окончательной формѣ, мы не знаемъ ¹⁾. Если служителя питейнаго откупа такъ разбойнически напали на Шада, то можно представить себѣ, какія безобразія они дозволяли себѣ по отношенію къ обывателямъ непривилегированнаго состоянія. Въ 1813 г. они въ количествѣ 20 чел. явились самоуправно въ 3 часа ночи въ университетскій садъ, произвели обыскъ у тамошнихъ служителей, перебили окна въ занимаемыхъ ими помѣщеніяхъ и забрали въ контору одного изъ нихъ. Откупщикомъ былъ тогда дядя жены Роммеля, генералъ Ковалевскій, и Роммель принять на себя трудъ переговорить съ нимъ по этому поводу ²⁾. Тоже изложено и въ журналахъ правленія за 1810 и 1812 годы. Документальныя данныя не подтвердили извѣстія Селиванова, что Шадъ былъ захваченъ объѣзчиками питейнаго откупа съ малой толикой наливки; если бы это было такъ, то обвиняемые непременно бы отмѣтили это обстоятельство въ своихъ показаніяхъ; но они ничего не говорили ни объ этомъ, ни о его поѣздкахъ съ цѣлями выпивки въ подгородній хуторъ; впрочемъ, быть можетъ, и этотъ разъ Шадъ именно возвращался изъ этого хутора уже навеселѣ, но во всякомъ случаѣ безъ корчемной „наливки“.

„Архивы, пишетъ Устиновъ, сохраняютъ массу дѣлъ, рисующихъ почти всегда кровавыя и ужасныя расправы и кары. Въ огражденіе отъ корчемства дешеваго вина изъ пригорода, городъ былъ оцѣпленъ 15 заставами, со стражею изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ человѣкъ на каждой заставѣ. Заставы эти находились: 1-я близъ холодной горы на Екатеринославской дорогѣ, 2-я Крамаренкова застава, 3-я на Бѣлогородской ул., 4-я на Песковской, 5-я на Коврижной, 6-я возлѣ Новаго кладбища, 7-я возлѣ старого кладбища, 8-я подлѣ Лысой горы, 9-я на Гончаровкѣ, 10-я близъ сада Квитки, подлѣ Холодной горой, 11-я на Основѣ, 12-я на Панасовкѣ, 13-я на Младзирской заставѣ, 14-я на Драгомировой заставѣ, 15-я на Сумской“ ³⁾. Шада избili на 4-й Песковской заставѣ.

Военные посты были, какъ мы знаемъ, въ высшей степени обременительны для городскихъ обывателей. Профессора университета были поставлены въ этомъ отношеніи въ исключительныя условія — дома, ими занимаемыя, были освобождены отъ воинскихъ командъ. Но иногда

¹⁾ Всѣ эти данныя мы позаимствовали изъ особаго дѣла, хранящагося въ Харьк. ун-в. арх. (Дѣло правл. 1810—1812, № ⁴⁹³/37).

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Журн. правл. 1813 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20 февр.

³⁾ Устинова. Харьковъ въ нач. нынѣшняго столѣтія (Харьк. кол. на 1886 годъ, стр. 87).

все таки возникали столкновения и недоразумѣнія на этой почвѣ. Въ 1809 году профессор Коритари вошелъ въ правленіе университета съ жалобой, въ которой между прочимъ, писалъ, что его квартирный хозяинъ Сребдольскій сдѣлалъ временную калитку въ заборѣ, отдѣляющемъ домъ, занимаемый имъ, Коритаріемъ, отъ хозяйскаго помѣщенія, — и не хочетъ ее закрывать; между тѣмъ черезъ нее ночью проходить скотъ — разные подозрительные люди, нарушая его покой и мѣшая его занятіямъ, сверхъ того въ конюшнѣ, подходящей къ самымъ окнамъ его квартиры, помѣщается днемъ до 20, а ночью четверо караульныхъ солдатъ, которые постоянно ходятъ по двору и подвигаютъ крикъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, всегда пьянымъ, и причиняютъ ему безпокойство и страхъ, такъ что онъ не можетъ заниматься дѣлами, относящимися къ его службѣ. Правленіе уважило ходатайство Коритари и постановило просить губернатора и квартирную комиссію исполнить законное желаніе проф. Коритари, „такъ какъ занятія гг. профессоровъ требуютъ спокойствія со стороны общественной“¹⁾. Проф. Нельдехенъ въ 1811 г. жаловался правленію на офицера, квартирующаго въ занимаемомъ имъ домѣ — что онъ ворвался нахально въ его квартиру и надѣлалъ ему много грубостей. Правленіе потребовало отъ квартирной комиссіи немедленнаго удаленія этого неспокойнаго постояльца и сослалось на Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи домовъ, занимаемыхъ профессорами, отъ постоевъ²⁾. Третій случай столкновенья съ военнымъ элементомъ относится къ учителю фехтованія Сивокту. Мы его касались на 392—394 стр. своего труда. Теперь же только припомнимъ, что и Шадъ жаловался на своего квартирнаго хозяина Кувшинникова и не нашелъ удовлетворенія въ полиціи³⁾. Въ 1812 году профессоръ Роммель обратился въ правленіе университета съ жалобой на плѣнныхъ турокъ, которые нанесли жестокіе побои его слугѣ; деканъ медицинскаго факультета Книгинъ вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Романовскимъ освидѣтельствовали потерпѣвшаго и нашли слѣды побоевъ. Правленіе приняло живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Но на слѣдствіи выяснилось, что слугу Роммеля ударилъ 2 раза чубукомъ плѣнный турецкій паша за то, что тотъ побилъ его служителя, привязавшаго лошадь къ бричкѣ проф. Роммеля⁴⁾.

Городское благоустройство было не блестяще и отъ этого также приходилось страдать представителямъ университета. Мы видѣли, что

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1802 г. сент. — декабрь; засѣданіе 6 сент.

²⁾ Ibid. 1811 г. сент. — дек.; засѣданіе 12 октября.

³⁾ Настоящее сочиненіе, стр. 393.

⁴⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май — августъ; зас. 1 и 25 іюля.

у того же проф. Роммеля воры похитили лошадей, но полиція нашла ихъ только благодаря полученной взяткѣ. Проф. Делявинъ слылъ за богатаго и скупого человѣка и къ нему также забрались воры, *заперли его и его людей ночью въ горнилы и кухню*, отбили замки въ амбарѣ и сараѣ и забрали тамъ на 30 р. вещей ¹⁾. У проф. Шумлинскаго вышло столкновеніе съ полиціей, которая обвиняла его въ передержательствѣ какого-то бродяги Дениса; но Шумлинскій подалъ опроверженіе, въ которомъ объяснилъ, что не только не удержалъ у себя этого человѣка, когда онъ пришелъ къ нему напиматься въ услуженіе, а даже отправилъ его съ университетскимъ экзекуторомъ Анадольскимъ для опредѣленія его личности въ полицію ²⁾.

Приведенными случаями—какъ видимъ, весьма немногочисленными—исчерпываются, сколько намъ извѣстно, всѣ столкновенія мѣстной обывательской среды съ университетскою; по крайней мѣрѣ это можно сказать о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которые доходили до судебного разбирательства. Они, въ совокупности своей, не могли замѣтно ослабить того благодѣтельнаго вліянія, которая оказывалъ университетъ на мѣстное общество въ культурномъ отношеніи—въ смыслѣ подъема умственнаго и нравственнаго и даже матеріальнаго его состоянія. Рядомъ съ немногочисленными столкновеніями, носившими временный, спорадическій характеръ, дѣйствовали постоянныя вліянія въ смыслѣ сближенія университетскихъ дѣятелей съ обществомъ и благотворнаго воздѣйствія на это послѣднее. Важнымъ средствомъ для такого сближенія служили *университетскіе акты*. Что университетъ не отгораживался китайскою стѣною отъ общества, что онъ стремился къ духовному общенію съ мѣстною сферою, это доказывается между прочимъ какъ большимъ числомъ публичныхъ университетскихъ актовъ, такъ и обиліемъ происходившихъ на немъ чтеній и главное самымъ выборомъ подходящихъ для этого темъ. И мы могли убѣдиться уже въ предыдущемъ изложеніи, что цѣль вполне достигалась, что акты сыиграли видную роль въ дѣлѣ сближенія университета съ обществомъ. Мы видѣли какое огромное впечатлѣніе произвело на публику празднество открытія университета—объ этомъ говорятъ современники очевидцы: священникъ о. Вас. Фотіевъ, поочетитель округа гр. С. О. Потоцкій и Розаліонъ-Сошальскій. О содержаніи рѣчей и живомъ интересѣ ихъ для публики, а также о разсылкѣ ихъ въ города мы говорили уже выше ³⁾. Теперь мы приведемъ нѣсколько описаній самихъ актовъ, потому что и въ дѣлѣ устрой-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 22 февр.

²⁾ Ibidem. 1809, сент.—дек., засѣданіе 2 декабря.

³⁾ 687—704, 738—740 стр. настоящаго труда.

ства ихъ также проявились заботы университета объ удобствахъ и интересахъ публики. Ежегодно устраивалось, какъ мы знаемъ, по два и даже по три акта—30 июня по окончаніи экзаменовъ, 30 августа—въ день тезоименитства Государя и 17 января—въ день основанія университета. На каждомъ изъ нихъ произносилось по нѣсколько рѣчей. Читенія эти требовали отъ публики значительнаго умственного напряженія и потому въ антрактахъ была музыка, пѣніе и угощеніе. Актъ 30 июня 1810 г. (по окончаніи лекцій и экзаменовъ) происходилъ такъ. Въ большой залѣ малаго университетскаго дома въ 6 час. пополудни состоялось торжественное собраніе университета въ присутствіи посторонней приглашенной публики. На немъ произнесены были рѣчи проф. Тимокскимъ на русскомъ языкѣ и адъюнктомъ Лангомъ на нѣмецкомъ. Въ началѣ собранія и послѣ каждой рѣчи играли симфоніи и подавали публикѣ угощеніе (чай, оршадъ, фрукты). Затѣмъ провозглашены были имена окончившихъ трехлѣтній университетскій курсъ (ихъ было 7) и выданы имъ аттестаты (въ числѣ окончившихъ былъ и Тимофей Ивановичъ Селивановъ), имена студентовъ, оказавшихъ отличные успѣхи на послѣднемъ испытаніи (таковыхъ было 13 человекъ), и наконецъ, фамилии вновь вступившихъ въ университетъ; ихъ оказалось 7 чел. и ректоръ всѣмъ имъ тутъ же вручилъ шнаги. Истрачено было на угощеніе публики 68 руб. 75 к.; подавались чай со сливками, лимонадъ, мороженое ¹⁾. Подобнымъ же образомъ происходилъ актъ 30 июня 1811 года, на которомъ угощеніе публики обошлось въ 38 р. 5 к.: было куплено 5 фун. сахару по 2 р. 20 к., $\frac{1}{4}$ фун. чаю (за 3 р.), сливокъ на 75 к., истрачено на приготовленіе лимонада 25 р., купленъ 1 ф. восковыхъ свѣчей за 1 р. 70 к., прислугѣ и извозчикамъ (за развозку билетовъ) 16 р. 60 к. Лимонадъ былъ приготовленъ особеннымъ образомъ: 4 бутылки краснаго столоваго вина (4 р.), бутылка рома (5 р.), 6 фун. сахару (13 р.), бутылка лимоннаго сока (2 р.) ²⁾. Актъ 30 июня 1809 г. обошелся университету въ 49 р. 90 к.: тутъ кромѣ чаю и сахару фигурируетъ только мицдаль для приготовленія оршадъ и вино; актъ 30 августа того же года обошелся въ 141 руб. 85 коп.; тутъ къ чаю было варенье, лимонъ и сливки, были фрукты, оршадъ и лимонадъ; площадъ для иллюминаціи было приготовлено 200 ³⁾. На угощеніе публики 30 августа 1810 г. истрачено было 105 р. 95 к.; кромѣ чаю подавались оршадъ и фрукты ⁴⁾.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1810 г. № ⁵²²/₂₈.

²⁾ Ibidem. Дѣло правл. 1811 г. № ⁵⁶⁸/₂₀.

³⁾ Ibidem. Дѣло правл. 1809 г. № ⁵⁴⁷/₂₄.

⁴⁾ Ibidem. Дѣло правл. 1810 г. № ⁵²²/₂₈.

А вотъ церемоніаль акта 30 августа 1811 г.

Въ 10 час. утра открылось засѣданіе совѣта, на которомъ избрано было нѣсколько лицъ въ почетные члены университета ¹⁾. Затѣмъ всѣ отправились въ церковь на литургію и молебствіе. Въ 5 час. пополудни началось торжественное ученое собраніе. Церемоніймейстерами были опредѣлены гг. адъюнкты Успенскій, Васильевъ и фонъ-Шмерфельдъ. Въ назначенную для собранія залу съѣхались городскіе чиновники, благородное дворянство *обою пола*, высшее духовенство и купечество, приглашенные особыми билетами; затѣмъ при входѣ въ залъ ректора съ губернаторомъ и профессорами заиграла музыка и прочитаны были рѣчи—ректоромъ университета Стойковичемъ на русскомъ языкѣ о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неудобнымъ для дыханія, проф. Роммелемъ на латинскомъ языкѣ о преимуществѣ и значеніи истиннаго просвѣщенія и проф. Белень-де-Баллю на французскомъ языкѣ объ играхъ и забавахъ древнихъ грековъ. Послѣ каждой рѣчи слѣдовала симфонія, кантъ и угощеніе. Потомъ синдикъ университета адъюнктъ Успенскій сообщилъ какъ бы краткій отчетъ о состояніи университета—о томъ, какіе профессора выбыли изъ университета, какіе вновь вступили въ него, какіе были избраны совѣтомъ и утверждены начальствомъ въ высшихъ классахъ, какія лица были избраны въ почетные члены, кто изъ учителей былъ назначенъ лекторомъ, кто изъ кандидатовъ былъ произведенъ въ магистры и изъ студентовъ въ кандидаты, кто былъ принять изъ студенты, причемъ новымъ кандидатамъ розданы были дипломы, а новымъ студентамъ (26 чел.) ²⁾—матрикулы и шпаты; при этомъ играла музыка; закончилось торжество концертомъ и иллюминаціей—горѣла прозрачная картина, изображающая заключеніе дружбы между Аволлономъ и Императоромъ Александромъ. На угощеніе приглашенныхъ гостей и на прочія нужды было истрачено 169 р. 75 коп. О характерѣ угощенія даетъ понятіе реестръ расходовъ. Куплено было 16 ф. сахару по 2 р. за фунтъ (32 р.), $\frac{1}{4}$ ф. чаю (3 р.), лимоновъ на 1 р. 50 к., сливокъ на 1 р. 20 к., 14 ф. варенья по 1 р. 60 к. (22 р. 40 к.), 12 ф. миндаля для оршада по 1 р. 50 к. (на 18 руб.), 500 яблочъ и бергамотъ (на 5 р.), 28 ф. восковыхъ свѣчей по 60 р. пудъ (на 42 р. 10 к.), 2 ф. скипидару для плошекъ по 75 к. (1 руб. 50 коп.), дано

¹⁾ Какія лица были избраны въ почетные члены университета въ 1811 году, мы говорили на 246 стр. настоящаго сочиненія.

²⁾ Въ числѣ прочихъ оказались принятыми въ этомъ году извѣстныя намъ Петръ Певневъ, Иванъ Сухомлиновъ и Александръ Андреевъ.

извозчикамъ за развозку билетовъ 16 р., прислугѣ 17 р. 15 к., за постановку и обдѣлку транспаранта 10 р.¹⁾ А вотъ описаніе акта 17-го января 1811 года. Поутру происходило молебствіе въ соборѣ, на немъ присутствовали всѣ члены университета. Въ 6 час. пополудни торжественное собраніе, на которое были приглашены по билетамъ почетнѣйшіе представители всѣхъ слоевъ харьковского общества—чиновники, дворяне, духовенство, купечество, открыто было вокальнымъ концертомъ. Затѣмъ прочитаны были три рѣчи (проф. Каменскимъ, Дегуроровымъ и Рейтомъ). Въ промежуткахъ между рѣчами пѣлись концерты и исполнялись симфоніи. Послѣ этого съ приличнымъ торжествомъ вручили магистрамъ дипломы, а затѣмъ секретарь совѣта провозгласилъ имена лицъ, удостоенныхъ избранія въ почетные члены университета. Празднество закончилось исполненіемъ пѣвчими „Тебе Бога хвалимъ“ съ акомпаниментомъ музыки²⁾. Угощеніе публики на актѣ 17 января 1812 г. обошлась въ 170 р. 67½ к.: тутъ давали чай съ вареньемъ, съ лимономъ и сливками, фрукты; сахаръ въ это время стоилъ 2 руб. 25 к., одна штука лимона 50 коп.; даже яблоки вздорожали и стоили 2½ к. штука; пѣвчихъ пришлось нанять и имъ было выдано 50 руб.; 30 августа для той же цѣли издержано было 157 р. 10 к. и опять былъ чай, варенье, оршадъ, яблоки и груши, бергамоты; лимоны стоили по 75 коп. (ихъ было куплено 4 штуки), но сахаръ немного подешевѣлъ—фунтъ стоилъ 1 р. 70 к., фунтъ чаю 13 р. 50 к. (въ 1810 г. этотъ чай, называемый „сквознякомъ“, стоилъ всего 10 р.; въ 1811 г.—12 р.).

Къ этимъ краткимъ официальнымъ даннымъ присоединимъ еще нѣсколько мелкихъ подробностей, сообщаемыхъ извѣстнымъ уже намъ архіерейскимъ пѣвчимъ Пѣхотинскимъ. „Въ тогдашнее время, говоритъ онъ, ежегодно университетъ имѣлъ два торжества: день тезоименитства Императора Александра I, 30 августа, совмѣстно съ празднованіемъ университетскаго акта и день открытія университета, 17 января. Къ этимъ обоимъ днямъ дѣлались особенныя приготовленія и всегда давались ораторіи и концерты въ собраніи многочисленной публики. Университетскій учитель музыки Витковскій, считавшійся тогда однимъ изъ извѣстныхъ артистовъ-композиторовъ, съ особенною заботою и умѣньемъ распоряжался составленіемъ оркестра, какъ инструментальнаго, такъ и вокальнаго. Нашъ (архіерейскій) пѣвческій хоръ заблаговременно приглашался и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы держали репетиціи. При этихъ репетиціяхъ бывали профессора и студенты.... На одномъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сент.—дек. засѣд. 4 сентября.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1811 г. № 508/30.

изъ актовъ была между прочимъ исполнена ораторія Гайдна „Сотвореніе міра“. Успѣхъ ея, сколько помню, былъ очень блестящъ. Хоръ нашъ заслужилъ полное одобреніе, и меня, не знаю впрочемъ за что, многіе хвалили и подзывали къ себѣ. Я даже стыдился этихъ похвалъ, какъ стыдился послѣ того, что долго не зналъ знаменитаго имени Гайдена. Я не понималъ достоинства ораторіи, и пѣлъ, и слушалъ потому, что ведѣли пѣть и надо было слушать, а собственной музыкальной мысли не существовало для меня. Въ тетради моей нѣмецкій текстъ былъ написанъ латинскими буквами, и профессоръ А... училъ насъ произносить, а потому произносилъ и я тѣ слова правильно, которые слѣдовали на мою долю. Но не могу забыть, что мнѣ очень пріятно было стоять близъ знатнѣйшихъ особъ, сидѣвшихъ на ближайшихъ мѣстахъ къ оркестру. Особенно я восхищался краснымъ мундиромъ съ золотомъ и голубою лентою графа Потоцкаго, тогдашняго попечителя университета. Подлѣ него сидѣлъ губернаторъ. Еще болѣе помню мою радость и самодовольство, когда губернаторъ Бахтинъ подозвалъ меня, взялъ мою тетрадь и показалъ графу Потоцкому, который, вѣроятно, любопытствовалъ знать, какъ написанъ текстъ. Отдавая мою тетрадь, губернаторъ спросилъ меня: „а ты учишься по нѣмецки?“ „Нѣтъ“ отвѣчалъ я. „Сочинѣнїю учиться“. Я поклонился, разумѣется, очень глупо. Губернаторъ улыбнулся и сказалъ графу: „это мой знакомецъ“. Графъ Потоцкій посмотрѣлъ на меня ласково и сказалъ что-то по французски. Губернаторъ отвѣчалъ ему по французски и оба засмѣялись. „Учись же по нѣмецки“, сказалъ наконецъ губернаторъ, отдавая мнѣ тетрадь, „чтобы дослужился до красной ленты“ (это былъ намекъ на то, какъ шалунъ Пѣхотинскій, присутствуя на концертѣ въ губернаторскомъ домѣ, надѣлъ его ленту)¹⁾. Тутъ производить пріятное впечатлѣніе доступность и ласковость такихъ лицъ, какъ гр. Потоцкій и Бахтинъ. Нужно думать, что несмотря на торжественно официальный характеръ актовъ, они не были лишены извѣстной доли патріархальности. 25-го декабря 1814 года университетъ устроилъ торжественное празднество по поводу „мира дарованнаго Императоромъ Александромъ Европѣ“, т. е. низверженія Наполеона. Кандидатъ Шуманъ, какъ мы знаемъ уже, сочинилъ по этому поводу особую ораторію на слова проф. И. Е. Срезневскаго. Исполнять эту ораторію долженъ былъ архіерейскій хоръ, но, какъ мы сообщали выше, новый епископъ Аполлосъ (преемникъ Христофора Сулимы) отказалъ университету въ присылкѣ своихъ пѣвчихъ и рѣшено было пригласить для этого частный хоръ помѣщицы Ахтырскаго уѣзда

¹⁾ „Духовная беседа“ 1865 г., т. XI, стр. 441—442, 446—447.

Корсаковой. Тутъ говорилъ извѣстную намъ рѣчь, посвященную Наполеону, проф. Шадъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ университетъ принялъ на себя роль истолкователя передъ публикой значенія только что законченной великой эпопеи Наполеона и выразилъ чувства, общія съ настроеніемъ всего мѣстнаго общества. Университетскіе акты способствовали сближенію университета съ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ культивировали въ немъ науку, распространяли общія прогрессивныя идеи (въ особенности о пользѣ и значеніи науки и образованія), знакомили съ лучшими произведеніями вокальной и инструментальной музыки и тѣмъ способствовали поднятію эстетическаго уровня обывателей. Но и кромѣ актовъ университетъ имѣлъ еще не мало средствъ для благотворнаго воздѣйствія на мѣстную среду—на ея бытъ и нравы. Благодаря ему здѣсь дѣйствительно стала пробуждаться духъ общественной жизни на новыхъ началахъ. При университетѣ было учреждено ученое общество, въ составъ котораго вступили, какъ мы знаемъ, и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Виножникъ основанія университета въ Харьковѣ В. Н. Каразинъ былъ учредителемъ и душою другого, такъ называемаго, филотехническаго общества, которое поставило своею прямою задачей—улучшеніе мѣстной земледѣльческой культуры введеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ приѣмовъ и способовъ хозяйства. Членами его были, какъ намъ извѣстно, помѣщики Харьковской и соседнихъ губерній. Наконецъ, по инициативѣ Гр. Оед. Квитки и при участіи ректора Стойковича, было открыто въ 1812 году Харьковское общество благотворенія, занимавшееся дѣлами помощи и воспитанія немущихъ. Ему обязанъ своимъ происхожденіемъ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Съ открытіемъ при университетѣ типографіи и цензурнаго комитета, въ Харьковѣ сразу началась, какъ мы видѣли, оживленная издательская дѣятельность: стали печатать въ большомъ числѣ книги, брошюры; появилась и первая газета, издателемъ которой былъ университетскій книгопродавецъ Лавгнеръ. Подъ прямымъ непосредственнымъ вліяніемъ университета развилась въ Харьковѣ и книжная торговля, и при томъ не только русскими, но и иностранными книгами. Вообще, можно сказать, что университетъ замѣтно повліялъ на поднятіе культурнаго уровня мѣстнаго общества, дѣйствуя не одною теоретическою проповѣдью, а и собственнымъ живымъ примѣромъ. Мѣстные обыватели видѣли новую университетскую среду, соприкасались съ нею и усвоили себѣ ея привычки культурной жизни. Огромное значеніе для горожанъ имѣли ремесленники иностранцы—выписанные В. Н. Карзинымъ изъ Петербурга для университета: одни изъ нихъ остались

служить университету, который отдавалъ имъ въ ученіе русскихъ учениковъ и тѣмъ способствовалъ развитію ремесленныхъ знаній въ Харьковѣ, другихъ взялъ къ себѣ въ д. Кручикъ самъ В. Н. Каразинъ, у котораго тамъ было и опытное поле, и лабораторія, и фабрики; третьи, наконецъ, открыли свои заведенія въ городѣ и поставили ихъ очень высоко въ глазахъ мѣстныхъ обывателей. Да и вообще учрежденіе университета подняло Харьковъ въ экономическомъ отношеніи: учащіе и учащіеся образовали какъ бы новый городокъ, для котораго понадобились и квартиры, и сѣстные припасы. Тутъ въ значительной степени оправдались надежды, возлагавшіяся на университетъ городскимъ обществомъ и В. Н. Каразинымъ. Оправдались эти надежды, хотя и не въ такомъ грандіозномъ видѣ, какъ представлялъ это себѣ пылкій Каразинъ, и въ отношеніи прямыхъ непосредственныхъ дѣлей и задачъ университета: ежегодно выходило изъ него нѣкоторое число учителей, юристовъ и врачей, въ которыхъ тогда чувствовалась огромная потребность; даже недоучившіеся въ университетѣ молодые люди находили себѣ работу и службу и дѣлались весьма полезными членами общества. Наконецъ, университетъ оказывалъ постоянно значительное нравственное вліяніе на виуниверситетскую среду и это вліяніе распространялось и за предѣлы Харьковскаго учебнаго округа, куда судьба забрасывала его питомцевъ. Конечно, наиболѣе интенсивнымъ оно было на мѣстѣ, въ стѣнахъ университета, гдѣ читали свои курсы профессора и оказывали какъ ими, такъ и примѣромъ собственной жизни, благотворное нравственное вліяніе на учащуюся молодежь. Мы видѣли, какъ велико было вліяніе въ этомъ отношеніи такихъ личностей, какъ, на примѣръ, Рижскій, Осиповскій, Павловскій, какъ глубоко чтили ихъ современники и при томъ не одни студенты, а все харьковское общество. И сѣмя, посеянное ими, не пропало даромъ: оно упало на чуткія, отзывчивыя сердца молодежи и принесло свой плодъ сторицею. Далеко, въ самые глухіе углы, понесли идеи истины, добра и красоты слушатели и почитатели этихъ благородныхъ и честныхъ наставниковъ и зажгли тамъ свѣточъ знанія, который долженъ былъ разсѣивать окружающую тьму.

Теперь, въ послѣдней, заключительной главѣ 1-го тома мы займемся именно этимъ вопросомъ — посмотримъ, какую роль игралъ университетъ въ дѣлѣ устройства среднихъ и низшихъ народныхъ училищъ.

VIII-я ГЛАВА.

Роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія.

Главною типическою особенностью устава 1804 года было то, что онъ предоставилъ университету полное и непосредственное заведываніе всѣми училищами въ округѣ — какъ средними, такъ и низшими, какъ правительственными, такъ и частными. Это давало ему чрезвычайно широкія права, дѣлало его мѣстнымъ органомъ правительственной власти по части народнаго просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на него чрезвычайно важную, серьезную и отвѣтственную обязанность.

Спрашивается: насколько удовлетворительно Харьковскій университетъ разрѣшилъ эту задачу, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, чего не сдѣлалъ и почему не сдѣлалъ?

Чтобы дать *точный* отвѣтъ на это, мы должны предварительно поставить себѣ и разрѣшить два другихъ вопроса — какое наслѣдіе отъ стараго времени получилъ Харьковскій университетъ и какова была задача, поставленная ему правительствомъ, иными словами, какого типа школы онъ принялъ въ свое вѣденіе и какого типа школы онъ долженъ былъ создавать вновь по реформѣ учебнаго дѣла, произведенной императоромъ Александромъ I. Екатерининская эпоха оставила университету въ наслѣдство свои школы. Что же это были за школы?

Уже въ своемъ „Учрежденіи для управленія губерній“ 1775 г., посвященномъ реформѣ областного управленія, Екатерина II коснулась и училищнаго дѣла. Въ каждой губерніи учреждался приказъ общественнаго призрѣнія и на него возложено было кромѣ заведыванія благотворительными учрежденіями „попеченіе и надзираніе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ“. Предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ многочисленныхъ селеніяхъ „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однакоже не чинить никому принужденія“, за ученіе установить умѣренную плату, освободивъ отъ нея бѣдныхъ. Курсъ начальной школы, положенъ былъ слѣдующій: чтеніе, письмо, арифметика, рисованіе, Законъ Божій. Но всѣ распоряженія о заведеніи школъ не только во *всѣхъ* городахъ, но и въ селеніяхъ остались мертвою буквою на томъ основаніи, что на нихъ не было отпущено никакихъ средствъ; распоряженія эти представляли изъ себя, по выраженію гр. Д. А. Толстого, „бюрократическій обрывокъ многосложнаго законодательства о губер-

ніяхъ, вошедшій въ него какъ бы мимоходомъ, для вида и приличія“¹⁾. Вскорѣ затѣмъ Императрица вступила на практический путь въ этомъ дѣлѣ и перенесла въ Россію австрійскую систему начальнаго народнаго образованія, насажденную тамъ при Маріи Терезіи. Въ 1782 г. открыта была, подъ вѣдѣніемъ Императрицы, „комmissія объ учрежденіи училищъ, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ сенатора и будущаго перваго министра народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскаго, вошли Эпинусъ и Пастуховъ, а также былъ приглашенъ и вызванный изъ Австріи тамошній видный дѣятель по народному образованію православный сербъ Янковичъ де Миріево. На ея обязанности лежало выработать планъ учрежденія училищъ и позаботиться о составленіи необходимыхъ для школъ учебниковъ. По учебному плану 1782 г., выработанному собственно Янковичемъ, принятому комиссіей и утвержденному Государыней, народныя училища раздѣлялись на три разряда—малыя, среднія и главныя. Заведеніе школъ по этому плану началось въ Петербургѣ и только въ 1786 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи главныхъ народныхъ училищъ въ 25 губерніяхъ, которыя избраны были самою Императрицею; въ числѣ ихъ изъ губерній, вошедшихъ потомъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, мы встрѣчаемъ только Орловскую, Курскую и Воронежскую²⁾. Къ этому времени выработанъ былъ комиссіей и полный подробный уставъ училищъ не только въ учебномъ, но и въ административно-хозяйственномъ отношеніи, причѣмъ и въ учебномъ планѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія; такъ, напр., среднія училища были совсѣмъ отвергнуты. Вотъ основныя черты устава народныхъ училищъ 5 августа 1786 года.

Для завѣдыванія всѣми училищами въ Имперіи учреждалось „главное правительство училищъ“—такое названіе получила теперь комиссія. Оно состояло подъ непосредственнымъ вѣденіемъ Государыни и ей представляло свои доклады. Мѣстное управленіе училищами въ каждой губерніи вручалось, подъ высшимъ наблюденіемъ генераль-губернаторовъ, губернатору и приказу общественнаго призрѣнія, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. Губернаторъ являлся попечителемъ училищъ въ губерніи; онъ долженъ былъ при своихъ объѣздахъ посѣщать школы, стараться о распространеніи училищъ не только въ уѣздныхъ городахъ, но по возможности и въ селеніяхъ, расширять ихъ курсы заведеніемъ

¹⁾ Гр. Д. А. Толстого. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1886, стр. 2, 3.

²⁾ Ibidem, стр. 88—89; 93. Впослѣдствіи времени сюда вошли впрочемъ еще и нѣкоторыя другія.

новыхъ классовъ, оказывать вслѣдствіе училищному начальству. Приказъ общественнаго призрѣнія обязанъ былъ добывать деньги на содержаніе школъ, платить жалованье учителямъ, покупать учебники, заботиться о помѣщеніи для училищъ.

Во главѣ учебной части въ каждой губерніи стояли директора народныхъ училищъ, назначаемые генераль-губернаторами. „Директоръ заведовалъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касающимся училищъ, исправлялъ замѣченные имъ въ училищахъ недостатки, а о болѣе важныхъ докладывалъ приказу; наблюдалъ, чтобы никто не былъ опредѣленъ учителемъ, не выдержавъ экзамена въ главномъ народномъ училищѣ въ своихъ познаніяхъ и въ усвоеніи методы или способа преподаванія. Онъ обизывался осматривать училища въ губернскомъ городѣ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, по уѣздамъ же по крайней мѣрѣ разъ въ годъ и присутствовать на экзаменахъ въ училищахъ губернскаго города“. Для наблюденія за училищами въ уѣздномъ городѣ учреждена была должность смотрителя, на каковую назначался кто-либо изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей. Онъ получалъ ежемѣсячно отъ учителей вѣдомости о состояніи училища, которыя пересылалъ въ приказъ для директора; онъ долженъ былъ по два раза въ недѣлю навѣдываться въ училище, наблюдать за исправнымъ посѣщеніемъ учителями и учениками классовъ и церкви и присутствовать на экзаменѣ, оказывать помощь и содѣйствіе учителямъ, стараться объ исправленіи нерадивыхъ, доносить о нежелающихъ исправиться директору и сообщать приказу о нуждахъ училища ¹⁾. Такова была организація хозяйственно-административной части училищъ.

Учебная часть въ главныхъ и малыхъ училищахъ была устроена такъ. Въ главныхъ народныхъ училищахъ, которыя должны были явиться во всѣхъ губернскихъ городахъ, было по 4 класса, но въ четвертомъ классѣ курсъ ученія былъ двухлѣтній. Въ каждомъ классѣ было 30 недѣльныхъ часовъ (по 5 ежедневно). Преподавались здѣсь — чтеніе, письмо, Законъ Божій (объясненіе евангелія, катехизисъ ²⁾), священная исторія), добронравіе, грамматика, ученіе о должностяхъ чело- вѣка и гражданина, всеобщая исторія, математическая и всеобщая европейская географія, географія Россіи, русская исторія, арифметика, геометрія, механика, физика, естественная исторія, рисованіе, гражданская архитектура съ черченіемъ плановъ. Кромѣ этихъ предметовъ должны были преподаваться для лицъ, желавшихъ продолжать ученіе въ гим-

¹⁾ Ibidem, стр. 96—97.

²⁾ Проходилъ 3 раза — кратко, пространно и съ доказательствами изъ священнаго писанія.

назійхъ и университетахъ, латинскій и одинъ изъ новыхъ языковъ (какой окажется употребительнѣе въ томъ намѣстничествѣ, гдѣ находится училище). Въ главномъ народномъ училищѣ полагалось 6 учителей, въ томъ числѣ особые преподаватели рисованія и новаго языка; количество часовъ у нихъ колебалось отъ 18 до 32. Малыя народные училища соотвѣтствовали по своему курсу первымъ двумъ классамъ главныхъ, съ тою только разницею, что въ нихъ оканчивалась вса ариѳметика; и здѣсь употреблялись учебники, изданные для низшихъ классовъ главныхъ училищъ. Въ малыхъ училищахъ полагалось по два учителя, причемъ одному изъ нихъ поручалось и преподаваніе рисованія; но въ случаѣ незначительнаго числа учащихся можно было ограничиться и однимъ преподавателемъ. Обучались здѣсь слѣдующимъ предметамъ: чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ христіанскаго закона и добродѣтели, сокращенному и пространному катехизису, священной исторіи, первоначальнымъ правиламъ грамматики, ученію о должностяхъ челоѳка и гражданина, ариѳметикѣ. Вся 3-я обширная глава устава училищъ посвящена подробной регламентаціи учительской должности—тутъ говорится объ отношеніи учителей къ ученикамъ, объ ихъ собственномъ поведеніи, объ отношеніи другъ къ другу, о способахъ преподаванія. До чего доходила эта регламентація видно, напримѣръ, изъ того, что учителямъ, жившимъ въ училищныхъ домахъ, запрещалось ночевать внѣ дома; всѣмъ учителямъ дозволено было держать пансіонеровъ, но бытъ этихъ послѣднихъ регулированъ былъ подробными правилами устава. Учителя главныхъ народныхъ училищъ обязаны были вести общими силами при помощи директора записку о ходѣ и развитіи просвѣщенія въ своей мѣстности, дабы создать такимъ образомъ достовѣрные памятники для русской исторіи по части распространенія наукъ; матеріалы они могли брать черезъ директоровъ изъ дѣлъ приказа общественного призрѣнія.

Помимо общихъ образовательныхъ цѣлей главные народные училища преслѣдовали и двѣ частныя: готовить нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ въ высшія училища (гимназіи и университеты) и на должности учителей малыхъ народныхъ училищъ; первые должны были изучать латинскій и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, а вторые обучаться методамъ преподаванія, чтобы получить соотвѣтственное свидѣтельство на званіе учителя. Помѣщенія для этихъ училищъ должны были заключать въ себѣ 18 комнатъ: 4 для классовъ, 4 для учебновспомогательныхъ учреждений, остальные—для учителей. Въ домѣ малыхъ училищъ должно было быть 4 комнаты, изъ коихъ 2 предназначались для классовъ и 2 для учителей. Ученіе было бесплатное. Экзамены производились два

раза въ годъ: съ 26 декабря по 6 января и съ 29 іюня по 9-е іюля. Главное правительство училищъ обязано было время отъ времени командировать своихъ членовъ или вообще довѣренныхъ лицъ для ознакомленія на мѣстѣ съ ихъ положеніемъ и вѣдѣніемъ¹⁾.

Оцѣнивать этотъ уставъ народныхъ училищъ Екатерины II необходимо съ двухъ точекъ зрѣнія—юридической и исторической: нужно оцѣнить его, какъ законодательный памятникъ своего времени, а затѣмъ посмотреть, какъ онъ примѣнялся въ жизни.

Какъ законодательный памятникъ Екатерининскаго царствованія, онъ отличается и крупными достоинствами, и нѣкоторыми существенными недостатками. И тѣ, и другіе отмѣтилъ въ немъ уже авторъ спеціальной монографіи о народныхъ училищахъ Екатерининскаго царствованія гр. Д. А. Толстой. „Положеніе о народныхъ училищахъ“, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины; имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія въ Россіи.... Въ немъ проведена цѣлая система начальнаго народнаго обученія, объяснена, съ мельчайшими подробностями здравая, разумная метода преподаванія, обязанность учащихся и учащихся, опредѣлены не только курсы каждаго класса училища, но и часы ученія, назначено жалованье учителямъ, распределены школьныя помѣщенія, наконецъ, установлена учебная администрація. Положеніе это не было теоретическимъ, безрезультатнымъ законодательствомъ; ему предшествовали самыя энергическія мѣры для практическаго его примѣненія: приготовлены были учителя, напечатаны учебныя руководства, т. е. сдѣлано было предварительно то, чего именно не доставало Петровскимъ цифирнымъ школамъ и отчего онѣ, не осуществившись въ жизни, остались только памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ. Не менѣе важное значеніе этого положенія заключается въ томъ, что начальныя училища сосредоточены въ отдѣльномъ вѣдомствѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сочувствовавшей имъ Государыни, которая сама занималась дѣтскимъ образованіемъ, сама трудилась надъ нимъ“.

Таковы были достоинства устава. „Къ сожалѣнію, продолжаетъ тотъ же авторъ, мѣстные органы учебнаго управленія не могли соответствовать своему назначенію: генераль-губернаторы и губернаторы слишкомъ поглощены были дѣлами управленія губерній, чтобы имѣть

¹⁾ Этотъ уставъ Екатерины II о народныхъ училищахъ напечатанъ въ П. С. Зак., т. XXII, № 16421; изложеніе нѣкоторыхъ его частей у Д. А. Толстого. Городскія училища, стр. 96—99.

досугъ для занятія воспитаніемъ; притомъ весьма немногіе изъ нихъ обладали необходимыми для того спеціальными познаніями и подготовкою. Приказы общественнаго призрѣнія, чрезъ которые они должны были дѣйствовать по учебной части, какъ учрежденія хозяйственныя, экономическія, еще болѣе ихъ были чужды учебному дѣлу и вовсе неспособны завѣдывать училищами¹⁾. Попечительство надъ школами, ввѣрившееся мало образованнымъ, а подѣ часть и совершенно невѣжественнымъ представителямъ купеческаго и мѣщанскаго сословія, не могло принести пользы. Но самую слабою была финансовая сторона устава; на новыя школы не было назначено новыхъ средствъ; „источники городскихъ доходовъ были тогда, до того ничтожны, что изъ нихъ не удовлетворялись необходимѣйшія нужды городовъ; поэтому приказы не имѣли возможности содержать училища и производить содержаніе учителямъ, какъ требовало правительство“. Учителей для малыхъ училищъ могли готовить главные (ихъ было много), но откуда было взять учителей для этихъ послѣднихъ, если на всю Россію существовала одна только учительская семинарія въ Петербургѣ? ¹⁾. Со всѣми этими апріорными замѣчаніями нельзя не согласиться и они въ значительной степени подрываютъ значеніе устава, какъ законодательнаго акта съ теоретической стороны.

Къ указаннымъ недостаткамъ можно было бы присоединить и еще нѣкоторые другіе. Общимъ недостаткомъ нужно признать слишкомъ широкій размахъ всѣхъ мѣръ и несоотвѣтствіе ихъ со средствами; тутъ отразилась типическая черта Екатерининскаго царствованія—мысль о славѣ доминировала надъ идеей пользы; грандіозные неосуществимые прозекты—надъ простыми практическими предпріятіями. Тоже мы видимъ и здѣсь: не назначили опредѣленныхъ средствъ на постройку училищныхъ зданій, а между тѣмъ опредѣлили для нихъ такое число комнатъ, какого и теперь подѣ часть не имѣютъ среднія школы; не было достаточнаго числа образованныхъ учителей для главныхъ народныхъ училищъ—а выработали для нихъ чрезвычайно широкія программы и эта многопредметность преподаванія должна была явиться источникомъ затрудненій для распространенія школьнаго образованія. Отдавая должное составителямъ учебниковъ, слѣдуетъ однако прибавить, что они отличались замѣтными недостатками, сильно тормозившими дѣло преподаванія; эти недостатки явились результатомъ слишкомъ спѣшнаго составленія учебниковъ—значительная часть ихъ была переведена и

¹⁾ Гр. Д. А. Толстого. Городскія училища, 100—101.

передѣлана Яковичемъ де Миріево съ нѣмецкаго языка ¹⁾. Наконецъ, признавая вполне цѣлесообразными и разумными педагогическія правила, изложенныя въ печатныхъ наставленіяхъ для учителей и учениковъ ²⁾ (не даромъ они представляли результатъ педагогической теоріи и практики западной Европы), мы должны замѣтить, что самый методъ преподаванія отличался механическимъ характеромъ, потому что слишкомъ мало заботились о сознательномъ усвоеніи учащимися учебнаго матеріала, который къ тому же перѣдко былъ слишкомъ обширенъ. Апостеріорныя доказательства сказанному мы найдемъ въ отчетахъ визитаторовъ о дѣйствительномъ состояніи главныхъ и малыхъ училищъ, въ началѣ царствованія императора Александра I, послѣ того какъ успѣли сказаться всѣ достоинства и недостатки новой системы въ примѣненіи ея на практикѣ.

Вообще было бы очень важно посмотрѣть, какъ этотъ уставъ примѣнялся въ жизни, въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ онъ осуществлялся на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, авторъ изслѣдованія о народныхъ училищахъ Екатерининскаго времени оставилъ эту существенную сторону дѣла почти безъ разсмотрѣнія. Это крупнѣйшій пробѣлъ его прекрасной монографіи—а потому и поставленный имъ для разрѣшенія вопроса долженъ считаться и нынѣ не вполне разрѣшеннымъ; онъ требуетъ новыхъ данныхъ именно съ указанной мною точки зрѣнія. Впрочемъ, такъ я уже выше сказалъ, кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано и графъ Д. А. Толстымъ. Онъ указываетъ, какъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ заставилъ комиссію обращаться къ такому непрочному и ненадежному источнику доходовъ, какъ частныя пожертвованія; онъ отмѣчаетъ главный порокъ тогдашнихъ учителей, вышущенныхъ изъ учительской семинаріи, — пьянство; онъ говоритъ, что съ отѣздомъ (ержавина изъ Тамбовскаго намѣстничества „училищное дѣло въ городахъ его сразу ослабло, а въ половинѣ 90-хъ годовъ большинство малыхъ народныхъ училищъ въ городахъ Тамбовской губ. было и совсѣмъ закрыто; въ Смоленской губерніи учебное дѣло шло не лучше: хотя училища учреждены были въ 1786 г., но и въ 1790 г. не были еще строены, какъ слѣдуетъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ этой губерніи ихъ вовсе не было; онъ приводитъ извлеченія изъ отчета Козодавлева, омаандированнаго училищной комиссіей для изученія школъ въ 10 гу-

¹⁾ Перечень ихъ, съ указаніемъ ихъ содержанія и краткой оцѣнкой, приведены гр. Д. А. Толстаго. Городскія училища, стр. 52—88; ср. также соч. Воронова. О. И. Яковичъ де Миріево. Спб. 1858.

²⁾ См. гр. Д. А. Толстаго. Городскія училища, стр. 52—57.

берніяхъ; конечно, отчетъ этотъ не могъ дать понятія объ истинномъ положеніи школьнаго дѣла въ такомъ огромномъ районѣ, если ревизоръ пробылъ въ командировкѣ всего 6 мѣсяцевъ, впрочемъ и на его замѣчанія не было обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ его ревизія была единственной; онъ сообщаетъ, наконецъ, характерный фактъ, что и дѣятельность самой комиссіи начинается мало по малу глхнуть и сокращаться. Но все-таки какой же въ концѣ концовъ нужно сдѣлать выводъ о практическомъ примѣненіи къ жизни училищной реформы Екатерины II? Удалась ли она или нѣтъ? Что въ уставѣ 1786 г. осталось мертвою буквою? Въ какихъ губерніяхъ и въ какомъ числѣ появились главные и малыя народныя училища? Въ какомъ они находились состояніи—въ такомъ, какъ въ Тамбовской и Смоленской губ., или же положеніе школьнаго дѣла въ этихъ губерніяхъ нужно признать исключительно неблагопріятнымъ? Все это вопросы, для рѣшенія которыхъ нужны обильные *историко-статистическіе* матеріалы, каковыхъ мы въ настоящее время не имѣемъ. Однако и давныя, приведенныя графомъ Д. А. Толстымъ, невольно наводятъ на мысль, что дѣйствительность была слишкомъ далека отъ законодательнаго акта и что Екатеринѣ II можно сдѣлать почти такой же упрекъ, какой гр. Д. А. Толстой дѣлаетъ Петру Великому, говоря, что его цифирныя школы не удалось и остались только памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ. Дѣятельность комиссіи была энергична только въ первые годы, а потомъ она какъ бы заснула. „Съ 1781 г. по 1800 годъ, было открыто 221, а вмѣстѣ со школами въ столицѣ 250 школъ (т. е. въ среднемъ по 13 въ годъ). Въ первые 12 лѣтъ было основано 216 школъ, слѣдовательно, по 18 ежегодно; въ первыя 5 лѣтъ—169, слѣдовательно, по 34 ежегодно. О такомъ неимоверномъ успѣхѣ много говорили въ свое время, награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только 3 училища, съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла комиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію“. Такъ говоритъ Лагарпъ, которому были доставлены отчеты комиссіи. Не свободенъ отъ теоріи и законодательный актъ Екатерины II; и онъ въ значительной степени оказался „безрезультатнымъ законодательствомъ“, памятникомъ „безсильнаго начинанія“. Но разница между Петромъ и Екатериной заключается въ томъ, что Петръ просто въ интересахъ Россіи дѣлалъ свое просвѣтительное дѣло, не стараясь выдвинуть своей личности, а Екатерина много говорила и писала о немъ, прежде чѣмъ приняться за него, да и потомъ, какъ сама сознается,

хвасталась ¹⁾ имъ передъ своимъ ученымъ европейскимъ другомъ, глашатаемъ ея славы—Гриммомъ и, конечно, не оставалась равнодушной къ такимъ хвалебнымъ отзывамъ о своей просвѣтительной дѣятельности, какъ, напримѣръ, отзывъ В. Кокса. При этомъ необходимо также при сравнительной оцѣнкѣ результатовъ образовательной дѣятельности Петра Великаго и Екатерины II, принять во вниманіе и разницу средствъ, бывшихъ въ распоряженіи того и другого государя. Россія при Екатеринѣ была уже не то, что Россія при Петрѣ; именно, благодаря дѣятельности Петра Великаго, она сдѣлала значительный шагъ впередъ во всѣхъ отношеніяхъ и заслуга Екатерины II заключается въ томъ, что она продолжала дѣло Петра Великаго.

Но къ концу своего царствованія она, очевидно, устала и охладѣла къ дѣлу народнаго образованія. Ея сынъ Императоръ Павелъ не былъ поклонникомъ просвѣщенія. Понятно, слѣдовательно, что, съ воцареніемъ ея внука, Императора Александра I, пылкаго поборника и ревнителя всякаго умственнаго прогресса, въ Россіи наступила новая эра, золотой вѣкъ образованія—высшаго, средняго и низшаго, и то, и другое, и третье по идеѣ должны были находиться въ органической связи другъ съ другомъ. Одновременно съ опубликованіемъ университетскаго устава былъ изданъ 5 ноября 1804 г. и „уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университету“.

Вотъ главныя черты его, опредѣлившія ходъ и характеръ средняго и низшаго народнаго образованія въ Россіи въ началѣ XIX ст. Къ среднимъ школамъ принадлежали гимназіи, къ низшимъ уѣздныя и приходскія училища; нѣсколько особнякомъ стоятъ пансіоны. Въ каждомъ губернскомъ городѣ должна была быть по крайней мѣрѣ одна гимназія. Гимназіи преслѣдовали двоякую цѣль—однихъ воспитанниковъ готовить въ университетъ, другимъ давать законченное образованіе, необходимое для „благовоспитаннаго человѣка“. Этими цѣлями опредѣлялся и учебный планъ. Тутъ преподавались начальныя основанія слѣдующихъ наукъ—географіи, исторіи съ мифологіей и древностями, общей

¹⁾ „Знаете ли вы и не знаете, писала она Гримму, что по милости Божіей въ теченіе одного года у насъ устроено здѣсь, въ Петербургѣ, десять нормальныхъ училищъ и что въ нихъ болѣе 1000 учениковъ. Не находите ли, что я слишкомъ предъ вами хвастаюсь“ (Сборн. Ими. Рус. Ист. Общ., т. 23, стр. 300); на основаніи ея обширной переписки съ Гриммомъ по вопросамъ народнаго образованія академикъ Я. К. Гротъ составилъ рѣчь „Заботы Екатерины II о народномъ образованіи, по ея письмамъ къ Гримму“ (20 томъ Сборн. отдѣл. рус. яз. и слов. Слб. 1880 г.); см. также нѣкоторыя записки Гримма по этому поводу въ прилож. къ труду гр. Д. А. Толстого, Городскія училища.

и частной (русской) статистики, философіи и изящныхъ наукъ, политической экономіи, чистой и прикладной математики, опытной физики, естественной исторіи, коммерціи, технологіи, рисованія, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Для всѣхъ этихъ 15 предметовъ полагалось 8 учителей, изъ коихъ четыре преподавали рисованіе и языки и назывались младшими, а четыре—остальные предметы и назывались старшими. Музыка, танцы и гимнастика были только въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ для этого находились самостоятельныя средства. Гимназіи съ разрѣшеніи высшаго начальства могли умножить какъ число предметовъ преподаванія, такъ и число учителей. Ученики гимназій, желавшіе получить свидѣтельство на званіе учителей уѣздныхъ, приходскихъ училищъ, должны были обучаться методамъ преподаванія и держать соотвѣтственный экзаменъ. Принимались въ гимназію окончившіе уѣздныя или другія подобныя училища или съ домашней подготовкой по экзамену. Классовъ было четыре и курсъ ученія былъ четырехлѣтній. Первый низшій классъ являлся прямымъ продолженіемъ уѣзднаго училища. Недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ было по 30 (т. е. по 5 ежедневно) и распредѣлялись они какъ въ дообѣденное, такъ и послѣобѣденное время. На каждую изъ четырехъ группъ предметовъ (историческую, математическую, философскую и естественно-историческую) полагалось почти одинаковое число часовъ (отъ 16 до 20). На латинскій языкъ отведено было по 16 часовъ въ недѣлю, онъ начинался (съ азбуки) въ 1-мъ классѣ, гдѣ было 6 уроковъ, продолжался во 2-мъ (тоже 6 час.) и оканчивался въ 3-мъ (4 часа); послѣ грамматики занимались главнымъ образомъ чтеніемъ съ комментаріями авторовъ—прозаиковъ и поэтовъ—и только небольшую часть времени отводили на переводы съ русскаго на латинскій и на латинскія сочиненія; лучшія мѣста заучивались наизусть. Также велось и преподаваніе новыхъ языковъ. „Дабы лучше соединить теорію съ практикой“, рекомендовались практическія занятія по разнымъ предметамъ (ходить за городъ и заниматься землѣріемъ, осматривать мельницы, собирать травы и т. п.). Въ каждой гимназіи должна была быть библіотека, коллекція картъ, моделей, естественно-историческихъ предметовъ, физическій кабинетъ. Ученіе было бесплатное. Обязанности учителей подробно изложены въ уставѣ. Тутъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе пункты: къ дѣтямъ бѣдныхъ родителей учителя должны были относиться такъ, какъ и къ дѣтямъ богатымъ, помня, что въ лицѣ ихъ „приготавливаютъ членовъ общества“; предметы излагать такъ, чтобы ученики все понимали и ясно себѣ представляли; полагаться больше на свое прилежаніе и правила, чѣмъ на чрезмѣрный трудъ учениковъ; стараться сдѣлать

для малолѣтнихъ учениковъ обученіе легкимъ и пріятнымъ; заботиться при наставленіи всѣхъ учениковъ, а въ особенности возрастныхъ, болѣе о развитіи ихъ разсудка, нежели изощреніи памяти, внушать имъ любовь къ наукамъ и положить твердые основы честности и благонравія; замѣняя ученикамъ родителей, учителя должны были ласкою привлечь къ себѣ дѣтей, но, гдѣ нужно, быть и взыскательными, хотя безъ гнѣва и суровости; каждое воскресенье учителя обязаны были собираться къ директору для педагогическихъ собесѣдованій; они обязаны были составлять историческія записки объ успѣхахъ просвѣщенія въ ихъ районѣ; сверхъ того желающіе могли еще представлять топографическія, метеорологическія и статистическія записки и получать за это особыя награды отъ начальства. Время ученія продолжалось 11 мѣсяцевъ и только одинъ іюль мѣсяцъ посвящался каникулярному отдыху; экзамены производились разъ въ году и отличившимся ученикамъ выдавались потомъ на торжественномъ актѣ награды. Гимназія находилась въ непосредственномъ вѣденіи директора, которому кромѣ того поручены были и всѣ остальные училища губерніи. Гимназію онъ долженъ былъ посѣщать ежедневно, прочія училища въ городѣ не менѣе одного разу въ 2 недѣли, а остальные школы въ губерніи объѣзжать по крайней мѣрѣ разъ въ годъ.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ нужно было открыть по одному уѣздному училищу, а въ большихъ городахъ по два и болѣе, если окажутся необходимыя для этого средства. Они находились въ вѣденіи смотрителей и преслѣдовали, подобно гимназіямъ, двоякую цѣль—подготовлять своихъ питомцевъ въ гимназіи и сообщать элементарныя познанія дѣтямъ всѣхъ сословій. Здѣсь преподавались: 1) Законъ Божій и священная исторія, 2) ученіе объ обязанностяхъ челоѣка и гражданина, 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ былъ въ употребленіи другой языкъ, и грамматика этого мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога; 7) всеобщая географія и начальныя правила математической географіи; 8) географія Россіи; 9) всеобщая исторія; 10) русская исторія; 11) ариѳметика; 12) начальныя правила геометріи; 13) начальныя правила физики и естественной исторіи; 14) начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности; 15) рисованіе. Для лицъ, желавшихъ продолжать свое ученіе въ гимназіи, преподавались латинское и нѣмецкое чтеніе и письмо. Всѣ эти предметы поручены были двумъ учителямъ. И въ уѣздныхъ училищахъ могло быть умножено число предметовъ въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поступали сюда окончившіе приходскія школы или получившіе соотвѣтственную домашнюю

подготовку. Классовъ здѣсь было два и курсъ ученія былъ двухлѣтній. Законъ Божій преподавалъ одинъ изъ учителей (въ гимназіяхъ этого предмета вовсе не было). Во главѣ уѣздныхъ училищъ стояли смотрители, въ вѣдѣніи которыхъ были также и всѣ приходскія школы въ городѣ и уѣздѣ; первыя они должны были посѣщать по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а вторыя три раза въ годъ и присутствовать по мѣрѣ возможности на публичныхъ экзаменахъ въ нихъ.

Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также въ селеніяхъ каждый церковный приходъ (или два вмѣстѣ) учреждаетъ *приходскія* училища; въ казенныхъ селеніяхъ они ввѣрлись священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ помѣщичьихъ — помѣщикамъ. Цѣль ихъ опять таки была двойная — приготовить учащихся въ уѣздныя училища и доставить дѣтямъ крестьянъ и другихъ сословій свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить суевѣрія и предрассудки, столь вредно вліяющія на ихъ здоровье, благосостояніе и благополучіе. Здѣсь обучали чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія — нравовъ и читали съ объясненіемъ книгу „Краткое наставленіе о сельскомъ домо-водствѣ, произведеніи природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья“. Для этихъ предметовъ полагался одинъ преподаватель. И здѣсь число предметовъ могло быть умножено; принимались сюда дѣти всѣхъ сословій, возрастовъ и половъ; полезно было бы, говорить уставъ, чтобы ни одинъ ученикъ не оставлялъ школы, не прослушавъ полнаго курса. Ученіе продолжалось отъ конца полевыхъ работъ до начала ихъ въ слѣдующемъ году (6 или 7 зимнихъ мѣсяцевъ). Въ училищѣ былъ одинъ классъ, но въ случаѣ многолюдства можно было устроить въ немъ два отдѣленія (утреннее и послѣобѣденное). Каждый день было по 3 часовыхъ урока; обучались здѣсь чтенію буквъ и чиселъ гражданской и церковной печати и букварю (6 часовъ), писанію ихъ и чтенію правилъ для учащихся (6 часовъ), сокращенному катехизису и священной исторіи (3 часа), чтенію книгъ, сочиненныхъ для этихъ отдѣленій (3 часа).

Подробными правилами было также регулировано устройство пансіоновъ; правда, выборъ предметовъ преподаванія предоставленъ былъ sostenителямъ пансіоновъ, но, разъ будучи установленъ, онъ не могъ уже измѣняться безъ особаго разрѣшенія; было введено также требованіе о внесеніи въ программу каждого пансіона русскаго языка и Закона Божія по тому вѣроисповѣданію, къ которому принадлежали дѣти; рекомендовалось брать въ преподаватели учителей гимназій; завѣдующіе пансіо-

номъ и учителя должны были обладать достаточнымъ образовательнымъ цензомъ; нужно было представлять отчеты начальству о ходѣ учебнаго дѣла и т. п. Однимъ словомъ, сюда введена была значительная регламентація.

Гимназіи должны были содержаться на счетъ казны съ присоединеніемъ суммъ, отпускавшихся на нихъ раньше приказами; уѣздныя училища—также на счетъ казны съ присоединеніемъ суммъ, отпускавшихся на нихъ городскими обществами; приходскія училища—въ городахъ на счетъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ—на счетъ прихожанъ, въ помѣщичьихъ—на счетъ помѣщиковъ. По примѣрному исчисленію 17 марта 1803 года на каждую гимназію полагалась сумма въ 5250—5750—6250 р. Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ по 5250 р. было назначено на гимназіи въ Воронежѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Симферополѣ, Черниговѣ, Николаевѣ, Области войска Донскаго и Черноморскаго, сумма въ 5750 р. въ Курскѣ и Орлѣ. Суммы эти распредѣлялись такъ: жалованье директору 900 руб. или 800 руб., четыремъ старшимъ учителямъ (по 650 р. или 550 р.)—2600 руб. или 2200 р., двумъ преподавателямъ языковъ (по 400 руб.)—800 руб., учителю рисованія—300 р., на библіотеку—250 руб., на содержаніе дома, служителей и пр.—900 руб. На ежегодное содержаніе уѣздныхъ училищъ ассигнована была сумма въ 1250—1410—1600 руб. (на Курскую и Орловскую губ. определено было по 1410 руб., въ остальныхъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ предположено было устроить и гимназіи, по 1250 р.). Всѣ эти штатныя суммы распредѣлялись такъ: на жалованье смотрителю 350 р. или 300 р., двумъ учителямъ (по 275 р. или 250)—550 р. или 500 р., за преподаваніе Закона Божія 80 р. или 75 р., за рисованіе 80 р. или 75 р., на содержаніе училищнаго дома, служителей и т. п. 350 р. или 300 р.¹⁾ Наконецъ, замѣтимъ, что всѣ школы въ учебныхъ округахъ были поставлены въ непосредственную зависимость отъ университетовъ.

Такова сущность училищнаго устава Императора Александра I 1804 года. Переходя къ его оцѣнкѣ, мы должны отмѣтить и важнѣйшія достоинства, и важнѣйшіе недостатки, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ существуютъ діаметрально противоположныя мнѣнія. Гервинусъ говоритъ: „однимъ лишь призракомъ были планы Императора Александра I относительно школы и просвѣщенія. Ослѣпительная вершина университетовъ и академій была отстроена; необходимая же основа ея—народныя и элементарныя школы—едва начата; она значилась лишь на бумагѣ“. Какъ бы отвѣчая Гервинусу, Шторхъ замѣчаетъ: „что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, мо-

¹⁾ Сборникъ постановл. по мин. нар. просв., I, стр. 301—339 и 31—36.

жеть удивлять лишь людей, знакомых съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва *должны были* существовать университеты; ибо какимъ инымъ путемъ главное правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя при устройствѣ школъ слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній? Такого же мнѣнія придерживался, какъ мы знаемъ ¹⁾, и Харьковскій профессоръ Якобъ. И, конечно, оба они правы въ своихъ заключеніяхъ о важности устройства университетовъ и гимназій для процвѣтанія низшихъ элементарныхъ школъ. Но мы къ этому прибавимъ, что въ дѣйствительности тутъ вовсе нѣтъ мѣста для какого-то антагонизма между высшимъ, среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Наоборотъ, самая характерная особенность училищнаго устава Императора Александра I заключается именно въ гармоническомъ сочетаніи того, другого и третьяго; университеты, гимназій и уѣздныя съ приходскими училища должны были возникать (и дѣйствительно возникали) *одновременно*; даже самые уставы университетовъ и остальныхъ школъ, какъ мы видѣли, были изданы въ одинъ и тотъ же день. Мало того—уже при Императрицѣ Екатерины II было открыто довольно значительное число малыхъ народныхъ училищъ, были училища даже въ селеніяхъ. Симпатичною стороною устава 1804 года нужно признать то, что онъ открылъ доступъ въ школы всѣмъ сословіямъ, не исключая и крѣпостнаго, хотя въ обществѣ того времени *сословный духъ* былъ очень замѣтенъ. Впрочемъ, слабое отраженіе сословности мы видимъ и въ школахъ Императора Александра I: такъ, приходскія училища почти исключительно предназначаются для крестьянъ, уѣздныя—для купцовъ и мѣщанъ. Въмѣсто прежнихъ двухъ типовъ школъ (главныя и малыя народныя училища) теперь установлено было 3: явилось учебное заведеніе третьяго, новаго типа—гимназія, хотя, правда, только съ 4 высшими классами, уѣздное училище (городскаго типа) и приходское (сельскаго). Въ пользу этихъ вновь созданныхъ учебныхъ заведеній говорить то, что они (конечно, съ измѣненіями) существуютъ доселѣ, значить оказались достаточно жизненными. Въ частности, необходимость гимназій была прямо вызвана учрежденіемъ университетовъ. Во всякомъ случаѣ уставъ 1804 года значительно повысилъ какъ общій уровень школьныхъ программъ, такъ и образовательный цензъ педагогическаго персонала. Но сравнительно съ уставомъ 1786 года еще болѣе важное значеніе имѣетъ другое обстоятельство — это именно увеличеніе отнускавшихся государственнымъ казначействомъ на содержаніе всѣхъ

¹⁾ См. 689—690 стр. настоящаго труда.

этихъ училищъ. Слабое распространѣніе школъ въ царствованіе Екатерины II-й объясняется главнымъ образомъ ихъ матеріальною необеспеченностью. Теперь, какъ мы видѣли, оставлены были безъ измѣненія суммы, отпускавшіяся изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и отъ городскихъ обществъ, значить ресурсы Екатерининскихъ временъ, и къ нимъ прибавлены новыя штатныя назначенія. Прежде на содержаніе 500 главныхъ и 540 малыхъ народныхъ училищъ давалось изъ казны 342700 руб., теперь на четыре университета назначено было 520000 руб. ежегодно (по 130000 руб. каждому), на 42 гимназій 236000 р., на 405 уѣздныхъ училищъ 563450 р.; всего 1319450 руб.; присоединивъ же сюда 342700 р., получимъ 1662150 р., т. е. почти въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде. Сюда не входятъ еще расходы по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, такъ что общій расходъ доходилъ, вѣроятно, до 2000000 руб., а это составляетъ около 2% всѣхъ государственныхъ приходовъ того времени (по Богдановичу они равнялись 103 мил., по Шторху 109 мил.). Благодаря увеличенію расхода на образованіе явилась возможность дать большее жалованье директорамъ, смотрителямъ и учителямъ.

Весьма замѣтное преимущество имѣетъ новый учебный уставъ сравнительно съ прежнимъ и въ отношеніи школьной администраціи. Прежде органомъ мѣстнаго школьнаго управленія были губернаторы, теперь — университеты и попечители округовъ. На правахъ и обязанностяхъ университетовъ въ дѣлѣ заведыванія школами мы остановимся ниже, теперь же только замѣтимъ, что подобная мѣра была не только разумна, полезна, но и необходима, потому что не было лицъ достаточно образованныхъ для этой дѣятельности: подготовить учебныхъ администраторовъ могли только университеты.

Къ числу недостатковъ новаго учебнаго устава нужно причислить слѣдующіе. Многопредметность учебнаго плана осталась въ силѣ и теперь. Тѣсная связь и преемственность приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, гимназій и университетовъ на дѣлѣ должна была осуществляться съ большими затрудненіями; въ особенности трудно было рассчитывать на приливъ учениковъ изъ приходскихъ въ уѣздныя училища; между тѣмъ программы всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній были составлены такъ, что каждая высшая школа являлась прямымъ продолженіемъ низшей (университетъ — гимназія, гимназія — уѣзднаго училища, уѣздное училище — приходскаго). Оклады были увеличены, но далеко не въ достаточной степени, и когда нашъ денежный курсъ страшно палъ, матеріальное положеніе учителей сдѣлалось по истинѣ трагическимъ. Нельзя не отмѣтить также *неравномѣрности* суммъ, отпускаемыхъ на училища:

на училища сѣвернаго района назначены были максимальные оклады, центрального района — средніе и южнаго — минимальные. Харьковскій учебный округ очутился такимъ образомъ въ наименѣе удовлетворительномъ положеніи, а въ Петербургскомъ штаты были еще значительно увеличены послѣдующими распоряженіями. Что касается системы школьной администраціи, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, какъ недостатокъ, сосредоточеніе въ рукахъ директора гимназіи и управленія гимназіей, и завѣдыванія училищами въ губерніи; правило о посѣщеніи училищъ директорами и смотрителями по идеѣ было прекрасно, но на дѣлѣ трудно было рассчитывать на его исполненіе; дѣйствительно, могъ ли директоръ гимназіи, обремененный своими прямыми обязанностями по гимназіи, еще объѣзжать училища всей губерніи?

Но не смотри на эти и нѣкоторые другіе недостатки, которыхъ мы здѣсь не касались, училищный уставъ 1804 г. долженъ быть признанъ замѣчательнымъ законодательнымъ актомъ, открывшимъ новую эру въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ не остался мертвою буквою, памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ, а наоборотъ, получилъ широкое практическое приложеніе. Благодаря ему, образованіе въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія сдѣлало огромные (конечно, сравнительно) успѣхи. Весь онъ проникнутъ тѣмъ духомъ прогресса, уваженія къ знанію и гуманности, который характеризуетъ собою первую половину царствованія Императора Александра I.

Во главѣ просвѣтительнаго движенія стоялъ самъ юный Императоръ. „По природѣ своей склонный ко всему идеальному и воспитанный при непосредственномъ участіи и подѣ наблюденіемъ Великой Екатерины, вдохновленный примѣрами, которые представляла исторія, Императоръ Александръ стремился ко всему высокому и благородному; въ этомъ то возвышенномъ направленіи и было предпринято имъ преобразование учебныхъ заведеній. Онъ зналъ, что въ массѣ народа еще не была пробуждена потребность къ образованію, но сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы пробудить эту потребность“. Опирался онъ первоначально въ своихъ просвѣтительныхъ планахъ на друзей юности, пламенныхъ европейцевъ-прогрессистовъ — Н. Н. Новосильцева, князя Ад. Чарторыжскаго и П. А. Строганова, а также бывшаго своего воспитателя Лагарпа. Въ одной изъ своихъ записокъ, обсуждавшейся въ этомъ маленькомъ комитетѣ, въ который входили перечисленные выше лица, Лагарпъ доказываетъ настоятельную необходимость сельскихъ школъ для простаго народа въ Россіи и при этомъ прибавляетъ: „не допусти-те, Государь, повториться тому, что произошло въ царствованіе Вашей Августѣйшей бабки. Запретите щеголять внѣшнимъ блескомъ. Народъ

ное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее— вотъ краеугольный камень всего зданія“. Тотъ же Лагарпъ представилъ Государю въ 1802 г. проэктъ устройства министерства народнаго просвѣщенія, проэктъ, который также обсуждался въ комитетѣ. 8 сентября 1802 года былъ обнародованъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ вообще, въ томъ числѣ и „министерства народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ“. Въ тотъ же день изданъ былъ указъ опредѣлявшій функціи поставленной во главѣ учебнаго дѣла въ Имперіи комиссіи училищъ, названной впоследствии „главнымъ правленіемъ училищъ“. Во главѣ ея стоялъ министръ народнаго просвѣщенія (таковымъ былъ назначенъ графъ П. В. Завадовскій, товарищемъ его гр. Мих. Муравьевъ), членами ея были кн. Ад. Чарторыйскій, гр. С. О. Потоцкій, ген.-маіоры Клиггеръ и Хитрово, академики Озерецковскій и Фусъ, правителемъ дѣлъ стоялъ Вас. Наз. Каразинъ. Предполагалось, что члены комиссіи раздѣлятъ между собою училища по районамъ и выработаютъ общій уставъ управленія училищъ. Таковой дѣйствительно былъ Высочайше утвержденъ подъ именемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“, въ составленіи и редактированіи его главное участіе принималъ В. Н. Каразинъ ¹⁾. 24 января 1803 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи 6-ти учебныхъ округовъ, причемъ должности попечителей получили Новосильцевъ (въ Петербургскомъ), Муравьевъ (въ Московскомъ), Чарторыйскій (въ Виленскомъ), Клиггеръ (въ Дерптскомъ), Потоцкій (въ Харьковскомъ), Мантейфель (въ Казанскомъ). Все это были передовые дѣятели своего времени, пылкіе поборники образованія. Новосильцевъ много сдѣлалъ для образованія въ своемъ округѣ и отчасти въ Харьковскомъ (исправляя должность Потоцкаго). Гр. Мих. Ник. Муравьевъ, бывшій учитель Императора Александра I, былъ ученымъ и литераторомъ, хорошо извѣстнымъ въ Германіи, потому что находился въ сношеніяхъ съ замѣчательными нѣмецкими учеными того времени. Страсть къ наукамъ у него равнялась только страсти къ добродѣтели. Чтобы дать понятіе о его воззрѣніяхъ на образованіе, приведемъ одно мѣсто изъ его сочиненій: „свобода и образованіе составляютъ главный фундаментъ, на которомъ строится благосостояніе народа. Свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для под-

¹⁾ Его сынъ въ своей запискѣ объ отцѣ говоритъ: „считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія, обработавши для этого и самый проэктъ. Министерство состоялось“. Г. Шмидтъ считаетъ В. Н. Каразина только редакторомъ этого проэкта, но не приводитъ въ пользу своего мнѣнія убѣдительныхъ доказательствъ, наоборотъ, изъ нихъ видно, что изготовилъ этотъ проэктъ В. Н. Каразинъ.

нiя народнои правственности“. Въ такихъ идеяхъ воспитывалъ онъ и своего Царственнаго питомца. Князь Ад. Чарторыйскiй былъ также яркий поборникъ свободы и просвѣщенiя, но къ сожалѣнiю просвѣтительная дѣятельность его въ Виленскомъ округѣ была проникнута сильною политическою окраскою, отъ чего свободенъ былъ другой польскiй вельможа, попечитель Харьковскаго округа гр. С. О. Потоцкiй. Клинггеръ былъ также извѣстный въ свое время писатель (романистъ); онъ еще до назначенiя на должность попечителя представилъ проектъ объ учрежденiи во всѣхъ селенiяхъ Россiйской Имперiи народныхъ школъ, т. е. о введенiи какъ бы всеобщаго обученiя; на памятникѣ ему сдѣлана такая характерная надпись: „*vir priscus, ingenio magnus, virtute major*“. Академики Озерецковскiй и Фусъ были также передовыми дѣятелями въ области народнаго просвѣщенiя; послѣднiй былъ и творцомъ училищнаго устава 1804 года. Наконецъ и первый министръ народнаго просвѣщенiя гр. П. В. Завадовскiй, хотя члены комитета считали его крайне лѣнливымъ и не подходящимъ для этой должности и это мнѣнiе раздѣлялъ самъ Государь, имѣлъ при многихъ недостаткахъ свои достоинства: прежде всего это былъ образованный и умный человекъ („умная украинская голова“, какъ называли его современники); затѣмъ онъ въ Екатерининское время былъ предсѣдателемъ училищной комиссiи, слѣдовательно, хорошо знакомъ съ дѣломъ народнаго образованiя. Но нужно все-таки сказать, что, благодаря своей лѣности и неподвижности, онъ подчасъ тормозилъ дѣла и вообще не соответствовалъ по характеру своему тѣмъ лицамъ, которыя засѣдали въ училищномъ комитетѣ. Такъ смотрѣли на него Лагарпъ, Строгановъ, Каразинъ; Императоръ Александръ оправдывалъ свой выборъ передъ Лагарпомъ тѣмъ, что Завадовскiй лично не могъ играть никакой роли, будучи ограниченъ во всемъ комиссiей. Министромъ онъ состоялъ до 11 апрѣля 1810 г. Преемникомъ его былъ сынъ послѣдняго малороссiйскаго гетмана графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскiй, занимавшiй этотъ постъ до 4 сентября 1816 года. По отзыву Роммеля, онъ былъ самымъ ученымъ, образованнымъ и умнымъ человекомъ тогдашней аристократiи, русскимъ магнатомъ *de l'ancien regime comme il faut*, придворнымъ человекомъ съ замѣчательнымъ образованiемъ. Образованiе свое онъ получилъ за границей во французскомъ духѣ. Теоретической педагогической подготовки у него не было — онъ не зналъ даже имени Песталоцци — но практически съ дѣломъ русскаго образованiя могъ познакомиться, занимая должность попечителя Московскаго учебнаго округа. Изъ письма его къ Роммелю видно, что онъ всецѣло стоялъ за учебный планъ гимназiй и уѣздныхъ училищъ 1804 года, отличавшiйся,

какъ мы видѣли, энциклопедическимъ характеромъ и состоявшій изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Политическія, торговныя и технологическія науки, писалъ онъ Роммелю, были къ нему включены потому, что не всякій можетъ имѣть случай продолжать ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ, куда поступаютъ дѣти всѣхъ сословій—дворянскаго, купеческаго, ремесленнаго и другихъ; тѣ изъ нихъ, кои должны закончить свое ученіе гимназіею или не нуждаются по состоянію своему въ болѣе обширныхъ свѣдѣніяхъ, имѣютъ случай получить понятіе о выше упомянутыхъ предметахъ, на сколько они пригодны для извѣстнаго сословія. Вотъ почему эти науки преподаются въ гимназіяхъ не въ той подробности, какъ въ университетахъ. Въ противоположность своему предшественнику А. К. Разумовскій обнаруживалъ личную энергію, дѣятельность и даже строгость; онъ значительно поднималъ престижъ центральной власти, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться и изъ отношеній его къ Харьковскому университету (выговоръ совѣту по поводу дѣла курскихъ педагоговъ). Во времени Наполеоновскаго нашествія въ министръ народнаго просвѣщенія, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, начинается сильная реакція противъ иностранцевъ. Въ 1811 году А. К. Разумовскій предоставилъ Государю докладную записку, въ которой писалъ: „въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, ивоземдами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ не рѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаний, Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовить медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Люби отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко въ него вѣдравшееся“. Въ концѣ своей записки министръ предлагаетъ рядъ практическихъ мѣропріятій противъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами. Въмѣстѣ съ тѣмъ приказано было подвергать экзамену и тѣхъ иностранцевъ, которые занимались обученіемъ въ частныхъ домахъ. Послѣ 1812 года начинается усиливаться релігіозно-нравственное направленіе главнымъ образомъ подъ вліяніемъ настроенія, въ какомъ находился теперь самъ Александръ I послѣ Московскаго пожара. Въ уѣздныхъ училищахъ уже съ 1811 года обращается особенное вниманіе на преподаваніе Закона Божія. Въмѣстѣ съ тѣмъ начинается реакціонное движеніе, достигшее впрочемъ своего высшаго развитія въ послѣдующую эпоху. Теперь пока оно только высказываетъ свои теоретическія основанія. Представителемъ его въ это время былъ, наиримѣръ, графъ Жозефъ де Местръ, бывшій въ дружбѣ съ гр. А. К. Разумовскимъ и проповѣдывавшій необходимость

ограниченія образованія всяческими средствами, между прочимъ, отъѣною преподаваніемъ наукъ, которыя могутъ быть толкуемы по личнымъ вкусамъ каждаго, а именно—исторіи, географіи, метафизики, этики, коммерціи, и препятствіями къ расширенію просвѣщенія среди простаго народа.

Таковы были дѣятели просвѣщенія въ началѣ царствованія Императора Александра I; таковы были ихъ взгляды на образованіе. Въ промежуткѣ одного десятилѣтія произошла уже сильная, можно сказать, радикальная перемѣна воззрѣній—отъ высшаго либерализма или точнѣе радикализма перешли къ охранительному направленію. Учебные планы остались тѣже, но существенно измѣнился ихъ духъ и общее направленіе. Между настроеніемъ Императора Александра въ первые годы послѣ его вѣнаренія и въ 1813—14 гг.—цѣлая пропасть. И это, конечно, не могло не отразиться соотвѣтственнымъ образомъ на окружающихъ его лицахъ: одни сошли со сцены, другіе измѣнили свои взгляды. Гр. А. К. Разумовскій, самъ воспитанный заграницей, въ иноземномъ духѣ, выступаетъ на защиту въ дѣлѣ образованія русскихъ народныхъ началъ. Гр. Муравьевъ умеръ еще въ 1807 году. Новосильцевъ выѣхалъ за границу. Строгановъ вступилъ въ военную службу и сражался съ Наполеономъ. Въ Клингерѣ произошла такая внутренняя реакція, что онъ самъ просилъ о запрещеніи своихъ сочиненій, признавая ихъ вредными. Потоцкій проживалъ почти все время въ Польшѣ и заграницей¹⁾.

Итакъ, мы познакомились съ двумя типами школъ въ Россіи, школами Екатерининскими и Александровскими. Но для того, чтобы имѣть полное представленіе о томъ школьномъ наслѣдіи, какое досталось Харьковскому университету въ моментъ его основанія, необходимо еще охарактеризовать *третій типъ*, имѣвшій широкое распространеніе въ тѣхъ губерніяхъ Харьковскаго учебнаго округа, которыя были населены малороссіянами.

Въ Малороссіи XVI—XVII в. дѣло просвѣщенія стояло сравнительно очень высоко; высшимъ учебнымъ заведеніемъ была Кіевская духовная академія, а кромѣ того былъ цѣлый рядъ среднихъ и низшихъ школъ. Школы эти стояли въ тѣсной связи съ церковными братствами, къ этимъ же послѣднимъ примыкали еще „шпитали“, т. е. богадѣльни. Братства, школы и шпитали были учрежденіями всецѣло и исключительно общественными и при томъ всеобщими—наряду съ духовенствомъ въ нихъ принимало живѣйшее участіе свѣтское общество—дворяне, мѣщане, казаки, крестьяне. Государство, правительство (польское) не только не содѣйствовало, а наоборотъ, противодействовало ихъ возникновенію. Вызваны къ жизни они были религіознымъ и національнымъ самосознаніемъ южно-русскаго народа. Католическая ре-

¹⁾ Всѣ эти данныя собраны въ книгѣ г. Шмидта.

лигія и унія вступили въ ожесточенную борьбу съ православіемъ между прочимъ и на литературной почвѣ — выставили цѣлый рядъ писателей и полемическихъ сочиненій противъ православія и православныхъ. Для того, чтобы возражать на нихъ, и южнорусскіе полемисты должны были усвоить себѣ тогдашнее духовное образованіе. Мало того: отстаивать свои религіозныя убѣжденія, доказывать ихъ истинность, вести борьбу съ иновѣрцами принуждено было не только одно духовенство, а и свѣтское общество; слѣдовательно, и оно нуждалось въ такомъ же образованіи, какое получали представители чернаго и бѣлаго духовенства. Вотъ почему однѣ и тѣ же школы служили тогда и для образованія духовенства, и для образованія свѣтскихъ лицъ. Этому также способствовала тѣсная связь, которая всегда существовала въ Малороссіи между духовнымъ и свѣтскимъ элементами; міряне участвовали въ церковныхъ соборахъ, выбирали себѣ священниковъ и были главными дѣйствующими лицами въ церковныхъ братствахъ. Братства получили широкое распространеніе во всей Малороссіи и при томъ не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, а вмѣстѣ съ ними явились въ селахъ и школы со „шпиталями“.

Такимъ образомъ, въ Малороссіи XVI—XVII вв. мы находимъ элементарныя народныя школы, народныя не по одному названію, а и по самому существу дѣла, т. е. обязанности своимъ происхожденіемъ народу и содержимыя на его счетъ; по программѣ же преподаванія и по руководящему значенію въ нихъ духовенства онѣ могутъ быть названы церковно-приходскими.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, со 2-й половины XVII вѣка братства, школы и „шпитали“ не исчезли, хотя причина, вызвавшая ихъ къ жизни, и перестала дѣйствовать (унія). Тутъ помогала съ одной стороны традиція, привычка къ этимъ учрежденіямъ, а съ другой и сознаніе ихъ пользы и необходимости и при новыхъ формахъ политическаго быта. Центральное русское правительство не вмѣшивалось (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) во внутренній строй и отношенія малорусскаго общества. И если оно узаконило даже такое иноземное, чужеродное учрежденіе, какъ нѣмецкое магдебургское право, то могло ли оно вложить руку на братства и тѣсно связанныя съ ними школы и шпитали? Братства преслѣдовали теперь скромныя цѣли—взяли на себя заботу о благолѣпіи храмовъ, шпитали призрѣвали нищихъ и убогихъ; и то, и другое вызывалось потребностью жизни, да и самыя школы также удовлетворяли реальной, практической потребности въ образованіи—давали первоначальную подготовку будущимъ дьячкамъ-учителямъ, священникамъ и канцеляристамъ. Но важное значеніе грамоты

усвоилъ себѣ, очевидно, и весь народъ и она привилась къ нему. Вотъ что говоритъ современникъ Шафонскій: „должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаваніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многіе изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи достойные выходили люди“. Кіевская духовная академія попрежнему была высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ, Черниговская и Переяславская семинаріи являлись средними школами; а кромѣ того было множество народныхъ элементарныхъ училищъ. А. М. Лазаревскій еще въ 1862 году представилъ статистическія данныя объ этихъ народныхъ школахъ, извлекши ихъ изъ рукописныхъ ревизскихъ книгъ лѣвобережной Малороссіи первой половины XVIII в. И чтоже? Оказывается, что въ семи малороссійскихъ казацкихъ полкахъ было тогда 866 школъ, т. е. въ среднемъ по 124 школы на полкъ, а такъ какъ въ тогдашней Малороссіи было 10 полковъ, то число всѣхъ школъ въ ней должно быть болѣе 1200 (данныхъ о числѣ школъ въ трехъ полкахъ А. М. Лазаревскій не имѣлъ). Эти 1200 школъ разсыяны въ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ лѣвобережной Малороссіи, т. е. той мѣстности, которую въ настоящее время занимаютъ Черниговская и Полтавская губерніи; слѣдовательно, на каждую изъ нихъ приходилось приблизительно по 600 школъ—цифра весьма почтенная, какъ нельзя лучше подтверждающая отзывъ Шафонскаго о любви малороссіянъ къ грамотѣ и школьному образованію. Въ 1760 г. возникъ даже проэктъ объ учрежденіи въ Батуринѣ (нѣкогда гетманская столица, нынѣ мѣстечко) университета, и любопытно, что авторъ проэкта основываетъ его на склонности малороссіянъ къ наукамъ, склонности, выразившейся между прочимъ въ устройствѣ указанныхъ выше народныхъ школъ. „Въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ нималаго сумнѣнія нѣтъ, потому что въ Малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого къ себѣ содержанія, а учащіеся и по силѣ уже обученные никакого одобренія, не только по сіе время не ослабѣваютъ, но еще по временамъ число учениковъ большее оказывается.... По состоянію епархіальныхъ малороссійскихъ школъ, Батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и предъ С.-Петербургскимъ и Московскимъ университетами великій въ томъ авантажъ предвидится“. Учрежденіе Малороссійскаго университета проэктировалось впрочемъ еще и въ из-

вѣстныхъ Гадяцкихъ статьяхъ, т. е. въ третьей четверти XVII вѣка. Конечно, окончившіе эти элементарныя школы не могли бы прямо вступать въ университетъ, но онѣ являлись подготовительною ступенью къ среднимъ духовнымъ школамъ—семинаріямъ, которыя и дали, какъ намъ извѣстно, первыхъ питомцевъ Харьковскому университету.

„Что это были за школы“?, спрашиваетъ себя А. М. Лазаревскій, и продолжаетъ далѣе: „къ сожалѣнію, мы не можемъ вполне разрѣшить этотъ важный вопросъ. Изъ ревизскихъ книгъ видно только, что это были приходскія школы, учреждавшіяся почти при каждой церкви. Обученіемъ въ этихъ школахъ занимались, какъ можно догадываться, приходскія дьячки; но крайней мѣрѣ при упоминаніи о той или другой школѣ находимъ иногда прибавки такого рода: „въ м. Берківѣ, на-примѣръ, школа Троецкая, а въ ней живетъ дьячокъ Ѳеодоръ Ивановъ и при немъ псаломщиковъ два“; „въ сел. Демянцахъ (Переяславскаго полка) школа, въ ней живутъ дьячки прихожіе“; въ м. Новыхъ Млинахъ „школа при церкви Рождества Богородицы, въ которой дьякъ молодой“. Иногда съ учителемъ помѣщались и ученики, такъ, при Яготинской школѣ замѣчено: „въ ней живетъ дьякъ Матвей Захаровъ з школьники“. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ А. М. Лазаревскій повидимому ошибается: школьники, жившіе въ школѣ, были собственно помощники дьячка по ученію, не настоящіе ученики, а уже окончившіе или оканчивавшіе курсъ и занимавшіеся преподаваніемъ. Доказательства этого мы приведемъ ниже. Теперь же еще мы приведемъ только общее заключеніе А. М. Лазаревскаго объ этихъ училищахъ. „Другихъ свѣдѣній объ этихъ школахъ, говоритъ онъ, мы не имѣемъ; но, кажется, и этого достаточно для вывода того заключенія, что всѣ эти школы существованіемъ своимъ обязаны самому народу. Правительственной инициативы тутъ быть не могло; устройству школъ могло способствовать развѣ духовенство; но украинское духовенство XVIII в. зависѣло само отъ народа, своей помощью этому дѣлу могло только выражать добрую волю на то народа. Куда дѣвались эти школы впоследствии, объ этомъ, кажется, нечего и говорить: вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ украинскаго посольства и разными перемѣнами въ быту казачьяго сословія, онѣ исчезали мало по малу“¹⁾.

Мы къ этому добавимъ слѣдующее. Любопытныя свѣдѣнія объ одной такой школѣ сообщаетъ И. Ѳ. Тимковскій—и эти свѣдѣнія приведены нами на 513 страницѣ настоящаго труда. Изъ нихъ между прочимъ

¹⁾ А. М. Лазаревскій. Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталахъ въ XVIII в. (Основа, 1862, травень, стр. 82—89).

мы убѣждаемся, что число учащихся въ дьячковскихъ школахъ было довольно значительно (равнялось 30—40, чел.), что въ нихъ учились и мальчики, и подростки, и взрослые, что въ нихъ было по 3 класса или отдѣленія (букварь, часословъ и псалтирь), и что дьякъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ старшихъ учениковъ. Читая эти строки И. О. Тимковскаго, посвященныя его обученію у „дьячка осанистаго папа Василя“, начинаешь понимать тайну жизненной силы этихъ школъ: она коренилась, очевидно, въ близости ихъ къ народной средѣ, въ тѣсной связи съ этой послѣдней. Въ нихъ все было близко народу—и самое школьное зданіе, служившее помѣщеніемъ для дьячка учителя и тѣсно связанное съ братствомъ и со шпиталемъ, гдѣ жили мѣстные „старцы“, т. е. нищіе, вдовы и сироты; и личность учителя-дьячка, который представлялъ изъ себя въ Малороссіи какъ бы переходную ступень между духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ и являлся излюбленнымъ типомъ какъ книжной, такъ и народной словесности; и программа ученія, въ основу которой были положены церковно-славянскій и русскій языкъ и богослуженіе и которая поэтому привлекала къ себѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ; и языкъ преподаванія народный малорусскій—едва ли не самое главное условіе ихъ популярности; и, наконецъ, если можно такъ выразиться, бытовая обстановка и школьные обычаи—эти спѣвки школяровъ весною подъ навѣсомъ, эта обрядовая каша по случаю окончанія курса учениками, бывшая веселымъ праздникомъ для всей школы, эти отпуска въ лѣтнее время для ловли рыбы, для собиранія орѣховъ, грушъ и калины, это расхѣваніе школярами данныхъ учителемъ праздничныхъ виршей. Конечно, школы эти были весьма несовершенны, но, во-первыхъ, о нихъ нельзя судить по нашей современной мѣркѣ, а для своего времени онѣ были удовлетворительны и привнесли огромную пользу народу, а, во-вторыхъ, ихъ можно было мало по малу реформировать, но отнюдь не уничтожать. Между тѣмъ о нихъ или забыли, или, что еще хуже, старались ихъ уничтожить.

Обратимся теперь къ совершенно аналогичнымъ школамъ, находившимся въ предѣлахъ Слободской Украины, т. е. нынѣшней Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Слободская Украина заселилась главнымъ образомъ выходцами изъ Запѣпровской, т. е. правобережной Малороссіи. Неудивительно, по этому, что и здѣсь мы видимъ точно такую же картину школьнаго дѣла, какъ и въ лѣвобережной Малороссіи. Слободско-украинское общество, подобно малороссійскому, обнаруживаетъ въ XVIII в. большую склонность къ просвѣщенію. Въ извѣстную Екатерининскую комиссію для составленія проекта новаго уложенія Сѣмскіе дворяне представили въ своемъ наказѣ депутату ходатайство объ откры-

тии въ Украинѣ университета ¹⁾. И это нужно сказать не только о высшихъ классахъ—духовенствѣ и дворянствѣ, но и о низшихъ—казакахъ, обратившихся потомъ въ войсковыхъ обывателей, и посполитыхъ. Являясь въ новый край, слобожане устраивали братства, шпитали и школы. При Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ школа существовала уже въ 1675 г. Въ м. Боромлѣ мы видимъ школу при церкви Рождества Богородицы въ 1709 году; туда пошелъ „своею волею“ къ дьячку учителю Ивану Изченку одинъ пятилѣтній сирота, сдѣлавшійся впоследствии іеромонахомъ, Маркъ Мушенко. „Отселѣ несомнѣнно, говоритъ преосв. Филаретъ, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи діаконствъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени—обученъ дьячкомъ—означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ... По ставленническимъ дѣламъ видимъ, говоритъ онъ далѣе, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквяхъ, а потомъ иные поступали и въ священники“. Ученики этихъ школъ превращались черезъ нѣкоторое время въ учителей. Вотъ тому примѣръ. Монахъ Сумскаго монастыря Дорофей показывалъ о себѣ въ 1749 г.: отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и иѣннѣ обученъ онъ ахтырскаго полку села Тростянца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ (т. е. учителемъ). Для усовершенствованія себя въ наукахъ лица, окончившія ученіе въ одной школѣ, переходили въ другую, странствовали или, какъ тогда выражались, *мандровали*; отсюда получило начало и выраженіе „*мандрований*“ (отъ нѣмец. wandern) *дьякъ*“. „Онъ, Іоанникій, читаемъ мы въ одномъ документѣ, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и иѣннѣ обученъ онъ *мандрованнымъ* дьякомъ Павломъ“. Другой *мандрований* дьякъ—Козьма Порадинъ—странствовалъ цѣлыхъ 50 лѣтъ (отъ 20-ти до 70-ти лѣтняго возраста). Знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода странствовалъ всю свою жизнь и былъ также въ сущности „*мандрованнымъ* учителемъ“ въ широкомъ, возвышенномъ смыслѣ этого слова. Извѣстный намъ Т. И. Селивановъ такъ объяснилъ Гр. Петр. Данилевскому происхожденіе этого оригинальнаго явленія. „Дьячки въ старину нанимались по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами къ церквямъ для иѣннѣ, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: какъ станешь самъ учителемъ, учи такъ, чтобъ не отбилъ школы, т. е. не

¹⁾ См. мою „Украинскую Старину“, выш. I-й.

открывай своему ученику всего, чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого то всего, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дѣтки. Для этого, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали“ по украински. Конечно, *между прочимъ* мандрованные дѣтки преслѣдовали и такую цѣль; но намъ думается, что мандрованье тѣсно связано еще и съ средневѣковыми способами изученія ремеслъ и наукъ. Въ Германіи и ремесленники переходили изъ одного города въ другой, отъ одного хозяина къ другому для усовершенствованія себя въ извѣстномъ ремеслѣ; такъ же точно поступали и студенты университетовъ. Магдебургское нѣмецкое право, ремесленные цехи и церковныя братства изъ Германіи перешли въ Польшу, Литву и Югозападную Русь; сохранились они и въ лѣвобережной Малороссіи, и въ Слободской Украинѣ и вызвали къ жизни „мандрованье“ ремесленниковъ и, по аналогіи, „мандрованье“ дѣтчиковъ, тѣмъ болѣе что почва для этого была какъ пельзи болѣе благопріятная: и въ Малороссіи, и въ Слободской Украинѣ все населеніе находилось какъ бы въ постоянномъ движеніи; области эти заселялись главнымъ образомъ путемъ вѣшной колонизаціи, а внутри ихъ всѣ классы общества, не исключая и крестьянъ, широко пользовались „правомъ вольнаго перевода“, движимые желаніемъ найти лучшія условія жизни.

Подобно малороссійскимъ, и слободско-украинскія школы были на изживеніи самого населенія; и въ нихъ кромѣ дѣтчиковъ — учителей бывали ихъ помощники. Вотъ что показывалъ о себѣ одинъ изъ такихъ учителей: „родился Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ школяровъ и крылосное пѣніе и жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ Балаклеѣ до возраста своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ въ школахъ“. Были школы, въ которыхъ видимъ 4 и даже 7 преподавателей. Эти то преподаватели — помощники дѣячка и поименованы въ качествѣ лицъ, проживающихъ въ школахъ. Иногда это были ученики, окончившіе или оканчивающіе курсъ ученія и оставшіеся въ качествѣ помощниковъ учителя-дѣячка, иногда же это были настоящіе „мандрованные“ учителя „молодыки“. Такихъ именно лицъ перечисляютъ и ревизскія книги, которыми пользовался А. М. Лазаревскій (и которымъ, замѣтимъ кстати, хранятся теперь въ нашемъ Харьковскомъ историческомъ архивѣ), и найденная мною перепись Слободскихъ полковъ лейбъ-гвардіи майора Хрущева 1732 г. Эта послѣдняя доставила мнѣ такія же драгоценныя статистическія данныя о слободскоукраинскихъ народныхъ школахъ, какія А. М. Лазаревскій извлекъ изъ ревизскихъ книгъ.

разныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи. Въ четырехъ Слободскихъ полкахъ (харьковскомъ, ахтырскомъ, изюмскомъ и сумскомъ) было въ 1732 г. 129 народныхъ школъ; школы эти по полкамъ распредѣлялись такъ: въ харьковскомъ — 18, ахтырскомъ — 28, Изюмскомъ — 36 и сумскомъ — 47. Онѣ были не только въ козацкихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже въ селахъ) было по нѣсколько школъ (напр., въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ, не говоря уже о Харьковѣ и другихъ городахъ). Общее число жителей во всѣхъ четырехъ полкахъ равнялось приблизительно 306000 душъ обоюго пола; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 души; а въ 1884 году, т. е. 150 лѣтъ спустя—одна школа на 4270 душъ; какъ видимъ, процентное отношеніе числа школъ къ числу населенія не въ пользу нашего времени. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о количествѣ учащихся въ этихъ школахъ, знаемъ однако, что онѣ были многочисленны, и въ той школѣ, гдѣ учился Н. О. Тимковскій, было 30—40 чел.; если изъ осторожности возьмемъ пріуменьшенную цифру въ 20—30 чел., а для нынѣшнихъ школъ 50, то и тогда *процентное отношеніе всѣхъ учащихся въ школахъ въ первой половинѣ XVIII в. и теперь окажется почти одинаковымъ*. Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 чел.; не рѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ четырехъ школахъ г. Харькова (при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквяхъ) было 19 учителей.

Дѣти духовенства составляли довольно видный элементъ среди учениковъ этихъ школъ,—они тамъ получали первоначальное образованіе—но главную массу доставляли все-таки войсковые или казенные обыватели, мѣщане и крестьяне. По составу учащихся эти школы могутъ быть названы всесловными, а по характеру своему церковно-приходскими и вмѣстѣ съ тѣмъ народными. И въ Слободской Украинѣ, точно также какъ въ Малороссіи, кромѣ этихъ элементарныхъ школъ существовала *средняя духовная школа*,—Харьковский коллегіумъ, который игралъ роль *высшаго разсадника знаній*, замѣнялъ для харьковщины Кіевскую духовную академію и являлся, какъ мы знаемъ, несмотря на свой специальный характеръ, всесловнымъ училищемъ.

Въ составъ Слободской Украины входилъ еще Острогожскій казачій полкъ, находившійся на территоріи нынѣшней Воронежской губ. (полки тутъ вездѣ понимаются въ смыслѣ территоріальномъ). Тамъ были, очевидно, такія же школы, какъ въ остальныхъ четырехъ слободскихъ полкахъ, т. е. нынѣшней Харьковской и отчасти Курской губ. (Суджанскій уѣздъ). Въ одномъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ острогожскими казаками (слобода Ендовище), существовала подобная

школа уже въ самомъ началѣ XVIII в. „Школу эту посѣщали дѣти казакѣвъ—черкасы; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ въ 1703 г. былъ дячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей „черкасской обычности“ (т. е. малороссійскому обыкновению), учитель дячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспѣвать“; такъ говорить изслѣдователь Воронежской старины Л. Б. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И, конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а и во многихъ другихъ мѣстахъ, потому что острожскіе малороссіане вынесли изъ Задѣлпровъя тѣже обычаи, что и всѣ остальные и организовались такъ, какъ и другіе ¹⁾).

Мало того: оказывается, что такое же отрадное явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ малороссіянами, напримѣръ, въ Новороссійскомъ краѣ. Школа, подобная описанной выше, существовала въ Запорожьѣ. „Въ Сѣчи, при свято-Покровской церкви, на монастырскомъ дворѣ была школа, т. е. училище, гдѣ охотниковъ, особенно же дѣтей—молодицѣвъ учили грамотѣ. Въ ней было особое отдѣленіе для пѣвчихъ, управляемое духовенствомъ. По сказанію очевидцевъ, считалось тамъ всегда до 30 взрослыхъ казакѣвъ, предназначавшихъ себя въ духовное званіе, т. е. пономарей, дячѣвъ, а за уеиѣхъ и въ діакѣны, и 50 *школьниковѣвъ*, имѣвшихъ свое особенное куренное управленіе, т. е. своего атамана и своего *кухара* (повара). Между прочими преимуществами они имѣли исключительное право колядовать, т. е. въ сятки пѣть свещенные гимны, подъ окнами сѣчеваго товариства, поздравлять хлѣбомъ на Новый Годъ и лйцомъ въ Свѣтлое Воскресенье, звонить въ колокола и читать псалтырь по усопшимъ и убитымъ въ сраженіи, продавать ладѣнь и т. п., за что получали множество съѣстныхъ припасѣвъ и денежную плату, которая составляла общую школьную сумму, въ вѣдѣніи атамана. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались на военную ногу, какъ видимъ изъ ежегоднаго раздѣла царскаго жалованья, при которомъ они получали вмѣстѣ съ другими казенный свинецъ и порохъ, то могли дѣлаться и настоящимъ товариствомъ, особенно писарями“ ²⁾. Эти же самые запорожцы, послѣ разрушенія Сѣчи, вмѣстѣ съ новыми колонистами изъ Малороссіи, составили основное ядро въ населеніи Новороссійскаго края и по старой привычкѣ стали открывать школы у себя въ слободахъ при церковныхъ прихо-

¹⁾ См. мою брошюру „Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“. Х. 1889 г.

²⁾ Скальковскаго. Исторія Новой Сѣчи, изд. 2, ч. 1, стр. 185—186.

дахъ. Таково происхожденіе школъ, о которыхъ упоминаетъ преосвященный Θεодосій въ своемъ трудѣ „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи“.

Такимъ образомъ, народныя элементарныя школы существовали у малороссійскаго населенія выѣшнихъ губерній—Черниговской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Курской, Екатеринославской и, вѣроятно, Херсонской и Таврической, и число ихъ было весьма значительно. Онѣ возникали вѣ всякой правительственной организаціи и помощи и были обизаны своимъ происхожденіемъ тому духу общественности, который выработалъ въ себѣ малороссійскій народъ подѣ влияніемъ опасностей, грозившихъ его религіи и національности. Оплотомъ для него послужило духовное образованіе въ видѣ цѣлой системы высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—и въ этомъ единствѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ тремя типами училищъ, въ ихъ внутренней нравственной связи, коренилась между прочимъ сила такъ называемой „югозападной образованности“. Въ видѣ старой традиціи нѣкоторая связь между академіей, коллегіумами и народными школами сохранилась и въ XVIII в. и дала силу и устойчивость этимъ послѣднимъ. Связь эта нашла себѣ выраженіе какъ въ характерѣ, программахъ и методахъ преподаванія, такъ и въ личностяхъ учителей и учащихся. Благодаря этому, бѣдныя разбросанныя по деревнямъ народныя школы стояли не совсѣмъ одиноко, а представляли какъ бы части великаго цѣлаго, какъ бы отдѣльные элементы особаго цикла образованія, лишеннаго впрочемъ какой бы то ни было регламентаціи.

Мы сказали выше, что ихъ постигла печальна судьба. Гдѣ же причина этого? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ академикъ М. И. Сухомлиновъ. „Одни, говоритъ онъ, объясняютъ ихъ уничтоженіе причинами педагогическими, другіе—соціальными. Первые полагаютъ, что вся бѣда въ томъ, что учителя были плохи. Исполонъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки. Званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ.... Но какъ бы ни были несостоятельны учителя, они выбирались самымъ народомъ и—дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло—были въ ладу со средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣріемъ. Извѣстно, что въ Малороссіи прихожане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношеніи передъ епархіальнымъ начальствомъ. Притомъ же, если бы единственною причиною паденія школъ было дурное преподаваніе, то онѣ замерли бы сами собою, а между тѣмъ ихъ начали преслѣдовать и такъ настойчиво, какъ не преслѣ-

дуются учрежденія, умирающія собственною смертію. Поэтому достоинствѣ, кажется, мнѣніе тѣхъ, которые наденіе школъ приписываютъ переменамъ въ общественномъ быту Малороссіи и преимущественно введенію крѣпостнаго права; но такъ какъ школы не удержались и въ казачьихъ общинахъ, чуждыхъ крѣпостной зависимости, то приходятъ къ мысли, не слѣдуетъ ли „гасителей народнаго просвѣщенія искать не въ средѣ духовенства, а въ какой-нибудь другой средѣ: и что если ими окажутся тѣ, которые, со времени Екатерины, стали называться онекунами народнаго просвѣщенія? Пусть подумаютъ о томъ тѣ, до кого дѣло касается“. (Черниг. епарх. изв. Прибавл., 1862, стр. 552—553) ¹⁾. „Опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа, продолжаетъ далѣе М. И. Сухомлиновъ, едва ли не самая дѣйствительная причина насильственной смерти училищъ, въ будущность которыхъ еще такъ недавно вѣрили лучшіе люди края. Рѣшительныя мѣры, принятыя во второй половинѣ XVIII в. къ учрежденію официальныхъ училищъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрами противъ народныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ то книгамъ, въ такіе то часы, подчиняться такимъ то начальникамъ. Но исполненію подобныхъ требованій представились на первыхъ порахъ препятствія непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать дѣтей своихъ въ училища; власти прибѣгали къ угрозамъ, но, видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлку—допускали совмѣстное обученіе и въ официальныхъ, и въ домашнихъ школахъ. Въ разныхъ городахъ Черниговской губерніи уцѣлѣли въ архивахъ любопытные памятники введенія новой системы образованія. Эти свидѣтельства важны, быть можетъ, не только для исторіи училищъ: они знакомятъ съ духомъ того времени и съ общимъ характеромъ тогдашнихъ преобразованій. Перебирая вереницу данныхъ, невольно приходишь къ вопросу, зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопаснаго врага—старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? Съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ ли былъ дѣйствительный успѣхъ или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями, училищные чиновники по цивилизованнымъ образцамъ и краснорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранныя языки. Говорятъ, что при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ новыя школы лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т. е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія“ ²⁾.

¹⁾ Ссылка М. И. Сухомлинова.

²⁾ М. И. Сухомлиновъ. Училища и народное образованіе въ Черниговской губ. (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. СХХІ, 1864 г., от. III, стр. 7—8).

Намъ кажется, что въ исчезновеніи народныхъ школъ играло роль и введеніе крѣпостнаго права, и причина, отмѣченная М. И. Сухомлиновымъ. Но къ этимъ двумъ причинамъ нужно присоединить еще третью болѣе общаго характера—это именно паденіе стариннаго склада жизни подъ вліяніемъ регламентаціи и новыхъ формъ общерусскаго быта. Заглохли не однѣ школы, а и братства, и шпитали. Онѣ держались въ теченіе почти 125 лѣтъ (съ половины XVII до 3-й четверти XVIII в.) силою традиціи, потому что ихъ никто не трогалъ; но съ паденіемъ гетманщины, со введеніемъ въ Малороссію административнаго и соціальнаго общественнаго строя, господствовавшаго во всей Россіи и уничтожившаго между прочимъ и право избранія прихожанами священниковъ, все это стало разрушаться. Являлась анахронизмомъ теперь, при выработавшихся и рѣзко обозначившихся сословіяхъ, и всесословная школа стараго времени, куда раньше охотно посылали своихъ дѣтей представители высшаго класса малорусскаго общества—казацкіе старшины, потому что служебное положеніе опредѣлялось не школой, а другими причинами, а образованіе, какъ бы оно ни пріобрѣталось, было важно само по себѣ; для малорусскихъ же дворянъ новой формаціи предпочтительнѣе была офиціальная школа, которая давала имъ прямыя служебныя права по табели о рангахъ.

Затѣмъ къ сказанному М. И. Сухомлиновымъ слѣдуетъ сдѣлать еще одну прибавку: борьбу съ народными школами вели не только Екатерининскія, но и Александровскія школы. *И тѣмъ не менѣе количество ихъ въ началѣ XIX в. было еще довольно значительно.*

Таковы были 3 типа школъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло Харьковскому университету, какъ высшему органу мѣстной учебной администраціи. Въ чемъ же ближайшимъ образомъ заключалась его роль, права и обязанности въ отношеніи школъ? Они точно опредѣлены университетскимъ уставомъ и отчасти уставомъ училищъ.

Университетъ, имѣя надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, составляющихъ округъ, долженъ былъ постоянно заботиться объ открытіи всюду, гдѣ положено, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, снабженіи ихъ свѣдущими и благонравными учителями и учебными пособіями и о соблюденіи въ нихъ принятаго порядка ученія. Для каждой губерніи своего округа университетъ избиралъ директора училищъ и представлялъ его черезъ главное правленіе на утвержденіе министру; смотрителей же уѣздныхъ училищъ, учителей въ гимназіи и прочія училища назначалъ или самъ непосредственно, или по представленію директоровъ училищъ. Для производства дѣлъ, относящихся къ училищамъ, при университетѣ учреждался „училищный комитетъ“ подъ

предсѣдательствомъ ректора, въ составѣ 6 членовъ—ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ ежегодно совѣтомъ. Училищный комитетъ получалъ донесенія отъ директоровъ гимназій, разрѣшалъ ихъ просьбы и ведоумѣнія, отбиралъ нужныя объясненія и въ случаѣ необходимости рѣшительныхъ мѣръ входилъ съ предложеніемъ таковыхъ въ совѣтъ. На его обязанности лежало сохраненіе полугодовыхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, о достоинствѣ и трудахъ учителей, объ успѣхахъ учащихся и удаленіе съ согласія совѣта отъ должности недостойныхъ учителей и чиновниковъ (объ удаленіи же директоровъ нужно было дѣлать представленіе попечителю). Ежегодно комитетъ обязанъ былъ представлять совѣту вѣдомость о состояніи училищъ, объ экзаменахъ въ нихъ, о положеніи преподаванія, о препятствіяхъ для ихъ роста и о мѣрахъ къ поднятію его. Совѣтъ, разсмотрѣвъ эту вѣдомость, препровождалъ ее къ попечителю для представленія министру. Онъ долженъ былъ обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе учителей, ходатайствовать за достойныхъ и исправлять своими напоминаніями небрежныхъ, представлять объ отрѣшеніи безнадежныхъ и предлагать свои мѣры совѣту въ экстренныхъ случаяхъ для отвращенія всякой остановки въ ученіи. Онъ разсматривалъ также хозяйственные отчеты директоровъ училищъ, требуя отвѣта въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей, и представлялъ ихъ правленію. Училища, находившіяся на казенномъ содержаніи, могли сдѣлать сверхштатный расходъ не иначе, какъ отправивъ докладъ о немъ черезъ директора училищному комитету, который представлялъ объ этомъ попечителю. Вообще директоры обо всѣхъ дѣлахъ обращались въ комитетъ, а этотъ послѣдній по учебной части въ совѣтъ, а по хозяйственной—въ правленіе. Для рѣшенія менѣе важныхъ текущихъ дѣлъ назначались ректоромъ засѣданія по 2 раза въ недѣлю и даже чаще въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, перемѣнявшихся ежемѣсячно; они давали потомъ отчетъ о своихъ постановленіяхъ, касавшихся перемѣны учителей или преобразованія училищъ, комитету. Въ училищномъ комитетѣ былъ секретарь изъ адъюнктовъ или магистровъ; съ посторонними присутственными мѣстами комитетъ сносился посредствомъ правленія. Всѣ пансіоны и частныя училища могли открываться только съ разрѣшенія комитета, которому представлялись также на утвержденіе и ихъ учителя. Совѣтъ университета ежегодно долженъ былъ назначать изъ числа членовъ училищнаго комитета или и другихъ профессоровъ *визитаторовъ*, поручая каждому изъ нихъ для осмотра одну или двѣ губерніи и снабжая деньгами на путевые расходы изъ положенной на то по штату суммы (5000 руб.). Визитаторы, давъ отвѣты на вопросные пункты своей

инструкціи и присоединивъ сюда собственныя замѣчанія, представляли свои отчеты училищному комитету, который составивъ изъ нихъ общее систематическое извлеченіе, вносилъ его со своими замѣчаніями въ совѣтъ, а этотъ послѣдній доводилъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Визитаторы, во время исполненія своихъ обязанностей, поручались особенному вниманію и содѣйствію мѣстнаго начальства. Въ составъ Харьковскаго учебнаго округа входили слѣдующія губерніи—Слободско-Украинская (т. е. Харьковская), Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская, Земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ ¹⁾. По числу губерній Харьковскій округъ уступалъ только одному Казанскому и превосходилъ всѣ остальные.

Такимъ образомъ, мѣстное управленіе всѣми школами въ обширномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ находилось ближайшимъ образомъ въ вѣдѣніи училищнаго комитета—въ его рукахъ была и администрація, и учебное дѣло, и хозяйственная часть. Высшими инстанціями по отношенію къ комитету были—совѣтъ, и правленіе университета, попечитель, главное училищное правленіе и, наконецъ, министр; низшимъ подчиненнымъ ему органомъ власти былъ директоръ училищъ. Непосредственная роль въ управленіи школами, какъ видимъ, принадлежала университету, хотя при этомъ необходимо имѣть въ виду, что онъ долженъ былъ дѣйствовать въ точныхъ рамкахъ, опредѣленныхъ училищнымъ уставомъ и штатами. Уставъ создалъ духъ и общее направленіе школы, ея учебный планъ и дисциплину, казна давала опредѣленные средства на ихъ содержаніе—и съ этимъ нужно считаться при оцѣнѣ роли университета въ дѣлѣ насажденія средняго и низшаго народнаго образованія въ округѣ. Необходимо дѣлать эту оцѣнку съ точки зрѣнія прямыхъ обязанностей по училищной части, наложенныхъ на университетъ уставомъ 1804 г., а въ общемъ заключеніи о ходѣ школьнаго дѣла—о его прогрессѣ и недостаткахъ—принимать во вниманіе и уставъ, и штаты, и роль высшихъ органовъ учебнаго управленія, и отношеніе къ нимъ общества. Но насколько исполнима была вообще эта новая функція для университетскихъ преподавателей? Не была ли она для нихъ непосильнымъ бременемъ? И хорошо ли поступили составители устава 1804 г., предоставивъ университетамъ и управленіе училищами въ учебныхъ округахъ?

Вопросъ этотъ не разъ поднимался въ литературѣ, но разрѣшался обыкновенно апіорно. Мы же постараемся отыѣтитъ на него съ фактами

¹⁾ Сборн. постановл. по Мин. Нар. Просв., I, стр. 296—299 и 22.

и цифрами въ рукахъ. Въ нашемъ распоряженіи есть обильный матеріалъ, характеризующій дѣятельность училищнаго комитета: сохранился полностью архивъ этого учрежденія, обнимающій все дѣлопроизводство его отъ самого возникновенія и до закрытія. Уже одинъ огромный объемъ этого хранилища говоритъ въ пользу энергичной дѣятельности училищнаго комитета; на его долю, очевидно, выпало не мало труда. Чтобы дать *общее* представленіе о дѣятельности училищнаго комитета за первый десять лѣтъ его существованія мы сообщимъ нѣкоторыя данныя о ней, пользуясь главнымъ образомъ годовыми отчетами его, въ которыхъ сгруппированы эти свѣдѣнія.

Харьковскій учебный округъ былъ учрежденъ въ 1803 году — и тогда же на основаніи „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“ нужно было позаботиться объ открытіи въ немъ университета, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Дотолъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ существовали главныя и малыя народныя училища Екатерининскаго типа и народно-церковно приходскія школы. Главныхъ народныхъ училищъ на весь округъ было 9, въ томъ числѣ 8 въ губернскихъ (Харьковѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Екатеринославѣ, Черкасскѣ, Курскѣ, Орлѣ, Воронежѣ) и одно въ уѣздномъ городѣ (Новгородъ-Сѣверскѣ), въ губерніяхъ — Николаевской (позднѣе Херсонской) и Таврической и въ землѣ Черноморскихъ козаковъ ихъ еще не было. Малыя народныя училища были также далеко не во всѣхъ городахъ: наприкладъ, въ Слободской украинской губ. ихъ было 5 (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ и Валкахъ), въ Черниговской 4 (въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Стародубѣ и Погарѣ), въ Полтавской 2 (въ Прилукахъ и Ромнахъ), въ Таврической 1 (въ Акмечети); въ губерніяхъ Николаевской, Екатеринославской, въ Области войска Донскаго и Черноморскаго ихъ не было вовсе ¹⁾.

Итакъ, работы на нивѣ народнаго образованія было не мало и первымъ работникомъ, еще до открытія университета явился назначенный уже въ концѣ 1802 года профессоромъ Харьковскаго университета И. О. Тимковскій — ему поручено было заняться первоначально осмотромъ училищъ, сдѣлаться такимъ же визитаторомъ ихъ, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, какимъ былъ извѣстный О. Чацкій въ Виленскомъ. Инициаторомъ же всего этого дѣла былъ новый попечитель округа гр. С. О. Потоцкій: ему принадлежала и самая мысль о визитаціи училищъ Харьковскаго учебнаго округа, и выборъ для этого дѣла Тимковскаго. Мало того: главное правленіе училищъ не только признало эту мѣру крайне

¹⁾ Шугурова. И. О. Тимковскій (Кіевск. Стар. 1891 г., авг., стр. 224).

полезною, но рѣшило распространить ее и на другіе округа. Потоцкій же далъ Тимковскому и инструкцію для визитаціи училищъ; она цѣликомъ напечатана въ статьѣ г. Шугурова и мы только отмѣтимъ въ ней двѣ, три черты. На Тимковского возлагалась трудная обязанность: онъ долженъ былъ „освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ и не только о зданіяхъ, суммахъ и прочемъ по части экономической, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности въ своемъ званіи и о степени довѣрія къ нимъ публики“, узнать, какія желательны были измѣненія, обратить вниманіе на воспитательную часть и поведеніе юношества, на степень образованія общества, на его промыслы и занятія, дабы къ нимъ можно было приспособить и самое обученіе, привлекать къ пожертвованіямъ на училища мѣстныя общества и частныхъ лицъ. И онъ въ высшей степени удачно выполнялъ свои обязанности по осмотру училищъ, хотя могъ посвящать этому важному дѣлу только время, оставшееся отъ заботъ по устройству университета. Онъ началъ свой осмотръ съ училищъ Слободскоукраинской губ. и уже 14 дек. 1803 г. отправилъ Новосильцеву (Потоцкій въ это время былъ за границей) свой первый отчетъ „въ которомъ изложилъ сначала свои общія мнѣнія относительно училищъ, потомъ далъ свѣдѣнія объ училищахъ Слободскоукраинской губ. вообще и затѣмъ представилъ обзоръ харьковскаго главнаго народнаго училища и каждаго изъ малыхъ народныхъ училищъ губерніи въ частности. Послѣ того, по мѣрѣ объѣзда и обзоръ училищъ другихъ губерній, онъ представлялъ свои отчеты отдѣльно по каждой изъ нихъ. Въ нихъ заключаются обстоятельные отвѣты не только на вопросы данной ему инструкціи, но и многія его личныя наблюденія надъ тогдашнею провинціальною жизнью“. Чтобы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учителяхъ и ихъ познаніяхъ, Тимковскій, обзрѣвая главные и малыя народныя училища, подвергалъ экзамену не только учениковъ, но и учителей и затѣмъ указывалъ, кто изъ нихъ былъ пригоденъ для какой должности; тутъ же онъ проектировалъ послать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ университетъ для прослушанія краткихъ методологическихъ курсовъ по своему предмету. „Подобно визитатору Виленскаго учебнаго округа Чацкому, Тимковскій, говоритъ г. Шугуровъ, не остался въ роли ревизора или обзрѣвателя старыхъ учебныхъ заведеній, а сдѣлался и устройтеlemъ новыхъ.... Еще предъ выѣздомъ изъ Харькова для обзоръ старыхъ училищъ Тимковскій посылалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства письменныя сообщенія, въ которыхъ говорилъ о пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній и необходимости со стороны общества

прийти на помощь правительству въ дѣлѣ устройства ихъ матеріальными приношеніями. Затѣмъ выѣзжалъ для обозрѣнія главныхъ и малыхъ училищъ, онъ на мѣстѣ всячески старался расположить всѣхъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія. И это ему удалось въ Екатеринославѣ, Воронежѣ и Новочеркасскѣ. Среди частныхъ лицъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Судіенку, который пожертвовалъ 40000 р. на устройство училищъ въ Малороссіи. Потоцкій побуждалъ Тимковского къ немедленному превращенію въ гимназіи главныхъ народныхъ училищъ и открытію новыхъ. Но Тимковский, знакомый съ мѣстными условіями, указывалъ на необходимость постепенности въ этомъ дѣлѣ и съ этимъ согласился и гр. Потоцкій. Въ теченіи 1804 г. рѣшили открыть гимназіи въ Харьковѣ, Черниговѣ и Курскѣ. Одновременно съ открытіемъ гимназій происходило открытіе и уѣздныхъ училищъ. Назначеніе учителей главнымъ образомъ зависѣло отъ Тимковского. Онъ же лично открывалъ училища, сочинялъ церемоніалы для этого открытія, говорилъ рѣчи, давалъ наставленія директорамъ и учителямъ, составлялъ списки книгъ для гимназическихъ бібліотекъ. Въ тоже самое время Тимковский составлялъ многія мнѣнія по училищной части для графа С. О. Потоцкаго—и они потомъ фигурировали въ качествѣ мнѣній попечителя, „который, слѣдовательно, въ очень многихъ случаяхъ работалъ руками и головою Тимковского“. По количеству вновь открытыхъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ училищъ, говоритъ Шугуровъ, дѣятельность Тимковского была менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность Чацкаго, но при сравнительной оцѣнкѣ ихъ заслугъ необходимо помнить и разницу ихъ положенія: Чацкій былъ мѣстный аристократъ, имѣвшій огромныя связи съ польскими помѣщиками и католическимъ духовенствомъ, а Тимковский былъ только маловліятельный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. И можно только удивляться, какъ много онъ сдѣлалъ для того дѣла, къ которому его опредѣлили графъ Потоцкій; можно также порадоваться, что Потоцкому удалось сдѣлать такой поразительно удачный выборъ. Съ открытіемъ университета, въ январѣ 1805 г., дѣятельность Тимковского стала, конечно, менѣе видной и отвѣтственной, изъ устроителя университета и училищъ онъ превратился въ обыкновеннаго члена профессорской коллегіи. Но и тогда все таки главною его функціей была не столько профессура, сколько визитація училищъ—такъ часто и тогда его посылали на визитаціи, хотя труды его въ этомъ отношеніи стали раздѣлять и другіе коллеги. Его огромныя заслуги въ дѣлѣ первоначальнаго устройства училищъ признаны были и благодарнымъ ему университетомъ, который въ 1811 году, при выходѣ Тимковского въ отставку, постановилъ внести въ

журналъ слѣдующее опредѣленіе: „университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ нашего университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковского“¹⁾.

Гр. Потоцкій поручилъ училищное дѣло специально Тимковскому, который и занимался имъ въ теченіе 1803 и 1804 годовъ, но кое что было сдѣлано, какъ мы видѣли (стр. 160—161) и комитетомъ, учрежденнымъ еще передъ открытіемъ университета. Съ открытіемъ университета въ 1805 г., учрежденъ былъ и училищный комитетъ. Членами его въ изучаемое нами десятилѣтіе были преимущественно профессора русскаго происхожденія — Тимковскій, Осиповскій, Шумляинскій, Рижскій, Каменскій; первые четыре были, кажется, безсмѣнными въ этихъ должностяхъ, Каменскій вступилъ въ послѣдніе годы; изъ иностранцевъ членами его состояли — Стойковичъ (едва ли не все время), Дегуровъ (съ 1811 г.), Умляуфъ (съ 1805 по 1806 г.), Коритаріи (нѣсколько лѣтъ), Шнаубертъ (одинъ годъ), Якобъ (не долго), Гутъ (менѣе года), Роммель (тоже самое), Нельдехенъ (не долго). Такимъ образомъ, главная работа—что и понятно—выпала на долю профессоровъ русскаго происхожденія, а изъ иностранцевъ рядомъ съ ними можетъ быть поставленъ только одинъ Стойковичъ, но и то, конечно, потому, что онъ хорошо зналъ русскій языкъ, былъ знакомъ съ русскою жизнью и отличался административными талантами; изъ остальныхъ иностранцевъ пожалуй слѣдуетъ отмѣтить еще только Дегурова, который также не мало поработалъ на этомъ полѣ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалъ училищный комитетъ на пользу школъ и такъ какъ намъ нѣтъ возможности исчерпать весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, то остановимся только, въ видѣ примѣра, на одномъ 1805 г. Прежде всего, по открытіи своемъ, комитетъ рѣшилъ собрать свѣдѣнія о состояніи училищъ и потому директорамъ ихъ предписано было доставить подробныя данныя: 1) о числѣ смотрителей и учителей и о знаніяхъ, какія имѣли эти послѣдніе не только въ преподаваемыхъ ими, но и въ другихъ предметахъ, о способностяхъ и нравственныхъ качествахъ ихъ, 2) о зданіяхъ, занимаемыхъ училищами, 3) о находящихся при нихъ библіотекахъ и другихъ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, 4) о суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе училищъ казною и городскими обществами, 5) сколько въ каждомъ городѣ было жителей—какого они были преимущественно со-

¹⁾ Всѣ эти данныя собраны у г. Шугурова въ его монографіи о Тимковскомъ, составленной на основаніи его подлинныхъ бумагъ.

словія, какими особенно были заняты промыслами, зажиточны ли и расположены ли къ учебнымъ заведеніямъ и можно ли было отъ нихъ ожидать имъ содѣйствія; въ какихъ уѣздныхъ городахъ не было малыхъ народныхъ училищъ и почему? И такъ какъ въ Таврической и Херсонской губ. и въ землѣ Черноморскихъ казаковъ директоровъ не было, то справки эти должны были доставить мѣстные губернаторы и войско-нал канцелярія. Всѣ эти свѣдѣнія были по большей части получены и на основаніи ихъ комитетъ предпринялъ рядъ мѣръ по устройству училищъ въ разныхъ губерніяхъ. Сверхъ того по предложенію ректора, директора начали доставлять ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи училищъ; вѣдомости эти сводились въ одну общую генеральную, которая и доставлялась попечителю. Видное мѣсто въ дѣятельности комитета стала играть забота его о снабженіи училищъ учителями. Особенный недостатокъ чувствовался въ учителяхъ латинскаго языка, политической экономіи, статистики, естественной исторіи, технологіи и коммерціи. Но такъ какъ въ самомъ университетѣ не было еще преподавателей по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ, то комитетъ возбудилъ ходатайство передъ совѣтомъ о замѣщеніи этихъ кафедръ, а съ другой стороны, по порученію попечителя округа, находившійся въ Венгріи адъютантъ Филипповичъ пригласилъ на эти учительскія мѣста въ гимназіи 9 человекъ славянъ съ аттестатами изъ главнаго училища въ Пештѣ, коимъ отправлены были даже деньги на проѣздъ въ Харьковъ. Кромѣ того попечитель прислалъ еще для опредѣленія на учительскія мѣста по гимназіямъ 4 человекъ: изъ Петербурга—Круглашова, изъ Львова поляковъ Былинскаго и Шарбея и изъ Смоленска бывшаго учителемъ въ тамошней семинаріи Василевскаго, изъ коихъ Шарбей и Былинскій состояли нѣкоторое время кандидатами при университетѣ и были опредѣлены учителями, а Круглашовъ и Василевскій и по истеченіи 1805 года оставались въ положеніи кандидатовъ. Другимъ предметомъ стараній комитета были мѣры по снабженію училищъ учебниками и учебными пособиями. Изъ главнаго правленія училищъ университетъ выписалъ въ два пріема книгъ на 5018 р. и сверхъ того особо для Черниговской гимназіи на 546 р., но ими оказалось невозможно удовлетворить даже первыя требованія директоровъ (неучебныя же книги со-всѣмъ не требовались). Въ виду этого университетъ отправлялъ по требованію директоровъ новооткрытыхъ гимназій еще учебники изъ харьковскаго отдѣленія Московскаго книжнаго магазина Глазунова. Изъ главнаго правленія училищъ были присланы также экземпляры уставовъ разныхъ учебныхъ заведеній и „періодическаго сочиненія“, издаваемого министерствомъ; всѣ эти изданія комитетъ разсылалъ губернаторамъ,

архіереямъ и директорамъ своего округа. По нѣкоторымъ предметамъ не оказалось удовлетворительныхъ пособій и потому комитетъ съ благодарностью принялъ риторику съ новыми прибавленіями, сочиненную ректоромъ Рижскимъ и признанную послѣ разсмотрѣнія ея лучшимъ руководствомъ по этому предмету; ее рѣшено было напечатать на счетъ университета, что было и исполнено. Независимо отъ снабженія книгами училищъ, комитетъ задумалъ снабдить подходящими изданіями и ихъ библіотеки. Съ этою цѣлью совѣтъ университета поручилъ каждому факультету составить каталоги или указатели такихъ книгъ. Но прежде чѣмъ факультеты приступили къ этому, профессоръ Тимковскій представилъ въ училищный комитетъ составленные имъ списки книгъ: 1) для гимназическихъ библіотекъ, 2) для библіотекъ уѣздныхъ училищъ, 3) для запасныхъ книжныхъ магазиновъ при гимназіяхъ. Въ виду этого совѣтъ поручилъ профессорамъ пересмотрѣть эти списки, исключить изъ нихъ менѣе важныя сочиненія и прибавить недостающія. Убѣдившись изъ отчетовъ директоровъ о полномъ почти отсутствіи въ главныхъ народныхъ училищахъ, имѣющихъ быть преобразованными въ гимназіи, физическихъ кабинетовъ, комитетъ поручилъ профессору физики Стойковичу составить списокъ необходимѣйшихъ приборовъ, каковой имъ и былъ представленъ. Съ своей стороны попечитель округа убѣдомилъ комитетъ, что проживающій въ Петербургѣ инструментальный мастеръ Черничъ имѣетъ для продажи небольшія электрическія и пневматическія машины, каковыя слѣдовало бы приобрести для гимназій. Списокъ необходимыхъ приборовъ былъ отправленъ графу Потоцкому, который вслѣдъ затѣмъ предложилъ университету пригласить Чернича въ качествѣ механика. Черничъ былъ вызванъ и ему комитетъ поручилъ представить списокъ инструментовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для производства этихъ приборовъ (изъ этого впрочемъ ничего не вышло).

Въ дѣлѣ управленія училищъ приняты были слѣдующія мѣры. Получивъ отъ министра народнаго просвѣщенія черезъ попечителя округа образцы вѣдомостей для составленія директорами полугодовыхъ и годовыхъ отчетовъ о школахъ, училищный комитетъ отпечаталъ ихъ въ университетской типографіи и разослалъ по округу. По поводу представленій директоровъ училищъ Харьковской и Черниговской губ. и земли Войска Донскаго о необходимости имѣть имъ для письменнаго производства многочисленныхъ текущихъ дѣлъ и разнообразныхъ сношеній особымъ письмоводителямъ, комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ по этому поводу черезъ попечителя округа въ главное правленіе училищъ, которое согласилось назначить имъ 200 р. жалованья и по 50 р. на письмоводство, но заявило, что не можетъ собственною властью сдѣ-

латъ постановленія о предоставленіи имъ правъ государственной службы (о чемъ также ходатайствовалъ комитетъ). Нѣкоторые директоры училищъ заявили, что они затрудняются пересылать бесплатно казенные пакеты, такъ какъ не имѣютъ своихъ печатей. Училищный комитетъ черезъ попечителя округа возбудилъ ходатайство о предоставленіи имъ казенныхъ печатей и оно было удовлетворено. Директора училищъ Орловской и Курской губ. сдѣлали представленіе училищному комитету, что смотрители малыхъ народныхъ училищъ, будучи большею частью изъ купческаго состоянія, часто отлучаются по торговымъ дѣламъ своимъ изъ городовъ и потому не могутъ надлежащимъ образомъ исполнять своихъ обязанностей. Комитетъ въ виду этого возбудилъ ходатайство черезъ попечителя округа передъ главнымъ правленіемъ училищъ о назначеніи въ распоряженіе его нѣкоторой суммы денегъ, для того чтобы замѣнить по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ смотрителей (не получавшихъ жалованья) достойными платными, а также о назначеніи въ Херсонскую и Таврическую губ. хотя бы одного директора училищъ съ содержаніемъ, ибо тамъ такового не было и, слѣдовательно, некому было дѣйствовать на мѣстѣ въ пользу училищъ.

Озабочивалъ комитетъ и вопросъ объ училищныхъ домахъ. Адъ-юнкту архитектуры Васильеву было поручено выработать планъ и фасадъ зданій гимназій и уѣздныхъ училищъ, приспособленныхъ къ ихъ нуждамъ и соответствующихъ требованіямъ устава, съ квартирами для директора или смотрителя и учителей. Они были разсмотрѣны университетомъ и попечителемъ округа; затѣмъ съ нихъ снято нѣсколько копій, которые и разсылались для руководства туда, гдѣ строились училищныя зданія.

Изъ частныхъ распоряженій училищнаго комитета къ 1805 году относятся слѣдующія: по предложенію ректора университета И. С. Рижскаго, внесенному имъ въ совѣтъ, постановлено было приглашать преподавателями русскаго языка въ гимназіи учителей кореннаго русскаго происхожденія, дабы учащіеся не привыкали къ неправильному произношенію; серьезнымъ препятствіемъ для открытія уѣздныхъ училищъ явилось отсутствіе приходскихъ школъ, которыя должны были доставлять учениковъ въ уѣздныя училища. Въ виду этого рѣшено было назначать въ уѣздныя училища учителей для преподаванія курса приходскихъ школъ, т. е. иными словами устраивать при уѣздныхъ училищахъ приходскія. Мѣра эта была утверждена попечителемъ, который предписалъ признавать этихъ преподавателей младшими учителями уѣздныхъ училищъ, слѣдовательно, считать ихъ на государственной службѣ (учителя приходскихъ училищъ не пользовались этимъ правомъ).

Нѣкоторые директора возбудили вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ самимъ печатать въ газетахъ описанія публичныхъ экзаменовъ или же присылать ихъ въ университетъ; дѣло доходило до попечителя, который предписалъ, чтобы всѣ эти описанія присылались въ университетъ, который, съ своей стороны, постановилъ печатать ихъ одинъ разъ въ годъ.

Таковы были мѣры, касавшіяся всѣхъ училищъ округа вообще. Но кромѣ ихъ предпринять былъ еще цѣлый рядъ мѣръ въ отношеніи училищъ каждой губерніи въ отдѣльности.

Вотъ что было сдѣлано относительно Слободско-Украинской губерніи. Такъ какъ Слободско-Украинское и Екатеринославское дворянство пожертвовало значительныя суммы на университетъ, а Войско Донское приняло на свой счетъ содержаніе училищъ, то рѣшено было открыть гимназіи и уѣздныя училища прежде всего въ этихъ областяхъ. Еще комитетъ, функціонировавшій до открытія университета, произвелъ необходимыя передѣлки въ домѣ, занимаемомъ главнымъ народнымъ училищемъ въ Харьковѣ, для превращенія его въ гимназію. Съ наступленіемъ же въ 1805 году экзаменовъ, командированы были на нихъ профессора и имъ поручено было разсортировать учениковъ—опредѣлить, кому изъ нихъ слѣдовало поступить въ гимназію, а кому въ уѣздное училище. Въ то же время пріисканы были учителя для этой новой Слободско-Украинской (нынѣшня 1-я Харьковская) гимназіи и 3 сентября 1805 года торжественно были открыты два первые класса этой гимназіи и причисленное къ ней уѣздное училище. Вотъ по какому церемоніалу, составленному училищнымъ комитетомъ, открыты были эти учебныя заведенія. Почетнѣйшія лица въ городѣ были приглашены на торжество особыми программами. Въ назначенный день въ 8 час. утра ученики, студенты, учителя и директоръ училищъ собрались въ училищный домъ, куда прибылъ вслѣдъ за тѣмъ и ректоръ университета съ профессорами. Передъ портретомъ Его Величества на столѣ находился уставъ учебныхъ заведеній, изъ котораго были прочитаны приличные случаю пункты и затѣмъ всѣ присутствовавшіе отирались при колокольномъ звонѣ въ соборъ для выслушанія литургіи въ такомъ порядкѣ: 1) учителя уѣзднаго училища, 2) отдѣленные въ это училище ученики со значками, 3) смотритель его, 4) пѣвчіе со своимъ учителемъ, 5) ученики гимназіи со значками, 6) учителя гимназіи, 7) директоръ Слободско-Украинскихъ училищъ, 8) экзекуторъ университета, 9) студенты, 10) учителя, 11) адъюнкты, 12) профессора, 13) ректоръ университета и при немъ казначей, секретарь правленія, секретарь училищнаго комитета и педелъ. Въ церковь въ это время уже были губернаторъ съ губернскими чинами и губерпскій предводитель съ дво-

равством; литургію совершалъ преосв. Христофоръ Сулима, послѣ чего произнесено было слово, затѣмъ совершено молебствіе, послѣ котораго началось обратное шествіе въ училище въ такомъ порядкѣ: 1) выше-означенный ходъ, 2) преосвященный съ духовенствомъ, 3) губернаторъ съ губерскими чинами, 4) предводитель съ дворянствомъ, 5) городской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ, 6) пеховые со значками. Въ залѣ училищнаго дома совершенно было водоосвященіе; протоіерей Василій Фотіевъ произнесъ рѣчь; возглашено было многолѣтіе царствующему дому; во время пѣнія концерта присутствовавшіе подходили ко кресту, а два протоіерея окропляли святою водою училищный домъ. Затѣмъ преосвященный съ крестнымъ ходомъ вернулись въ соборъ, а въ залѣ училищные пѣвчіе пѣли въ это время канты. Этимъ закончилась церковная часть церемоніи и началась свѣтская. По возвращеніи преосвященнаго въ залъ собранія, ректоръ университета объявилъ указъ объ учрежденіи гимназіи и уѣзднаго училища, а также о чинахъ для нихъ утвержденныхъ и о цѣли этихъ заведеній. Директоръ училищъ произнесъ рѣчь. Были провозглашены имена учениковъ, принятыхъ въ гимназію; сказаны были рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ учителями; хоръ опять спѣлъ кантъ. Преосвященный посѣтилъ столовую казенныхъ питомцевъ и благословилъ ихъ пищу; потомъ въ особой залѣ приглашеннымъ предложень былъ завтракъ. Вечеромъ всѣ училищныя зданія были иллюминированы. На слѣдующій день, въ присутствіи членовъ училищнаго комитета, началось ученіе по новымъ программамъ ¹⁾. Учителями въ гимназію были опредѣлены бывшіе раньше въ Слободско-Украинскомъ главномъ народномъ училищѣ—физики и математики Туравскій, русской словесности и нравоученія прот. В. Фотіевъ, латинскаго языка Курдюмовъ, нѣмецкаго Ольденбургеръ, рисованія Андріевскій, а изъ новыхъ—исторіи, географіи и миѳологіи Крохмалевъ (временно), французскаго языка вмѣсто уволеннаго по его собственной просьбѣ Брюлона Иванъ Кнакфусъ; кромѣ того оставлень для артиллеріи и фортификаціи бывший тамъ прежде учителемъ этихъ предметовъ Николаевъ. Въ уѣздное же училище поступили: смотрителемъ бывший прежде учителемъ въ главномъ народномъ училищѣ Ходовскій и учителями—Закона Божія, географіи и исторіи Вакуловскій, ученія о должностяхъ челоѣка и гражданина, грамматики, чистописанія, правописанія, ариѳметики, геометріи, естественной исторіи, физики и рисованія Золотаревъ; для обученія въ низ-

¹⁾ См. Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1805 г., № 19, стр. 27—28. Ср. также Петерб. Вѣд. 1805 г., № 87.

ишемъ отдѣленіи 1-го класса чтенію, письму, началамъ ариѳметики бывшій ученикъ главнаго народнаго училища Барзинъ. Штатное жалованье въ полномъ размѣрѣ положено было только Туранскому и Бнакфусу и обоимъ учителямъ уѣзднаго училища, остальнымъ же, такъ какъ они были назначены временно и преподавали не всѣ положенные предметы,—въ меньшемъ размѣрѣ, а именно Фотіеву 500 р., Крохмалеву 450 р., Курдюмову 350 р., Ольденборгеру 250 р. Николаеву 360 р., Барзину 150 р.; сверхъ того на дрова и свѣчи назначено старшимъ гимназическимъ учителямъ по 75 руб., младшимъ и преподавателямъ уѣзднаго училища по 60 р., младшему учителю низшаго отдѣленія 40 руб. Въ первый классъ гимназіи поступило 75 чел., во 2-й 28, въ 1-й и во 2-й классы уѣзднаго училища по 71 чел., въ низшее отдѣленіе 1-го класса 67—всего 312. Комитетъ въ виду столь значительнаго числа вступившихъ въ училище и рассчитывая, что современемъ оно еще болѣе увеличится, ходатайствовалъ передъ попечителемъ о разрѣшеніи имѣть по 2 учителя латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; попечитель разрѣшилъ однако имѣть только двухъ учителей латинскаго языка. Такъ какъ Слободско-Украинская гимназія и уѣздное училище были преобразованы изъ главнаго народнаго училища и соединенныхъ съ нимъ „прибавочныхъ классовъ“, существовавшихъ раньше при коллегіумѣ, то въ ея распоряженіи оказались суммы троякаго рода: 1) штатная гимназическая (5650 р.) и уѣзднаго училища (1250 р.), 2) сумма, отпущавшаяся изъ приказа общественнаго призрѣнія на содержаніе бывшаго главнаго народнаго училища (5395 руб.), 3) сумма, назначавшаяся казенной палатой на „прибавочные классы“ и 50 содержавшихся въ нихъ казенныхъ питомцевъ (3000 р.). Сверхъ того 1000 р. отпускалось на вокальный классъ при этихъ „прибавочныхъ классахъ“. Наконецъ, гимназіи принадлежали спеціальныя средства въ размѣрѣ 32314 руб. Содержаніе 50 чел. казенныхъ питомцевъ обходилось въ 4500 р. Отсюда видно, что финансовое положеніе 1-й Харьковской гимназіи было по истинѣ блестящее. При гимназіи составлялись историческія записки, часть которыхъ (за 1805 годъ) была доставлена въ Харьковскій университетъ; наиболѣе достопамятными событіями оказались церемоніаль открытія гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ и посѣщеніе ихъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Принимались мѣры и къ открытію уѣздныхъ училищъ въ предѣлахъ губерніи. Уже съ мая 1804 г. асигнована была штатная сумма на *всѣ* уѣздныя училища Слободско-Украинской губ. Но въ дѣйствительности въ 1805 году было открыто только одно училище въ Харьковѣ. Главное препятствіе заключалось въ полномъ отсутствіи или не-

приспособленности училищныхъ помѣщеній. Въ виду этого университетъ вошелъ въ сношеніе съ Харьковскимъ губернаторомъ, который отвѣтилъ, что часть городовъ—а именно имѣющіе винные доходы, могутъ построить изъ этихъ суммъ дома, а остальные отвѣдутъ готовымъ помѣщеніямъ, но все это можно будетъ сдѣлать только съ разрѣшеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ Богодуховѣ же малое народное училище помѣщалось въ собственномъ домѣ, подаренномъ ему учителемъ Туранскимъ; и потому, хотя онъ былъ тѣсенъ и въ немъ недѣзя было устроить квартиръ учителямъ, рѣшено было все таки сдѣлать въ немъ необходимыя передѣлки и преобразовать малое училище въ уѣздное. Былъ назначенъ уже и смотритель въ это училище, и учителя, но въ 1805 г. оно все таки открыто не было. Приготовлялись къ открытію (но не были открыты) и нѣкоторые приходскія училища въ губерніи, а именно въ Богодуховскомъ уѣздѣ въ казенныхъ волостяхъ Краснокутской, Колонтаевской, Рублевской и Никитинской. Жители ихъ назначили на каждое училище по 150 р. въ годъ, изъ коихъ 75 р. должно было идти учителю, 25 р. законоучителю и 50 р. на содержаніе дома и учебныя пособія. Университетъ обратился къ Харьковскому преосвященному съ просьбою назначить туда учителей, и къ губернатору съ ходатайствомъ объ отводѣ помѣщеній для этихъ училищъ и снабженіи ихъ классною мебелью. Отъ преосвященнаго былъ полученъ отвѣтъ, что онъ опредѣлилъ въ нихъ учителями священниковъ, а помощниками ихъ церковнослужителей; отъ губернатора никакого извѣщенія пока еще не послѣдовало.

Въ Харьковѣ существовалъ пансіонъ, содержимый иностранцемъ Гилейномъ. Теперь разрѣшенъ былъ еще одинъ пансіонъ иностранцу Дерезвилю для благородныхъ мальчиковъ, въ которомъ они обучались Закону Божію и нравоученію, французскому и вѣмецкому языку, русской грамматикѣ, географіи, исторіи и міѳологіи, ариѳметикѣ и геометріи, съ платою по 350 р. съ cadaго питомца. Дерезвилю произведено было соотвѣтственное испытаніе, а учителя получили разрѣшеніе преподавать тамъ, безъ экзамена, какъ лица, извѣстныя университету своими познаніями. Кромѣ этихъ двухъ пансіоновъ, директоръ гимназіи и учителя ея—протоіерей Василій Фотіевъ, Туранскій и Ольденборгеръ—держали въ домахъ своихъ учениковъ, обучающихся въ гимназіи и въ уѣздномъ училищѣ, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденныхъ въ классѣ уроковъ; на такомъ же основаніи позволено было имѣть учениковъ и смотрителю Богодуховскаго училища. Согласно желанію дворянства Харьковской и сосѣднихъ губерній университетъ рѣшилъ учредить пансіонъ при гимназіи подѣ вѣдѣніемъ директора ея и училищъ

наго комитета, съ тѣмъ чтобы пансіонеры обучались въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, а имѣли только въ пансіонѣ квартиру, столъ и присмотръ; но за неотысканіемъ въ Харьковѣ подходящаго помѣщенія, онъ въ 1805 году не былъ открытъ. Директоръ по болѣзни не осматривалъ школъ въ губерніи, а проѣздомъ на Донъ посѣтилъ Изюмское училище визитаторъ проф. Тимковскій и донесъ, что домъ, занимаемый имъ, не годится для помѣщенія уѣзднаго училища и что изъ двухъ учителей его по нуждѣ можетъ быть учителемъ низшаго отдѣленія уѣзднаго училища одинъ только (Ситницкій), другой же (Ярославскій) можетъ только преподавать въ приходскихъ школахъ.

Въ *Черниговской губ.* по части средняго и низшаго народнаго образованія было сдѣлано училищнымъ комитетомъ слѣдующее. Въ Черниговѣ главное народное училище было преобразовано въ гимназію. Въ преобразованіи этомъ живѣйшее участіе принималъ попечитель округа. Открыта гимназія была 17 января 1805 г. Учителями ея назначены были—Бардаковъ (по математикѣ, физикѣ и рисованію), Самарскій Быховецъ (по исторіи, географіи и статистикѣ), Милиновичъ (по философіи и русской словесности), Пиланкевичъ (по латинскому языку), докторъ философіи Кневперъ (по нѣмецкому из.), Колинетъ (по французскому языку)—все со штатнымъ жалованьемъ; сверхъ того Бардаковъ имѣлъ квартиру въ самомъ зданіи гимназіи, а остальные получали квартирный деньгъ (по 100 р.) и на дрова и свѣчи по 81 рублю. 6 марта того же года при гимназіи было открыто и уѣздное училище, въ которое поступили учителями для преподаванія предметовъ 2-го класса и Закона Божія Зозулинъ, предметовъ 1-го класса и рисованія Липлянский оба со штатнымъ содержаніемъ; къ нимъ присоединенъ былъ для преподаванія предметовъ приходскихъ школъ учитель Здоръ съ жалованьемъ въ 100 р. Въ теченіе 1805 года для гимназіи куплены были слѣдующія учебныя пособія: въ библіотеку 107 книгъ, для рисовальнаго класса 153 рисунка; въ физическій кабинетъ—барометръ и компасъ; для уѣзднаго училища: въ библіотеку—25 книгъ и 4 карты, въ рисовальный классъ 50 рисунковъ. Ни гимназія, ни уѣздное училище не имѣли сверхштатныхъ суммъ и должны были производить нѣкоторые расходы изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава и т. п. 50 учениковъ находилось на содержаніи тамошняго приказа общественнаго призрѣнія и были въ вѣдѣніи этого послѣдняго, а не директора. При Черниговской гимназіи было 6 кандидатовъ на учительскія мѣста, изъ коихъ двое—Здоръ и Хитковъ—были опредѣлены въ приходскія училища (Черниговское и Стародубовское), двое—Кучеревскій и Головачевскій—помощниками учителей въ Сосницкое и Александровское при-

ходскія училища и двое—Бобоша и Шарой—находились еще при гимназій. Училища въ разныхъ уѣздныхъ городахъ оставались на прежнемъ положеніи; произошли только нѣкоторые измѣненія въ составѣ ихъ учительскаго персонала, а именно въ Стародубское училище назначенъ смотрителемъ, по предложенію министра, штабъ-лѣкарь Назарьевъ, а въ Глуховское—бывшій прежде учителемъ въ маломъ училищѣ Курской губ. Золотаревъ; второ-классный учитель Стародубскаго училища Заверухинъ по болѣзни уволился отъ должности, на мѣсто его поступилъ тамошній учитель 1-го класса Ятченко, а на мѣсто этого послѣдняго, по представленію директора, кандидатъ на учительскія должности при Черниговской гимназій Хитковъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ находилось главное народное училище, учрежденное тамъ еще въ бытность Новгородъ-Сѣверска губернскимъ городомъ. Оно имѣло собственнаго директора (Халанскаго), зависимаго впрочемъ отъ директора училищъ Черниговской губ. 8-го іюня Халанскій получилъ новое назначеніе—былъ опредѣленъ директоромъ училищъ Полтавской губ. Въ училищѣ этомъ сверхъ предметовъ, положенныхъ по уставу, обучалъ съ разрѣшенія комитета французскому языку отставной майоръ Константиновичъ, получая съ каждаго ученика по 10 руб. въ годъ. Прежде малыя народныя училища содержались на счетъ приказа общественнаго призрѣнія, но съ 1-го мая они стали получать штатныя суммы отъ казначействъ, ассигновки же приказовъ пошли въ строительную экспедицію; на сверхштатные расходы они имѣли только по 10 р. въ годъ. По просьбѣ директора училищъ дома, принадлежавшія приказу и занятія Новгородъ-Сѣверскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ училищами, отданы были имъ въ собственность. Приходскія училища въ Черниговской губерніи находились только въ Сосницкомъ уѣздѣ: тамъ кромѣ училища въ сел. Купчихахъ, находившагося на иждивеніи г-жи Танковой, было открыто новое въ Александровкѣ на средства протоіерея Свѣяницкаго и поручика Дашевскаго на мѣсто прежняго, основаннаго Лысенкомъ и закрытаго послѣ его смерти. Съ разрѣшенія попечителя въ Черниговѣ заведенъ былъ учителемъ Кневперомъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ самъ Кневперъ и жена его обучали французскому и нѣмецкому яз., арифметикѣ, географіи, исторіи, міеологіи, эстетикѣ, рисованію, музыкѣ и рукодѣліямъ. Директоръ не осматривалъ училищъ, находившихся въ уѣздахъ, исключая уѣзднаго Стародубскаго и приходскаго Купчицкаго. Министръ народнаго просвѣщенія, проѣзжая черезъ Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ гимназію и главное народное училище, присутствовалъ на испытаніяхъ учениковъ, посѣтилъ ихъ библіотеки и кабинеты и остался всѣмъ доволенъ.

Въ предѣлахъ *Полтавской губ.* въ 1805 г. не было никакого преобразованія училищъ. Въ теченіе всего года здѣсь не было и директора и обязанности его исполнялъ учитель Полтавскаго главнаго народнаго училища Зозулинъ (считался же директоромъ находившійся въ отпуску въ Петербургѣ Дроздъ Бонячевскій, а потомъ Халанскій). Не было никакихъ перемѣнъ и въ личномъ составѣ учителей, исключая того, что Роменскій учитель Козловскій былъ предназначенъ къ переводу въ имѣвшееся открыться въ Кременчугѣ уѣздное училище. На содержаніе училища отпускались теперь штатныя суммы, но на учебныя пособія, писмоводство не давалось ничего, такъ что на это послѣднее Зозулинъ тратилъ собственные деньги. Полтавскій ген. губ. князь Куракинъ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ объ открытіи уѣзднаго училища въ г. Кременчугѣ и при этомъ заявилъ, что содержаться оно будетъ изъ городскихъ доходовъ, которые уже начали поступать. Однако въ виду того, что по Высочайшему повелѣнію содержаніе училищъ въ Малороссіи принято было на счетъ казны ¹⁾, рѣшено было ходатайствовать объ ассигнованіи и для Кременчужскаго училища штатной суммы, а до того времени отложить его открытіе (хотя для него были уже назначены учителя—Ординскій и Козловскій—и мѣстное общество соглашалось временно принять на себя его содержаніе, съ тѣмъ чтобы впоследствии казна вернула ему его расходы; такъ доносилъ визитаторъ Стойковичъ). Въ дер. Чепуровкѣ, Пиритинскаго уѣзда, принадлежавшей статской совѣтницѣ Чепѣ, открыто было, по ея желанію, приходское училище, содержаніе котораго она приняла на себя, а мужъ ея взялся наблюдать за нимъ и снабжать 50 бѣднѣйшихъ учениковъ книгами и прочими необходимыми пособіями. Учителями было назначено трое бывшихъ учениковъ Черниговскаго главнаго народнаго училища изъ ея же Чепы крестьянъ. Полтавское главное народное училище посѣтилъ въ 1805 г. министръ народнаго просвѣщенія.

Относительно училищъ *Курской губ.* затребованы были комитетомъ прежде всего обстоятельныя свѣдѣнія отъ директора, а затѣмъ проф. Осиповскому, командированному по дѣламъ университета въ Москву, поручено было на обратномъ пути осмотрѣть главное народное училище въ Курскѣ. Изъ его отчета оказалось, что изъ тамошнихъ преподава-

¹⁾ По Высочайшему повелѣнію отъ 20 іюня 1803 г. разрѣшено было Малороссійскому ген.-губ. кн. Куракину употреблять часть доходовъ городовъ Полтавской губ. на устройство и содержаніе уѣздныхъ училищъ въ уѣздахъ городахъ и гминахъ въ губернскомъ; на содержаніе этой послѣдней казна обязана давать средства только въ первые три года ея существованія, а потомъ оно всецѣло должно было перейти къ городскимъ обществамъ. (Сборникъ постановл. по мин. нар. просв., I, стр. 68—69). Но впоследствии это было измѣнено.

телей только одинъ учитель математики Зубковъ имѣлъ свѣдѣнія, достаточныя для гимназическаго курса, причемъ и поведеніе его дѣлалось извѣстнымъ; по нуждѣ же можно бы еще оставить для словесности, исторіи и географіи и учителя Лаврова, а для уѣзднаго училища визитаторъ рекомендовалъ учителя тамошняго Георгіевскаго училища Колоцова. При томъ такъ какъ преподаваніе математики и физики въ главномъ народномъ училищѣ было механическое или историческое, то проф. Осиповскій предложилъ замѣнить его доказательнымъ. По представленію директора, учитель нѣмецкаго языка поручикъ Шейдеманъ по неспособности былъ удаленъ отъ должности, а на мѣсто его опредѣленъ по латинскому и нѣмецкому языкамъ польскій уроженецъ Былинскій съ жалованьемъ въ 600 р. и квартирными деньгами въ размѣрѣ 150 р.; учителемъ же рисованія назначенъ художникъ Ушаковъ. Курское главное народное училище кромѣ суммы, отпускаемой на него приказомъ общественнаго призрѣнія (3028 р.), получало уже штатную гимназическую отъ казны сумму. Въ малыхъ училищахъ никакихъ переменъ въ это время не произошло; всѣ они, состоя подъ непосредственнымъ надзоромъ и попеченіемъ смотрителей изъ купцовъ, назначавшихся ратушами и не имѣвшихъ ни малѣйшихъ свѣдѣній въ учебномъ дѣлѣ, находились въ весьма печальномъ состояніи, какъ со стороны помѣщенія и содержанія, такъ и со стороны присмотра и снабженія учебными пособиями. Уѣздныя училища въ этой губерніи не были осматрѣны кромѣ двухъ—Бѣлгородскаго и Обоянскаго—которые посѣтилъ проф. Осиповскій и донесъ, что Бѣлгородское училище въ учебномъ отношеніи находилось въ довольно удовлетворительномъ состояніи, а Обоянское—въ неудовлетворительномъ.

Для освѣдомленія объ училищахъ *Орловской губ.* были употреблены такія же мѣры, какъ и относительно училищъ *Курской губ.*, т. е. затребованы были свѣдѣнія отъ директора, а въ главное народное училище командированъ проф. Осиповскій, который донесъ: 1) что изъ учителей его можетъ быть опредѣленъ въ гимназію только одинъ Венедиктовъ для преподаванія исторіи, если притомъ онъ ознакомится со статистикой, которой ему придется обучать вмѣстѣ съ исторіей; учитель же математики Безручкінъ имѣлъ недостаточныя для гимназіи свѣдѣнія, но обѣщалъ до открытія ея пополнить ихъ собственными занятіями, изъ младшихъ учителей никто для уѣзднаго училища не былъ достаточно подготовленъ. Физико-математическія науки и здѣсь преподавались историческимъ, а не доказательнымъ способомъ. Для приготовленія учениковъ главнаго народнаго училища къ гимназическимъ курсамъ были сдѣланы тамошнимъ директоромъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія или

правильнѣе дополненія (въ особенности по математикѣ, физикѣ). Учителемъ латинскаго языка былъ назначенъ состоявшій при университетѣ кандидатомъ Шарбей, а на мѣсто уволеннаго по неисправности учителя Простова опредѣленъ равнѣе здѣсь же обучавшійся Вас. Поповъ. При главномъ народномъ училищѣ было два кандидата на учительскія должности—Ив. Поповъ и бывшій воспитанникъ Московскаго коммерческаго училища Гендриковъ. Изъ училища въ университетъ были доставлены метеорологическія наблюденія по барометру и термометру. Малыя училища подобно Курскимъ, будучи въ вѣдѣніи купцовъ, находились въ печальномъ состояніи. Такъ какъ въ этихъ училищахъ обучались очень бѣдные ученики, не имѣвшіе возможности купить себѣ учебныхъ книгъ, то, по представленію объ этомъ директора, комитетъ постановилъ (и это рѣшеніе было утверждено попечителемъ) раздавать даромъ недостаточнымъ ученикамъ книгъ въ главномъ народномъ училищѣ рублей на 35—40 да въ награду за успѣхи рублей на 20, въ училищахъ же уѣздныхъ городовъ рублей на 10 въ каждомъ. Предполагалось къ открытію въ предѣлахъ губерніи два приходскихъ училища—одно въ сел. Сергіевскомъ Карачевскаго уѣзда на счетъ бригадирши Стремоуховой, другое въ с. Куракинѣ Малоархангельскаго уѣзда на счетъ владѣльца его кн. Куракина; но Стремоухова отказалась отъ своей мысли, а Куракинское не было открыто въ 1805 году, потому что не былъ оконченъ отдѣлкою для него домъ. Директоръ училищъ человѣкъ вообще рачительный—не осматривалъ училищъ, потому что у него не было денегъ на прогоны; онъ былъ только въ одномъ Мценскомъ училищѣ, осматрѣнномъ также и проф. Осиповскимъ, который нашелъ, что учитель его Булгаковъ годится только для приходскаго училища.

Училища *Воронежской губ.* оставались въ прежнемъ состояніи и осматрѣны пикѣмъ изъ визитаторовъ не были. Училищный комитетъ назначилъ только въ Острогожское малое народное училище учителемъ Вертоградова, который послѣ преобразованія его въ уѣздное долженъ былъ занять въ немъ мѣсто преподавателя 2-го класса, затѣмъ по ходатайству комитета, былъ освобожденъ отъ постоя домъ учителя Успенскаго.

Гораздо болѣе успѣшна была дѣятельность комитета по части училищъ *Екатеринославской губ.* Тамашній директоръ сообщилъ, что дворянство пожертвовало для имѣющей открыться въ Екатеринославѣ гимназій домъ, который оканчивался отдѣлкою; о снабженіи его классною мебелью вошли съ просьбою въ приказъ общественнаго призрѣнія, который отпустилъ для этого 1000 р.; большое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ оказалъ и губернаторъ Бергъ, которому университетъ выразилъ свою признательность. Оставалось, такимъ образомъ, для открытія гимназій

приготовить только учебную часть. Съ этою цѣлю на профессора Стойковича, командированнаго на визитацію въ Одессу, возложена была обязанность, при проѣздѣ его черезъ Екатеринославъ, разсортировать какъ учителей, такъ и учениковъ по классамъ въ гимназію или уѣздное училище, составить съ тамошнимъ мѣстнымъ начальствомъ церемоніаль открытія гимназіи и представить обо всемъ этомъ свои предположенія училищному комитету, съ тѣмъ чтобы ко времени возвращенія его изъ Одессы въ Харьковъ комитетъ могъ разсмотрѣть все это, измѣнить или дополнить и поручить ему открыть гимназію и уѣздное училище. Учителями въ гимназію назначены были комитетомъ бывшіе преподаватели главнаго народнаго училища — Якубовскій (по физикѣ, философiи, словесности и латинскому языку), Заставскій (по математикѣ и временно французскому языку), Севастьяновъ (временно по исторiи и географiи) и изъ новыхъ — Конжаки (по нѣмецкому языку) и Репнинъ (по рисованію); въ уѣздное училище — бывшіе раньше Золотарева (для 2-го класса и рисованiя), Плисковскій (для 1-го класса и Закона Божiя) и бывшій воспитанникъ главнаго народнаго училища Тишкевичъ (для низшаго отдѣленія). Предложенія Стойковича были утверждены и гимназія съ уѣзднымъ училищемъ торжественно открыта имъ 1-го августа 1805 г. Учениковъ поступило въ 1-й классъ гимназіи 29, во 2-й кл. 9, въ 1-й кл. уѣзднаго училища 43, во 2-й кл. 42. Учителямъ отведены были казенныя квартиры. Въ гимназическую библіотеку поступило 20 книгъ, а въ физическій кабинетъ 3 оптическихъ зеркала съ 18 фигурами. Кромѣ штатной суммы гимназія пользовалась еще и сверхштатной (это были 3000 р., отпускавшіяся раньше приказомъ общественнаго призрѣнія на содержаніе главнаго народнаго училища).

Желая завести училища въ различныхъ уѣздныхъ городахъ Екатеринославской губ., училищный комитетъ обратился къ директору училищъ съ запросомъ, какое матеріальное содѣйствіе могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ правительству сами граждане и получить отвѣтъ, что можно расчитывать на содѣйствіе дворянства; города же въ этомъ краю новыя и доходовъ съ нихъ недостаточно даже для нихъ самихъ. Однако по сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что въ Екатеринославѣ дума и магистратъ назначили для этой цѣли ежегодно изъ городскихъ доходовъ по 300 рублей, въ Новомосковскѣ тамошнее малочисленное градское общество — 100 рѣблей добровольной складки, въ греческомъ приморскомъ городѣ Мариуполѣ единовременно 1000 руб. и ежегодно по 625 руб., въ Ростовѣ 25 семействъ положили вносить ежегодно по 625 р.; сверхъ того самъ губернаторъ опредѣлилъ взносъ для г. Павлограда въ 100 р.,

для Бахмута по 300 р., для приморскаго города Таганрога по 1000 р. Что касается армянскаго города Нахичевани, то магистратъ его донесъ губернатору, что здѣсь существуетъ уже армянское училище, въ которомъ обучаютъ дѣтей по армянски два выписанныхъ изъ Константинополя учителя, получающіе жалованья одинъ 1200 р., другой 350 р., и есть также особый учитель обучающій по русски чтенію и письму. Въ отвѣтъ на вопросъ комитета, гдѣ прежде всего по мнѣнію директора слѣдуетъ открыть училища, онъ отвѣтилъ, что въ Павлоградѣ, Бахмутѣ и Таганрогѣ; по поводу же даннаго ему комитетомъ порученія склонить мѣстныя общества къ постройкѣ училищныхъ зданій, замѣтилъ, что для успѣха этого дѣла необходима ассигновка на училища Екатеринославской губ. штатныхъ суммъ; это же подтвердилъ и визитаторъ проф. Стойковичъ. Тогда университетъ сдѣлалъ попечителю два представленія въ этомъ смыслѣ и они были уважены. Дѣйствительно дворянство Павлоградскаго уѣзда сейчасъ же послѣ этого отвело подъ уѣздное училище домъ, приобретенный было для канцеляріи и собраний, и назначило известную сумму денегъ на передѣлку и приспособленіе его, обложивъ для этого имѣнія свои особымъ сборомъ (а нѣкоторые сдѣлали подписку и собрали 141 р.). По представленію директора, смотрителемъ въ Павлоградское училище былъ назначенъ поручикъ Дмитріевъ-Байдуровъ. Отправленный визитаторомъ въ область войска Донскаго проф. Тимковскій заѣзжалъ, по порученію комитета, въ Нахичевань и предлагалъ жителямъ содѣйствіе по учебной части со стороны университета, но на это не получено было никакого отвѣта. Помѣщикъ Екатеринославской губ. Морозовъ пожертвовалъ на постройку гимназіи изъ своего Бѣлорусскаго имѣнія значительное количество лѣса (1000 сосновыхъ деревьевъ и соответственное число другихъ породъ)—и за это удостоился милостивой благодарности отъ Государя.

Въ предѣлахъ Херсонской губ. комитетъ особенно заботился объ открытіи Одесской коммерческой гимназіи. Еще 16 апрѣля 1804 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи этой гимназіи съ уѣзднымъ и приходскимъ при ней училищами. Программа ея нѣсколько отличалась отъ обычныхъ и приспособлялась къ торговому значенію г. Одессы. Между прочимъ здѣсь должны были преподаваться французскій, итальянскій и греческій языки. Расходъ на нее не входилъ въ первоначальные штаты, но на нее положена была теперь все таки опредѣленная сумма ¹⁾. Въ декабрѣ 1804 г. назначенъ директоромъ ея Вольсей. Къ этому то Вольсею обратился комитетъ съ требованіемъ сообщить свѣдѣнія о ходѣ дѣла по устройству этого учебнаго заведенія. Тотъ увѣдомилъ, что зданіе для

¹⁾ Сборн. постановл. по мин. нар. просв. I, стр. 228—233.

гимназіи еще не готово и она может быть открыта не ранѣ іюня мѣсяца и то въ такомъ только случаѣ, если будутъ подысканы преподаватели и заготовлены учебныя пособія; сверхъ того онъ прибавилъ, что Одесскій градоначальникъ Дюк-де-Ришелье обратился съ просьбою о пожертвованіяхъ въ пользу этой гимназіи къ мѣстнымъ помѣщикамъ. Комитетъ предоставилъ Вольсею подыскивать въ Одессѣ учителей для гимназіи и сообщать о нихъ въ Харьковѣ. Вслѣдъ затѣмъ Вольсей прислалъ планъ ученія въ гимназіи, но въ немъ оказались отступленія отъ Высочайше утвержденнаго и комитетъ вернулъ ему его и приказалъ руководствоваться этимъ послѣднимъ. Но такъ какъ вообще трудно было все устроить путемъ письменныхъ сношеній, то комитетъ рѣшилъ послать въ Одессу особаго визитатора, каковымъ избранъ былъ профес. Стойковичъ. Онъ былъ командированъ туда въ вакаціонное время и ему была дана для руководства слѣдующая инструкція. „Училищный комитетъ, съ одной стороны имѣя въ виду, сколь затруднительно истребовать посредствомъ переписки всѣ свѣдѣнія, нужныя для устройства въ Одессѣ гимназіи, а съ другой считая своей обязанностью ускорить сколь возможно открытіе столь важнаго въ такомъ отдаленномъ краѣ училища, сверхъ того предвидя, сколь полезно будетъ присутствіе тамъ на мѣстѣ одного изъ членовъ университета, снабженнаго полномочіемъ дѣйствовать по этому дѣлу, положилъ, по силѣ Высочайше подтвержденнаго устава университета, отправить въ званіи визитатора въ Одессу профессора Стойковича, съ тѣмъ чтобы онъ, вошедъ подробнѣйшимъ образомъ въ настоящее состояніе дѣла, сообразилъ и опредѣлилъ все, что найдетъ полезнымъ для скорѣйшаго открытія Одесской гимназіи. Почему поручается ему. 1) Разсмотрѣть и донести университету, какія кромѣ штатной, откуда и какимъ образомъ получаютъ суммы, также на что и какъ въ расходъ употребляются, особенно же, что можно завести въ пользу гимназіи на эти сверхштатныя суммы. 2) Осмотрѣть приготавлиемыя для помѣщенія гимназіи, низшихъ при ней училищъ и квартиръ учителей зданія, присовокупить къ тому замѣчанія, какія сочтетъ полезными, и доставить планы этихъ зданій. 3) Войти въ разсмотрѣніе того, какаа изготовлена, изготовляется и будетъ изготовляться классная мебель, руководствуясь по этому вопросу разсужденіями, не разъ поднимавшимися въ комитетѣ. 4) Разсмотрѣть, какія заготовлены и какихъ еще не достаесть книгъ для класснаго ученія и бібліотекъ, ландкартъ, инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій и рѣшить, удобнѣе ли ихъ приобрести на мѣстѣ или выписать при посредствѣ университета. 5) Рачительнѣйшимъ образомъ собрать справки о томъ, сколько и какого званія учениковъ можетъ вступить въ гимназію и низшія

при ней училища, чтобы сообразно съ этимъ сдѣлать постановленіе о томъ, какіе именно могутъ быть открыты теперь же классы. 6) Руководствуясь этими предварительно собранными свѣдѣніями, опредѣлить, какіе и какихъ предметовъ нужны учителя и можно ли ихъ пріискать на мѣстѣ, или слѣдуетъ прислать изъ университета. 7) Выянуть въ расположеніе жителей тамошняго края къ учебнымъ заведеніямъ и узнать, не желаютъ ли они, чтобы въ тамошней гимназіи кромѣ наукъ, положенныхъ по штату, преподавались еще и нѣкоторыя другія. 8) Ему же, Стойковичу, поручается вообще не упускать изъ виду ничего, что онъ найдетъ полезнымъ къ устройству въ тамошнемъ краѣ штатныхъ училищъ и ко благу народнаго просвѣщенія, для чего онъ можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ мѣстному начальству и пользоваться, на основаніи своихъ законныхъ полномочій, услугами тамошняго директора, донося только обо всемъ, что будетъ сдѣлано, комитету. 9) Такъ какъ въ Херсонской губ. доселѣ нѣтъ ни одного штатнаго училища, то ему поручается разсмотрѣть, нельзя ли будетъ при пособіи тамошняго мѣстнаго начальства устроить въ губернскомъ городѣ Херсонѣ если не гимназію, то по крайней мѣрѣ уѣздное училище. 10) Въ виду того, что ему по пути въ Одессу нужно ѣхать черезъ Полтаву и Екатеринославъ, поручается ему въ Полтавѣ снестись съ губернаторомъ объ ассигнованіи городской суммы на Кременчужское училище, а въ Екатеринославѣ осмотрѣть все, что тамошнимъ директоромъ приготовлено къ открытію гимназіи и уѣзднаго училища, составить съ мѣстнымъ начальствомъ приличный церемоніаль и обо всемъ довести университету, съ тѣмъ чтобы на обратномъ пути исполнить предписаніе комитета объ открытіи Екатеринославской гимназіи и училищъ“.

Такова была инструкция, данная проф. Стойковичу.

Какъ же онъ выполнилъ ее? Возвратившись изъ Одессы, Стойковичъ представилъ обстоятельный отчетъ о своей визитаціи училищному комитету. Вотъ его сущность. I. Хотя штатная сумма на гимназію и ассигнована, но она еще не получается, такъ что и директору пока не дано причитающагося ему жалованья; о скорѣйшей доставкѣ ея просить и директоръ, и самъ Одесскій градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье. Относительно сверхштатной суммы этотъ послѣдній объяснилъ, что размѣровъ ея точно опредѣлить невозможно, потому что она составляется изъ ежегодныхъ добровольныхъ приношеній, но во всякомъ случаѣ ея всегда будетъ достаточно для удовлетворенія нуждъ и потребностей гимназіи. Изъ доходовъ же банка производится передѣлка и приспособленіе дома, отведеннаго подъ гимназію. Когда будутъ отпущены штатныя ассигновки, то сверхштатныя сборы Дюкъ-де-Ришелье

намѣренъ употребить на заведеніе пансіона, для постройки котораго уже изготовленъ планъ, но такъ какъ смѣта показалась ему очень большой, то нынѣ готовится новый, который и будетъ представленъ директоромъ въ училищный комитетъ. Мое мнѣніе, замѣчаетъ по этому поводу самъ Стойковичъ, таково, что на эти же деньги можно бы завести первое въ Россіи индустріальное училище, на подобіе существующихъ въ Германіи (въ Геттингенѣ, Ганноверѣ и Лейтмерицѣ въ Богеміи) и приносящихъ огромную пользу обществу. Такія же училища слѣдовало бы открыть и въ другихъ мѣстахъ при сельскихъ школахъ, ибо въ нихъ крестьянскія дѣти могли бы учиться зимою съ большою для себя пользою. Планъ ихъ я могу представить комитету. Часть сверхштатныхъ суммъ нужно будетъ употребить также на содержаніе при гимназій учителяхъ нѣмецкаго языка, рисованія, кораблестроенія, плаванія и другихъ гимнастическихъ упражненій, необходимыхъ въ приморскихъ мѣстахъ. На этотъ пунктъ комитетъ положилъ: 1) отнестись въ Херсонскую казенную палату съ просьбою, чтобы штатныя суммы, ассигнованныя на Одесскую коммерческую гимназію, выданы были и всегда выдавались директору ея Вольсею въ началѣ каждой трети года; 2) отправить директору двѣ приходо-расходныхъ книги; 3) увѣдомить Дюка-де-Ришелье, что университетъ снесся съ Херсонской казенной палатой объ отпускѣ штатныхъ суммъ; 4) употребленіе сверхштатныхъ суммъ на вознагражденіе учителей указанныхъ выше дополнительныхъ предметовъ комитетъ не можетъ не признать полезнымъ, буде найдется достаточно для этого средствъ; онъ не отвергаетъ также и предложенія о ремесленномъ училищѣ, но откладываетъ разсужденіе о немъ до открытія гимназій. II. Подъ гимназію отданъ каменный двухъэтажный домъ, который былъ занятъ долотѣ Одесскимъ банкомъ; въ этомъ домѣ, послѣ необходимыхъ передѣлокъ, можно будетъ помѣстить не только гимназію, но и низшія училища и даже отвести нѣкоторымъ учителямъ квартиры. Передѣлки будутъ сдѣланы, по заявленію Дюка-де-Ришелье, на счетъ банка. Планъ дома Дюкъ-де-Ришелье велѣлъ при немъ, Стойковичъ, скопировать инженерному полковнику Ферстеру и отправить въ университетъ. Комитетъ порѣшилъ принять это къ свѣдѣнію. III. Никакой мебели до сихъ поръ въ Одесской гимназій нѣтъ, потому что верхній этажъ дома занимаетъ директоръ, держащій пансіонъ, а нижній правленіе банка, но, по увѣренію градоначальника, оно его скоро должно будетъ очистить, такъ что мебель можно будетъ изготовить и поставить очень быстро; о томъ, какова должна быть мебель, я, прибавляетъ Стойковичъ, бесѣдовалъ съ директоромъ Вольсеемъ. На этотъ пунктъ комитетъ сдѣлалъ слѣдующее по-

становленіе: извѣстить директора, чтобы онъ занялся заготовленіемъ мебели еще до очищенія дома. IV. Никакихъ учебныхъ пособій въ гимназій кромѣ двухъ глобусовъ не имѣется; все это нужно выписать или заказать; въ Николаевѣ есть искусный инструментальный мастеръ, въ особенности по части физическихъ и механическихъ приборовъ, но, по моему мнѣнію, замѣчаетъ Стойковичъ, удобнѣе выписать ихъ изъ Петербурга, нежели ждать неопредѣленное время исполненія заказа. Комитетъ постановилъ: такъ какъ приборы немедленно не нужны, то поручить проф. Стойковичу составить ихъ реестръ и выписывать по частямъ; что же касается книгъ, списокъ которыхъ доставленъ визитаторомъ, то тѣ изъ нихъ, которыя имѣются въ университетскомъ складѣ, отправить немедленно въ Одессу и потребовать отъ директора причитающуюся за нихъ сумму, остальные же выписать изъ Москвы вмѣстѣ съ книгами, потребными для другихъ гимназій. V. Въ виду того, что гимназія не можетъ быть открыта равнѣе какъ черезъ годъ вслѣдствіе недостатка учениковъ, желательно было бы открыть теперь по крайней мѣрѣ уѣздное и приготовительное училище, въ которыхъ могли бы учиться и приготовляться къ поступленію въ гимназію дѣти всякаго званія и состоянія; для большаго же удобства слѣдовало бы ввести въ уѣздное училище преподаваніе языковъ. Комитетъ вполне согласился съ предложеніемъ проф. Стойковича, тѣмъ болѣе, что таково же было мнѣніе и попечителя, и министра. VI. Что касается учителей, то, писалъ Стойковичъ, представляю списокъ ихъ наличнаго состава: Ферри и Гильяръ были уже приняты Дюкомъ-де-Ришелье до моего пріѣзда въ Одессу, протоіерея Куницкаго, священника Воронича и итальянца Мартина Георгія назначили мы съ директоромъ; грекъ Соцци указанъ директоромъ въ день моего отъѣзда изъ Одессы, для преподаванія же кораблестроенія градоначальникъ обѣщалъ перевести изъ Николаева въ Одессу специалиста—чиновника, съ тѣмъ чтобы онъ исполнялъ здѣсь и свою службу, а кромѣ того за добавочное вознагражденіе читалъ бы этотъ предметъ въ гимназій. Всѣ эти учителя, кромѣ Воронича, предназначаются собственно для гимназій, но первый годъ будутъ преподавать въ уѣздномъ училищѣ, а на 2-й со 2-го класса уѣзднаго училища перейдутъ въ 1-й классъ гимназій и будутъ обучать только тамъ, если имъ не поручать еще и преподаваніе языковъ въ уѣздномъ училищѣ, что я, прибавляетъ отъ себя Стойковичъ, нахожу полезнымъ для всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ округѣ. Такимъ образомъ, въ 1-й годъ въ приходскомъ училищѣ будетъ читать Вороничъ, въ уѣздномъ—Куницкій и Ферри; во 2-й годъ Вороничъ займетъ мѣсто Куницкаго; слѣдовательно, придется прискаты кого либо на его мѣсто въ приход-

ское училище и на мѣсто Ферри въ уѣздное. Въ гимназіи будутъ слѣдующіе учителя: прот. Куницкій (по русской словесности и если угодно университету по латинскому языку), ему же нужно поручить и Законъ Божій и даже ввести этотъ предметъ въ программу Одесской гимназіи; бывшій учитель Слободско-Украинскаго главнаго народнаго училища Элканъ (по исторіи, статистической и коммерческой географіи и исторіи коммерціи); онъ можетъ благотворно вліять на своихъ единовѣрцевъ (евреевъ?), нравы которыхъ весьма испорчены, и даже современемъ завести еврейскій пансіонъ и тѣмъ сблизить евреевъ съ гимназіей; Ферри (по математикѣ и физикѣ); Соцци (по греческому языку); Георги (по итальянскому языку;—ему же можно поручить и преподаваніе бухгалтеріи); Гальяръ (по французскому языку, а такъ какъ онъ не имѣетъ познаній въ высшей французской литературѣ, то ее будетъ преподавать Ферри); учитель кораблестроенія имѣется; нѣмецкій языкъ временно можетъ преподавать за дополнительное жалованье Элканъ; учителя плаванія и гимнастики можно найти въ Одессѣ; учителя коммерціи нужно выписать изъ Вѣны или Берлина изъ тамошнихъ коммерческихъ училищъ; учителей философій и рисованія нужно пріискать. По этому пункту комитетъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія: протоіерею Куницкому поручить преподаваніе русской словесности и латинскаго языка, съ тѣмъ, что когда откроются всѣ классы гимназіи и у него окажется много часовъ, то ему оставить тотъ предметъ, къ которому онъ окажется наиболѣе пригоднымъ; до открытія же гимназіи онъ долженъ преподавать въ уѣздномъ училищѣ; Элкана утвердить преподавателемъ указанныхъ выше предметовъ и отправить немедленно въ Одессу, съ тѣмъ чтобы онъ временно преподавалъ нѣмецкій языкъ въ уѣздномъ училищѣ; утвердить въ должности и Ферри и такъ какъ Дюкъ-де-Ришелье назначилъ ему жалованья 1000 р., то опредѣлить ему изъ штатныхъ суммъ 550 р., а остальное предоставить благорасположенію его сіятельства; до открытія гимназіи преподавать ему въ уѣздномъ училищѣ; утвердить и грека Соцци, но назначить ему не 500, а 250 руб. жалованья, потому что полная сумма 500 р. по штату полагается и для греческаго, и для итальянскаго языковъ; также поступить и съ Георги; утвердить Гильера; возложить на Элкана преподаваніе нѣмецкаго языка съ прибавкою за это жалованья; учителя кораблестроенія комитетъ признаетъ весьма полезнымъ, также какъ и учителя рисованія; на послѣднюю должность опредѣленъ уже Кочневъ съ жалованьемъ въ 300 руб. изъ сверхштатныхъ суммъ; учителя плаванія и гимнастики опредѣлить директору по сношенію съ комитетомъ; священника Воронича утвердить; учителямъ языковъ градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье можетъ

сдѣлать нѣкоторую прибавку къ жалованью изъ сверхштатныхъ суммъ. VII. Чтобы вывести заключеніе, продолжаетъ далѣе свой отчетъ проф. Стойковичъ, о расположеніи жителей Одессы къ учебнымъ заведеніямъ, недостаточно было моего пребыванія тамъ въ теченіе семи дней; но если начальство города и впредь останется столь же расположено къ училищамъ, какъ нынѣшній градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье, то нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ находиться въ самомъ лучшемъ состояніи, слѣдовательно, самъ комитетъ съумѣетъ опредѣлить, какіе еще предметы должны преподаваться въ Одесской гимназій. Комитетъ поручилъ Стойковичу свѣстись съ директоромъ по поводу постановленій, выраженныхъ въ V и VI пунктахъ, ибо тогда самъ собою разрѣшится VII пунктъ. Таковы были замѣчанія Стойковича объ Одесской коммерческой гимназій и рѣшенія по нимъ училищнаго комитета.

О возможности устройства училищъ въ другихъ мѣстахъ Херсонской губерніи визитаторъ сдѣлалъ слѣдующія заявленія. По его мнѣнію, полезнѣе было бы учредить гимназію въ Елисаветградѣ или Николаевѣ, какъ болѣе центральныхъ пунктахъ губерніи, а не въ Херсонѣ, находящемся на границѣ ея. Болѣе всего чувствовали нужду въ училищѣ жители города Елисаветграда; онъ говорилъ на эту тему съ городничимъ, который изъявилъ желаніе дѣйствовать въ этомъ направленіи, если получить разрѣшеніе отъ Херсонскаго военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье, которое имъ, Стойковичемъ, ему и было доставлено.

Вообще положеніе средняго и низшаго народнаго образованія въ Херсонской и Таврической губ. было очень печальное. Въ предѣлахъ этихъ двухъ губерній, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ тамошними губернаторами, оказалось изъ казенныхъ учебныхъ заведеній только одно малое народное училище въ Симферополѣ, да нѣсколько частныхъ пансіоновъ, а именно — въ Симферополѣ француза Сивокта, въ Херсонѣ француза Бетеры, два въ Елисаветградѣ — одинъ, содержимый отставнымъ корнетомъ Клареномъ, а другой — отставнымъ вахмистромъ Леоновымъ — и одинъ въ Дубоссарахъ, содержимый тамошнимъ обществомъ. Къ довершенію бѣдъ ни въ одной изъ этихъ губерній не было директора училищъ и, слѣдовательно, университетъ не имѣлъ на мѣстѣ чело-вѣка, который могъ бы подвинуть впередъ дѣло просвѣщенія. Въ виду этого училищный комитетъ возбудилъ ходатайство передъ попечителемъ о назначеніи въ эти губерніи по крайней мѣрѣ одного директора, но оно не было еще разрѣшено въ 1805 году.

Гораздо лучше дѣло народнаго образованія стояло въ области Войска Донскаго. Еще Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 апрѣля 1804 года разрѣшено было войсковой канцеляріи принять на себя содержаніе

будущей гимназіи и всѣхъ уѣздныхъ училищъ; объ этомъ ходатайствоваль войсковой атаманъ Платовъ. Въ Черкасскѣ существовало главное народное училище, которое училищный комитетъ рѣшилъ преобразовать въ гимназію. Отъ директора училищъ затребованы были всѣ необходимыя свѣдѣнія и онъ донесъ, что помѣщеніе главнаго народнаго училища на первыхъ порахъ будетъ достаточно для гимназіи, уѣзднаго и двухъ приходскихъ училищъ, такъ какъ нельзя разсчитывать, чтобы много учениковъ поступило въ 1-й и 2-й классы гимназіи, и что гимназію можно будетъ открыть 16 апрѣля текущаго 1805 года. Обсудивъ это донесеніе, комитетъ счелъ необходимымъ предварительно послать туда своего визитатора, каковымъ былъ избранъ проф. Тимковскій, выѣхавшій изъ Харькова 6-го мая. Ему дана была инструкція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ. 1) Отправиться ему въ Черкасскъ обозрѣть тамошнее главное народное училище и доложить комитету обо всемъ, что нужно сдѣлать для превращенія его въ гимназію съ уѣзднымъ училищемъ; обозрѣть малыя народныя училища по станицамъ, а буде позволитъ время, то и Воронежское главное народное училище; на пути изъ Харькова въ Черкасскъ осмотрѣть Изюмское училище и портовый городъ Таганрогъ, гдѣ предполагается учредить уѣздное училище. 2) Обратитъ вниманіе на занятія населенія, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было принаровить и самую программу училищъ. 3) Сноситься съ мѣстнымъ начальствомъ и требовать его содѣйствія въ необходимыхъ случаяхъ.

Тимковскій сдѣлалъ подробное донесеніе о состояніи Черкасскаго училища, и оно было рассмотрѣно училищнымъ комитетомъ. Гимназія съ уѣзднымъ училищемъ была торжественно открыта въ присутствіи визитатора 11 іюня 1805 г.¹⁾ Учителями въ гимназію были назначены изъ прежнихъ преподавателей главнаго народнаго училища—Божковскій (по физикѣ и математикѣ), прот. Оридовскій (по философіи и словесности), Пав. Яновскій (по латинскому языку), (бывшій здѣсь учителемъ исторіи Золотаревъ по слабости познаній уволился отъ должности); изъ новыхъ—Арнольди (по нѣмецкому языку), отставной мичманъ Гавикъ (по французскому языку); преподаваніе исторіи временно поручено Гавику и Яновскому; въ уѣздное училище учителями были назначены хорунжій Иванъ Греченовскій съ жалованьемъ въ 250 р. да за рисованіе 75 р. и Ан. Денисовъ съ жалованьемъ въ 150 р. да за Законъ Божій 75 руб.; въ приходское училище (собственно низшее отдѣленіе уѣзднаго) — Савченковъ; въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ былъ и штат-

¹⁾ Описаніе церемоніала открытія напечатано въ Сѣв. Вѣст. 1805 г., августъ.

ный учитель рисованія Копыловъ. Всѣ учителя имѣли казенныя квартиры и получали прибавочное вознагражденіе на дрова и свѣчи (отъ 50 до 80 руб.).

Хотя комитету и извѣстно было, что содержаніе училищъ приняла на себя войсковая канцелярія, но Тимковскому поручено было точнѣе оформить это постановленіе—и онъ выполнѣ достигъ цѣли: канцелярія прислала въ университетъ официальную бумагу, въ которой завила, что беретъ на себя расходы по содержанію и снабженію всѣмъ нужнымъ гимназіи и уѣзднаго училища, не ограничивая себя суммой, назначенной по штату на подобныя учебныя заведенія, и никогда не будетъ ссылаться на недостатокъ средствъ въ случаяхъ дѣйствительной потребности тѣхъ или иныхъ расходовъ. Тогда же она асигновала на нужды гимназіи 3800 р. Гимназическая бібліотека пополнилась 28 книгами, а физическій кабинетъ—моделью вѣтряной мельницы, сдѣланной ученикомъ. При гимназіи было два ученика, приготавливавшихся на должность учителей приходскихъ училищъ. 28 октября гимназію и уѣздное училище посѣтилъ войсковой атаманъ, причемъ въ честь его говорились рѣчи, и онъ выразилъ удовольствіе по поводу успѣховъ учениковъ. Для помѣщенія гимназіи (и присутственныхъ мѣстъ) въ Новочеркасскѣ войсковое управленіе предполагало выстроить на свои средства огромный каменный домъ стоимостью до 120000 р.; планъ его былъ представленъ Тимковскимъ комитету.

Директоръ не осматривалъ двухъ малыхъ народныхъ училищъ—Устьмедвѣдичкаго и Донскаго—но за то ихъ посѣтилъ визитаторъ Тимковский и сообщилъ, что дома, занимаемые ими, хороши и будутъ достаточны даже для помѣщенія въ нихъ уѣздныхъ училищъ, за исключеніемъ того, что во 2-мъ не будетъ квартиръ учителямъ; смотритель 1-го изъ нихъ подполковникъ Ермолаевъ имѣлъ, по словамъ Тимковского, хорошія свѣдѣнія и былъ рачителенъ къ его пользѣ; смотритель 2-го полковникъ Денисовъ, будучи главнымъ начальникомъ въ этомъ мѣстѣ, своимъ высокимъ положеніемъ поднималъ и значеніе училища; учителя 1-го класса могли быть преподавателями приходскаго, а 2-го класса по нуждѣ и уѣзднаго училища. По сообщенію Тимковского, войсковая канцелярія хотѣла открыть еще 4 уѣздныя училища—въ Устьмедвѣдичкой, второй довской, въ довецкой и хонерской ставицахъ. Для развитія образованія она постановила не требовать въ военную службу учащихся въ школахъ, хотя бы они и достигли совершеннолѣтія, а услѣдующихъ въ наукахъ велѣла производить въ урядники (унтеръ-офицеры). Кромѣ того выяснилось, что дѣти довскаго духовенства могли безирепинтственно безъ особаго разрѣшенія святѣйшаго синода и уволь-

непня изъ духовнаго звачія, поступать во всѣ школы, подвѣдомственные университету.

Наконецъ, въ пользу сочувствія общества на Дону къ дѣлу образованія свидѣлствуетъ фактъ пожертвованія отдѣльныхъ лицъ на устройство приходскихъ школъ. Проживавшіе въ Усть-Оксайской станицѣ козаки Шрамковъ и купецъ Студеникинъ изъявили желаніе внести въ теченіе 5 лѣтъ по 500 р. на содержаніе приходскаго училища. Директоръ представилъ въ попечители его жертвователя Шрамкова и мѣстнаго священника Пашутина, а въ учителя—бывшаго ученика главнаго народнаго Черкаскаго училища казачьяго сына Изюмова. Въ Михайловской станицѣ генераль-майоръ Курнаковъ согласился взять на себя содержаніе такого же училища и учителя, но за неотысканіемъ послѣдняго въ 1805 г. оно открыто не было.

Таковы были мѣры, принятыя училищнымъ комитетомъ въ первый годъ его существованія. Въ такомъ же духѣ и направленіи продолжалась его дѣятельность и въ послѣдующіе годы. Мы стѣснены рамками своего труда, пишемъ не исторію средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, а желаемъ только дать общее понятіе читателю о роли университета въ этомъ дѣлѣ—и потому должны ограничиться по недостатку мѣста представленнымъ здѣсь въ видѣ примѣра обзоромъ дѣятельности училищнаго комитета за одинъ годъ его существованія (хотя въ нашемъ распоряженіи есть столь же обширный матеріалъ и за остальные годы).

Дѣятельность эта, какъ видимъ, была очень разнообразна и исполнѣе соотвѣтствовала тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены были на комитетъ университетскимъ уставомъ 1084 года. Прежде всего комитетъ, какъ и слѣдовало, озаботился приведеніемъ въ извѣстность школьнаго наслѣдія, оставленнаго ему предъидущимъ періодомъ до университетской жизни. Для этого онъ употреблялъ двоякаго рода средства — собиралъ по извѣстной программѣ свѣдѣнія отъ директоровъ, непосредственно заведывавшихъ училищнымъ дѣломъ отдѣльныхъ губерній, и посылалъ визитаторовъ профессоровъ для изслѣдованія школьнаго дѣла на мѣстѣ. Каждый изъ этихъ способовъ, взятый въ отдѣльности, имѣлъ нѣкоторые недостатки: отчеты директоровъ сообщали систематическій рядъ цифръ, но всѣ эти данныя исходили по болѣшей части изъ этихъ же самыхъ училищъ и не давали понятія о такихъ внутреннихъ сторонахъ школьной жизни, какъ, напримѣръ, способность и добросовѣстность учителей и т. п. Отчеты визитаторовъ были особенно цѣнны тѣмъ, что давали безпристрастную картину состоянія школъ, съ указаніемъ ихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, съ компетентной оцѣнкой какъ учебной

педагогической, такъ и хозяйственной стороны дѣла. Визитаторъ, который могъ и даже долженъ былъ дѣлать свои собственныя наблюденія помимо тѣхъ пунктовъ, которые заключала въ себѣ его инструкція, былъ болѣе свободенъ въ своихъ замѣчаніяхъ и имѣлъ возможность представить болѣе живой, жизненный, такъ сказать, матеріалъ. Впрочемъ и самыя инструкціи, получаемыя визитаторами, были столь широки, что нисколько не стѣснили и не суживали сферы ихъ наблюденій; мы видѣли, что туда входили не только вопросы, непосредственно освѣщавшіе состояніе училищъ, но также и имѣвшіе къ нимъ только косвенное отношеніе; таковъ, на примѣръ, былъ пунктъ о занятіяхъ и промыслахъ жителей; а вопросъ о мѣстныхъ древностяхъ, который мы также встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ, уже въ сущности не имѣлъ никакого отношенія къ задачамъ дѣятельности визитаторовъ, хотя постановка его дѣлаетъ большую честь комитету. Но отчеты визитаторовъ, дававшіе драгоценный матеріалъ для характеристики школьнаго дѣла въ разныхъ губерніяхъ, имѣли одинокъ существенный недостатокъ—они оставляли много пробѣловъ въ общей картинѣ: губерній въ округѣ было много, а визитаторы посылались къ сожалѣнію очень рѣдко, быть можетъ, потому что не всякій чувствовалъ себя способнымъ къ этой миссіи да и самая командировка эта была весьма утомительна и сопряжена при тогдашнихъ путяхъ сообщенія съ большими неудобствами. Кромѣ того, для успѣшнаго исполненія своихъ порученій визитаторы должны были являться на мѣста съ нѣкоторымъ запасомъ готовыхъ уже данныхъ, съ общимъ представленіемъ о положеніи дѣла, для того, чтобы съ пользою распорядиться тѣмъ краткимъ срокомъ, который былъ въ ихъ распоряженіи, не только для собранія на мѣстѣ всѣхъ необходимыхъ данныхъ, но и для провѣрки и оцѣнки этихъ послѣднихъ, для воздѣйствія на мѣстное общество путемъ живаго слова и убѣжденія.

Только изслѣдовавъ состояніе учебнаго дѣла въ округѣ, училищный комитетъ могъ приступить къ *другой своей задачѣ—преобразованію* училищъ Екатерининскаго времени и *открытію новыхъ школъ* по уставу 1804 г. Мы видѣли, съ какими трудностями было сопряжено преобразование главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи: нужно было позаботиться и о соответственныхъ помѣщеніяхъ, и о подборѣ подходящихъ учителей, и объ ассигнованіи штатныхъ суммъ, и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, и о достаточномъ контингентѣ учениковъ—и однако въ первый же годъ дѣятельности комитета они были преобразованы въ четырехъ городахъ: Харьковѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ и Черкасскѣ на Дону. Во всѣхъ этихъ городахъ преобразова-

ніе происходило весьма торжественно и сопровождалось церемоніаломъ, составлявшимся обыкновенно визитаторами, разсматриваемымъ и утвержденнымъ комитетомъ, который, очевидно, стремился такимъ образомъ привлечь вниманіе общества къ новымъ учебнымъ заведеніямъ; и онъ былъ правъ: съ гимназіями нужно было знакомить публику, которая и не знала ихъ, и была часто предубѣждена противъ нихъ. Число учащихся въ гимназіяхъ оказывается меньше, чѣмъ было въ прежнихъ главныхъ народныхъ училищахъ; отъ разночинцевъ онъ нѣсколько удалился, благодаря своей болѣе широкой программѣ, а къ дворянамъ, по своему всесловному характеру, не приблизились—дворянство все таки предпочитало имъ кадетскіе корпуса. Гораздо легче было повидимому преобразовывать малыя народныя училища въ уѣздныя или открывать новыя. Но таковыя были открыты въ 1805 году только при четырехъ гимназіяхъ; въ уѣздныхъ же городахъ они не были ни преобразованы, ни открыты, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы всѣ нужныя для этого приготовленія. Эти приготовительныя мѣры поглотили все вниманіе комитета на первыхъ шагахъ его дѣятельности въ этомъ отношеніи. Приходскія школы кое-гдѣ появились, но дѣло это и не могло двигаться особенно успѣшно, потому что по уставу 1804 г. не были положены штатныя суммы на приходскія училища: онъ должны были содержаться на счетъ городскихъ и крестьянскихъ обществъ или помѣщиковъ.

Видное мѣсто въ дѣятельности училищнаго комитета занимаетъ забота о матеріальной обеспеченности находившихся въ его вѣдѣніи школъ. Первостепенное значеніе имѣла фактическая ассигновка штатныхъ суммъ на училища той или иной губерніи—и училищному комитету, какъ мы видѣли, удавалось добиваться, гдѣ требовалось, этой ассигновки. Постояннымъ препятствіемъ для быстрого расширенія школьной сѣти служилъ недостатокъ училищныхъ домовъ—и комитетъ обращалъ всегда серьезное вниманіе на этотъ предметъ—привлекалъ къ постройкѣ, пожертвованію или найму подходящихъ помѣщеній какъ учрежденія, такъ и отдѣльныхъ лицъ—строительную экспедицію, приказы общественнаго призрѣнія, дворянскія, городскія и крестьянскія общества, помѣщиковъ, учителей и т. д. Обращеніе правительства къ обществу за матеріальнымъ содѣйствіемъ дѣлу народнаго образованія составляетъ характернѣйшую особенность царствованія Императора Александра I. И этотъ призывъ, какъ извѣстно, не остался втунѣ. Отовсюду посыпались пожертвованія, подъ-часъ щедрыя, подъ-часъ мелкія, но въ общей суммѣ весьма значительныя. Въ числѣ первыхъ слѣдуетъ отмѣтить два крупныя дара — Судіенка на училища въ Малороссіи

(40000 руб.) и братьевъ Безбородко на учрежденіе гимназій высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ (Черниговской губ.): одинъ изъ братьевъ пожертвовалъ 210000 руб., а другой отдалъ землю съ садомъ въ городѣ и обязался вносить ежегодно на содержаніе гимназій по 15000 руб., обезпечивъ этотъ взносъ однимъ изъ своихъ имѣній, въ которомъ было 3000 душъ крестьянъ ¹⁾. Просвѣдительнымъ цѣлямъ правительства начали соревновать отдѣльныя области и губерніи: въ 1803 году взяла на себя содержаніе училищъ Полтавская губернія, въ 1804 г. облатсь Войска Донскаго, Черноморское козачество также рѣшилось выстроить на свой счетъ въ Екатеринодарѣ домъ для училища и отпускать ежегодно на его содержаніе по 1500 руб.; сверхъ того единовременно оно ассигновало 4376 руб., въ число коихъ войсковой атаманъ полк. Бурсакъ внесъ 500 руб., подполк. Чепѣга, Кардовскій и Бурносъ по 200 руб., войск. полковникъ Животовскій, Вербедъ, Гельдишъ и протоіерей Кирилль Россинскій по 100 руб. За это Войско Черноморское получило милостивѣйшій рескриптъ отъ Государя (25 августа 1806 г.) ²⁾. Таганрогская коммерческая гимназія должна была содержаться главнымъ образомъ на городскія доходы (ихъ отпускалось 5250 руб., а отъ казны только 1250 руб. на уѣздное училище) ³⁾. Одесская коммерческая гимназія должна была имѣть весьма крупную сумму сверхштатныхъ доходовъ изъ пожертвованій, собираемыхъ Дюкомъ-де-Ришелье — на счетъ ихъ предполагалось содержать и пансіонъ, и учебновспомогательныя учрежденія, и нѣкоторыхъ учителей. Министерство допускало, какъ мы знаемъ, даже расширеніе учебныхъ программъ въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ могли найтись для этого необходимыя средства. Въ ежегодныхъ отчетахъ училищнаго комитета и въ донесеніяхъ посылавшихся имъ визитаторовъ мы постоянно встрѣчаемъ данныя о пожертвованіяхъ на училища со стороны учреждений и лицъ деньгами, матеріалами для построекъ, книгами, всевозможными учебными пособиями. Съ особою признательностью мы должны здѣсь вспомнить имена указанныхъ нами выше лицъ, принявшихъ на себя устройство и содержаніе приходскихъ школъ, въ родѣ, напримѣръ, семьи извѣстнаго просвѣщеннаго малорусскаго дѣятеля Чепы и др. Въ 1806 г. открылъ приходское училище въ своемъ селеніи Кручикѣ, Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ. В. Н. Каразинъ, обезпечивъ его суммою въ 250 р. ежегодно не только за себя, но и за своихъ будущихъ наслѣдниковъ. „Необходимые предметы училища говоритъ о. Ник. Лащенко, составляли: азбука, часословъ, псалтырь, чте-

¹⁾ Сборн. постанов. по мин. нар. просв., I, стр. 372—376.

²⁾ Ib. стр. 392—393.

³⁾ Ib. стр. 393—394.

ніе гражданской печати и сообщеніе необходимыхъ практическихъ свѣдѣній—красиваго письма, быстрого счета и стройнаго церковнаго пѣнія. Помѣщалось училище хотя въ простой, но отдѣльной и просторной крестьянской избѣ. Каразинъ, будучи самъ широко и глубоко образованъ, сильно интересовался своимъ училищемъ. Оно было любимымъ его дѣтищемъ и на ростъ его онъ возлагалъ большія надежды¹⁾. Прекрасно характеризуетъ его отношеніе къ школѣ слѣдующее письмо, написанное имъ учителю священнику его приходской церкви о. А. Иванову. „Пожалуйста, напишите мнѣ, объ отличающихся ученикахъ, чтобы я могъ отсюда прислать имъ гостинцы и по природному расположенію каждаго имѣнія имѣть о нихъ дальнѣйшее попеченіе. Заохочивайте всѣми образами поселянъ отдавать въ училище дѣтей ихъ. Внушайте имъ простымъ *ихъ языкомъ* и соотвѣтственно ихъ понятію и чувству, что намѣреніе какъ высшаго правительства въ большемъ и обширномъ кругу, такъ и мое въ маломъ семъ есть не то, чтобы отвлекать дѣтей отъ земледѣлія, но чтобы къ сему же самому быть открытъ разумъ ихъ, чтобы сдѣлать ихъ благонравнѣе и прилежниѣ къ своему долгу, чтобы чрезъ наученіе книгамъ дать имъ способы и праздное время отдохновенія отъ трудовъ проводить съ пользою и пріятностію вмѣсто безчувственнаго пьянства. Когда Богъ дастъ мнѣ возвратиться восвояси, то и самъ я примусь за дѣло во ввѣренномъ вамъ училищѣ — попытаюсь давать старшимъ изъ нихъ маленькія наставленія въ томъ, что принадлежитъ къ ихъ состоянію и роду жизни. Назначу для этого какой-нибудь день въ недѣлю. Батюшка! Я васъ усердно прошу (объ этомъ) святою вашею должностію. Всевышній сторицею вознаградитъ васъ. Представьте себѣ, какія радости изготовите вы духу вашему въ старости. Воспитанники ваши будутъ *люди*! Истинное христіанское просвѣщеніе водворится въ маломъ селеніи нашемъ: „се ми, Господи, и чада наши, ихъ же намъ далъ еси“, можемъ мы съ вами тогда сказать. Объ обязанностяхъ помѣщика и священника въ селѣ я имѣю высокое понятіе: это не родъ лишь жизни, не способъ лишь одинъ, данный къ пріобрѣтенію и насыщенію: это званіе, врученное Всевышнимъ, чтобы руководствовать къ добродѣтели и блаженству людей, доставшихся намъ въ удѣлъ. Ихъ *судьба*, такъ сказать, намъ ввѣрена, и горе намъ, если мы не въ состояніи будемъ дать въ ней отчета“¹⁾. Отсюда видно, что и приходское училище В. Н. Каразина, какъ и все, что онъ ни устраивалъ, носило на себѣ яркую печать индивидуальности своего творца. Василий Назарьевичъ не только хорошо обезпечилъ въ матеріальномъ

¹⁾ О. Ник. Лашенка. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика (Харьк. Сборн., вып. 1-й, стр. 62—63).

отношеніи свое училище при жизни, но и поставилъ въ обязанность своимъ наслѣдникамъ продолжать эти заботы. Но этими матеріальными жертвами дѣло не ограничивалось—онъ самъ руководилъ созданной имъ школой: самъ выбралъ для нея учителя—приходскаго священника сел. Кручика о. А. Иванова, самъ поставилъ цѣли и задачи, которыя тотъ долженъ былъ преслѣдовать въ своей педагогической дѣятельности, самъ сочинилъ въ пособіе учителю два катехизиса для своей школы—религіозный и гражданскій — и даже самъ собирався прочесть (а можетъ быть, и читать) курсъ старшимъ ученикамъ. Любопытно, что онъ ставилъ своей школѣ не столько утилитарныя, сколько общія нравственно-образовательныя цѣли—хотѣлъ, чтобы она превращала крѣпостныхъ крестьянъ въ *людей*. Заслуживаетъ вниманіе и то, что, по его мысли, школа не должна была отрывать ихъ отъ земледѣлія. Но въ тоже самое время окончившіе его приходскую школу могли переходить въ уѣздное училище; а если бы и тамъ кто либо изъ учениковъ—его крестьянъ—обнаружилъ выдающіяся способности, то ему давалась отпущная, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ внесъ за себя впослѣдствіи выкупъ. Изъ одного письма къ В. Н. Каразину видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ городѣ Гофвилѣ Эм. Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчишекъ, по всей вѣроятности, лучшихъ воспитанниковъ кручанской школы ¹⁾. Онъ повидимому сознавалъ, что сельская школа должна была быть народною не по одному только своему названію, а по духу и по близости къ народной средѣ. И у него, кажется, явилась даже мысль возстановить для этого старую школу народнаго и церковно-приходскаго типа или точнѣе приблизить къ ней строго официальную приходскую школу устава 1804 г. Это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ. Во-1-хъ, онъ возстановилъ у себя въ Кручикѣ старый малороссійскій обычай—договоръ священника съ прихожанами: за требы священникъ не долженъ былъ брать никакой платы, а получалъ определенное жалованье отъ помѣщика и крестьянъ; безвозмездно онъ долженъ былъ обучать учениковъ въ приходской школѣ предметамъ и потному нѣнію. Во-2-хъ, въ программу его школы вошли предметы, пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ въ старинныхъ народныхъ малороссійскихъ школахъ—часословъ, псалтырь, церковное нѣніе. Въ-3-хъ, преподаваніе или по крайней мѣрѣ объясненіе уроковъ, какъ это мы видимъ изъ письма В. Н. Каразина къ о. А. Иванову, велось на родномъ

¹⁾ См. мою брошюру „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. Харьк. 1893, стр. 16, 29.

для населенія, т. е. малорусскомъ языкѣ. Наконецъ, въ 4-хъ, школа проникнута была тѣмъ христіанско-нравственнымъ духомъ, который господствовалъ и въ прежнихъ народныхъ церковно-приходскихъ училищахъ и который вполне соответствовалъ новому устройству церковнаго прихода въ сел. Кручикѣ. В. Н. Каразинъ хотѣлъ пробудить общественную самостоятельность среди своихъ поселенцевъ и съ этою цѣлью учредилъ такъ называемую сельскую думу, которая должна была рѣшать различныя дѣла (хозяйственныя, судебныя, церковныя) ¹⁾ и въ составъ которой входилъ между прочимъ и священникъ. Такъ передовой эмансипаторъ пришелъ въ дѣлѣ народнаго образованія почти къ тому же, что выработано было самимъ народомъ въ то время, когда онъ долженъ былъ отстаивать свою національную самостоятельность и оригинальность. Условия личной жизни В. Н. Каразина однако сложились такъ неблагоприятно, что всѣ учрежденія, заведенныя имъ въ Кручикѣ на благо мѣстныхъ поселенцевъ, прекратили свое существованіе. Но характерно все таки то, что лица, участвовавшія въ нихъ, искренно сожалѣли объ уничтоженіи этихъ учрежденій, огорчались возвращеніемъ къ дореформеннымъ, аристократическимъ, по ихъ словамъ, порядкамъ и благословляли память своего благодѣтеля В. Н. Каразина ²⁾. Нельзя не пожалѣть, слѣдовательно, о томъ, что примѣръ В. Н. Каразина не нашелъ достаточнаго числа подражателей и продолжателей, ибо въ такомъ случаѣ низшее народное образованіе въ Харьковскомъ учебномъ округѣ двигалось бы несравненно усиленнѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Для того, чтобы достойно оцѣнить благородныя попытки такихъ лицъ, какъ В. Н. Каразинъ, Чена и др., стоитъ только обратить вниманіе на то, что немногіе тогда признавали пользу и необходимость грамоты для крестьянина, а въ особенности крѣпостнаго.

Еще ближе къ сердцу могъ принимать училищный комитетъ *учебную сторону* дѣла—въ этихъ вопросахъ онъ былъ компетентнѣе, чѣмъ въ чисто-финансовыхъ и хозяйственныхъ. Въ наше время не приходится особенно заботиться о пополненіи школъ учительскимъ персоналомъ; нѣкоторые находятъ даже, что мы страдаемъ перепроизводствомъ въ этомъ отношеніи; совсѣмъ иное дѣло было въ старину—учителей было недостаточно и набирать ихъ нужно было отовсюду. Особенно затруднительно было положеніе гимназій; это были учебныя заведенія съ болѣе

¹⁾ Она выбирала между прочимъ и церковно-служителей.

²⁾ См. о. Ник. Лашенка. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика (Харьк. Сборн., вып. 1-й, стр. 58—59), а также мою брошюру „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“, стр. 16—17.

широкой программой, чѣмъ прежнія главныя народныя училища, и потому учителя этихъ послѣднихъ оказывались для нихъ далеко не всегда удовлетворительными послѣ проверки ихъ знаній визитаторами, пославшимися училищнымъ комитетомъ. Учителей для Харьковскаго учебнаго округа съ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ долженъ былъ дать Харьковскій университетъ, но онъ сталъ выпускать кандидатовъ только съ 1808 года. Впрочемъ и многіе изъ неокончившихъ въ немъ курса ученія поступали въ учителя (преимущественно уѣздныхъ училищъ); съ 1806 г. по 1815 г., изъ учившихся въ университетѣ определено учителями 97 челов. ¹⁾ Но еще важнѣе было то, что въ качественномъ отношеніи эти питомцы университета стояли очень высоко. Въ Курской гимназій учителями были бывшіе воспитанники Харьковскаго университета—Пузановъ, Василевскій и Рудневъ — и вотъ какъ отзывался о нихъ визитаторъ проф. Дегуровъ: „они прославили гимназію, особенно же первый изъ нихъ. Порядочное ихъ поведеніе, усердіе ихъ въ преподаваніи предметовъ и просвѣщеніе, которое въ нихъ видать, приобрѣли имъ общее уваженіе. Мнѣ весьма пріятно извѣстить университетъ, что и въ другихъ городахъ, гдѣ я нашелъ учителей, изъ университета выпущенныхъ, они равномѣрно успѣли приобрести къ себѣ личное уваженіе“. Въ засѣданіи совѣта 1-го ноября 1811 г. Стойковичъ предлагалъ пригласить Пузанова на мѣсто лектора въ университетъ ²⁾. Нѣкоторые изъ нихъ достигли потомъ профессуры. Особенно полезенъ оказался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ — университетъ могъ безпрепятственно посылать ихъ въ училища, гдѣ чувствовался недостатокъ въ тѣхъ или иныхъ преподавателяхъ; даже и тѣ казеннокоштные питомцы, которые не оказывали должныхъ успѣховъ въ наукахъ, не выбрасывались за бортъ, а опредѣлялись преподавателями въ уѣздныя училища и, слѣдовательно, приносили большую пользу обществу. Кромѣ Харьковскаго университета, довольно значительное число учителей доставилъ Петербургскій учебный округъ, бывшій разсадникомъ педагогическаго персонала—тамъ была еще въ Екатерининское время учительская гимназія, изъ которой вышло нѣсколько учителей Харьковскаго округа; нѣкоторые изъ нихъ раньше обучались въ семинаріяхъ; семинаріи же вообще дали не мало лицъ для педагогической дѣятельности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; люди, прошедшіе военную школу, также подъчасъ бывали учителями. Университетъ, по уставу, имѣлъ педаго-

¹⁾ Н. А. Лавровскаго. Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета (Ж. М. Н. Просв. 1869 г., ч. CXV, стр. 240), кажется, впрочемъ, что эта цифра ниже дѣйствительной.

²⁾ Ж. М. Н. Просв. 1869 г., ч. CXLV, стр. 250.

гическій институтъ и содержалъ на своемъ иждивеніи особыхъ кандидатовъ на учительскія должности. При главныхъ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ также были подобные кандидаты, спеціально подготовившіеся къ педагогической дѣятельности. Бывшіе питомцы Черниговскаго главнаго народнаго училища, крѣпостные крестьяне помѣщика Чены, были впоследствии, какъ мы видѣли, учителями основаннаго имъ приходскаго училища. Но всего этого оказывалось недостаточно по крайней мѣрѣ въ началѣ и попечитель округа, чувствовавшій вообще нѣкоторую слабость къ педагогамъ иностранцамъ, рѣшилъ выписать, какъ мы видѣли, нѣсколько человѣкъ ихъ изъ заграницы. Однако, хотя всѣмъ имъ отосланы были деньги на путевые расходы, явились въ Россію не всѣ вызванные, а только четверо изъ девяти—Дудровичъ, Павловичъ, Билевичъ, Лазичъ, да и положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые не знали русскаго языка,—а немного понимали по русски и могли скоро научиться этому языку только одни славяне,—было затруднительно. Съ другой стороны не было гдѣ взять учителей въ новыя приходскія училища во-1-хъ, потому что ихъ служба очень скудно вознаграждалась, а во-2-хъ, и потому еще, что она не считалась государственной. Выходъ изъ столь затруднительнаго положенія былъ впрочемъ найденъ—рѣшено было назначать преподавателями въ приходскія школы священно и церковнослужителей, уже состоявшихъ на службѣ по духовному вѣдомству и получавшихъ содержаніе за исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей—они — и только они одни—за добавочное вознагражденіе могли охотно взять на себя эту новую должность; и эта мѣра въ качествѣ общей для всей Россіи была утверждена свѣтѣйшимъ правительствующимъ синодомъ 31 января 1805 г. ¹⁾ Нельзи не отмѣтить здѣсь одной частной мѣры, принятой училищнымъ комитетомъ въ интересахъ всего учительскаго персонала—это его хлопотъ объ освобожденіи домоу учителей отъ воинскихъ постоевъ; въ 1809 г. мѣра эта получила общее утвержденіе въ отношеніи директоровъ, учителей гимназій, смотрителей и учителей уѣздныхъ училищ ²⁾. Но несравненно болѣе важное значеніе имѣла другая мѣра, которую постепенно проводилъ въ жизнь училищный комитетъ Харьковского университета—это именно замѣна почетныхъ смотрителей изъ купческаго званія, служившихъ безъ жалованья, дѣйствительными смотрителями педагогами со штатнымъ содержаніемъ. Она должна была, въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ, благотѣльно отразиться на ходѣ учебнаго дѣла, хотя съ другой стороны отдаляла этимъ школу отъ мѣстнаго общества, въ лицѣ его выборныхъ смотрителей, имѣвшихъ по уставу значительное

¹⁾ Сборн. постановл. по Мин. Нар. Просв. I, стр. 353—357.

²⁾ Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. I, стр. 487.

вліяніе не только на хозяйственную, но даже на административную сторону дѣла. Теперь уѣздныя училища дѣлались строго официальными школами безъ всякаго вліянія на нихъ общества, а между тѣмъ отъ послѣдняго они получали все-таки кое-какое матеріальное содѣйствіе. Но отчеты визитаторовъ и директоровъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ массѣ зрителей изъ купцовъ не соответствовали своему назначенію: они были слишкомъ заняты своими торговыми дѣлами, очень часто отлучались изъ города, мало интересовались школами и не были достаточно образованы, чтобы почувствовать живой интересъ къ учебному дѣлу; исключенія, конечно, бывали; эту должность подъ часъ занимали столь образованные люди, что визитаторы предлагали ихъ дѣлать штатными зрителями съ жалованьемъ, но большинство зрителей изъ торговаго класса, повторяемъ, были неудовлетворительны. Вообще у членовъ училищнаго комитета и его визитаторовъ мы замѣчаемъ не канцелярское, а живое отношеніе къ учительскому персоналу и постановкѣ учебнаго дѣла. Это особенно ясно сказывается въ многочисленныхъ назначеніяхъ на учительскія должности, во всемъ томъ, что касалось *управленія* училищъ. Учителя бывшихъ главныхъ народныхъ училищъ назначались въ гимназіи и уѣздныя училища послѣ предварительныхъ испытаній, произведенныхъ имъ визитаторами; въ учителяхъ чувствовался недостатокъ и потому особенно строгимъ и разборчивымъ училищный комитетъ быть не могъ; но преподавателямъ, обнаружившимъ недостаточныя свѣдѣнія, рекомендовалась дальнѣйшая самостоятельная подготовка для пополненія пробѣловъ ихъ знанія или занятія подъ руководствомъ опытныхъ учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ, для чего они должны были посѣщать ихъ уроки; къ увольненію отъ должности прибѣгали сравнительно рѣдко. Забота объ управленіи училищъ главнымъ образомъ выражалась въ пополненіи и измѣненіи личнаго состава директоровъ, зрителей и учителей. Она поглощала у комитета массу времени и доставляла ему при этомъ не мало хлопотъ, безпокойствъ, а подъчасъ и огорченій. Учителя рѣдко ссорились другъ съ другомъ; происходили столкновенія на служебной и личной почвѣ между ними и училищнымъ начальствомъ. Ссоры и столкновенія эти приходилось разбирать и посылать верѣдко для этого особыхъ визитаторовъ. Весьма часто приходилось также разбирать проступки учащихся и учащихся. Одно такое дѣло—ссора курскихъ педагоговъ—имѣло для самого университета, какъ мы видѣли ¹⁾, очень непріятныя послѣдствія—совѣту сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ, но едва ли

¹⁾ См. 292—296 стр. настоящаго труда; оно подробно рассказано Н. А. Лавровскимъ.

онъ заслуживалъ дѣйствительнаго порицанія въ этомъ случаѣ; онъ дѣйствовалъ тутъ совершенно bona fide, на строго законной и общественной почвѣ; никто изъ его членовъ, за исключеніемъ ректора Стойковича, не руководился тутъ никакими личными мотивами; если бы даже у насъ была увѣренность, что приговоръ университета былъ не совсѣмъ правиленъ, то и тогда бы слѣдовало объяснить эту ошибку запутанностью самого дѣла, трудностью разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній и искусной интриги нѣкоторыхъ изъ его участниковъ. Желая добиться истины, училищный комитетъ посылалъ нѣсколько разъ особыхъ ревизоровъ для изслѣдованія этого запутаннаго дѣла на мѣстѣ, но и донесенія ревизоровъ расходились другъ съ другомъ. Комитетъ явно тяготился ссорой учителей съ ихъ директоромъ Любарскимъ и смотрителемъ Кондратьевымъ и это высказалъ въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи этой распри. „Такъ какъ Дюгуръ, читаемъ мы въ его постановленіи, уже сдѣлалъ Шолкову (учителю уѣзднаго училища, выступавшему противъ смотрителя Кондратьева) выговоръ, то признать его достаточно наказаннымъ, оставить дѣло безъ дальнѣйшаго изысканія и тѣмъ окончить всѣ нерѣшенныя о немъ дѣла, а директору и смотрителю внушить о недостойномъ ихъ обращеніи съ учителями, подающемъ поводъ къ заведенію весьма непріятныхъ для университета дѣлъ, тѣмъ болѣе, что разбирательство ихъ, не принадлежа къ числу существенныхъ занятій комитета, не мало бываетъ для него обременительно“.

„Въ настоящее время трудно и едва ли возможно, говоритъ Н. А. Лавровскій, съ точностію указать всѣхъ правыхъ и виноватыхъ въ этомъ дѣлѣ; можно съ достовѣрностію утверждать только, что со стороны Курскаго директора училищъ, и со стороны тамошнихъ учителей раздраженіе доходило до крайней степени, при которой невозможно было соблюденіе строгой законности и справедливости. Можно утверждать еще, что директоръ Любарскій и смотритель Кондратьевъ принадлежали къ числу тѣхъ начальниковъ, которые смотрѣли на подвѣдомыхъ имъ чиновниковъ, какъ на людей, находящихся въ полномъ и безусловномъ ихъ распоряженіи, и которые хорошо описаны въ отчетѣ Дюгура, а учителя Шолковъ и особенно первые питомцы Харьковскаго университета Пузановъ и Рудневъ, а также сербъ Паратичъ далеко не раздѣляли этого взгляда на подчиненіе и обнаруживали явное, хотя и предосудительное въ глазахъ начальства, стремленіе къ самостоятельности мнѣній и дѣйствій“ ¹⁾. Ректоръ Стойковичъ, бывшій предсѣдателемъ училищнаго комитета, еще болѣе усложнял дѣло привнесеніемъ въ него лич-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1869, ч. CXLV, стр. 259—260.

ныхъ, быть можетъ, даже своекорыстныхъ побужденій—онъ оказывалъ явное покровительство Любарскому и входилъ съ нимъ въ сдѣлки помимо комитета; въ результатѣ получались взаимно исключавшія другъ друга постановленія комитета и его предсѣдателя. Ревизоръ, посланный министромъ народнаго просвѣщенія для изслѣдованія Курскихъ безпорядковъ (проф. Двигубскій), пришелъ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и училищный комитетъ и совѣтъ; только учителя, какъ виновники ссоръ, были подвергнуты теперь нѣкоторому наказанію—переведены въ другія мѣста; но этотъ переводъ, во 1-хъ, былъ дѣйствительно необходимъ для успокоенія гимназій, а, во 2-хъ, министръ, поклонникъ твердой власти, очевидно, этой мѣрой хотѣлъ поставить на видъ учителямъ, что имъ не слѣдовало такъ рѣзко выступать противъ своего начальника—директора. Еще суровѣе поступило министерство съ учителемъ уѣзднаго училища Шолковымъ—оно совсѣмъ исключило его изъ службы, мотивируя эту мѣру недостаточностью его познаній и строитивностью противъ начальства; но, очевидно, вся сила была во второмъ мотивѣ, потому что Дюгуровъ отозвался о Шолковѣ, какъ объ очень рачительномъ наставникѣ.

Училищный комитетъ, какъ мы видѣли, огорчался, что ему приходится заниматься подобными дѣлами, а между тѣмъ это приходилось ему дѣлать довольно часто; онъ долженъ былъ входить и въ разбирательство „шалостей ученика Маньковского“, и „распутной жизни учителя Ахтырскаго училища Столбъ-Ратинскаго“, и „неспокойнаго права Ахтырскаго учителя Бондарева“, и „самовольной отлучки учителя Лебединскаго училища Галкина“, и „грубостей учителя Панова Сумскому смотрителю Резакову и ученика Артюхова Харьковскому учителю Барзину“, и „законопротивныхъ поступковъ, сдѣланныхъ обывателями слободы Рѣчекъ Халявою и Пугачевымъ въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ“, и „безпорядковъ въ Изюмѣ и Купянскѣ“, и „нерадѣнія помощника учителя Нижне-Сыроватскаго училища діакона Олейникова“, и „вытѣсненія смотрителемъ Изюмскаго училища Золотаревымъ учителя того училища Башинскаго изъ училищнаго флигеля“, и „пьянства учителей“....

Настоящею сферою дѣятельности училищнаго комитета была чисто учебная, педагогическая часть и здѣсь онъ сдѣлалъ очень много. Визитаторамъ Тимковскому и Осиповскому принадлежитъ честь возбужденія очень важнаго вопроса о неудовлетворительности господствовавшихъ тогда методовъ преподаванія. Во всѣхъ школахъ, которыя они посѣтили, царили механическіе методы изложенія предметовъ: ученики заучивали и вопросы, и отвѣты, часто вовсе не понимая прочитаннаго,

ибо все нужно было брать памятью, а не соображеніемъ; такъ преподавались и математическія, и словесныя науки. И Тимковскій, и Осиповскій не ограничились констатированіемъ факта нерациональности метода, а внесли предложеніе въ училищный комитетъ о замѣнѣ его болѣе пѣлесообразнымъ опытнымъ способомъ изложенія предметовъ и даже представили для употребленія въ училищахъ составленные ими учебники, въ которыхъ практически осуществленъ былъ новый методъ преподаванія русскаго языка и математики. Весьма важное значеніе въ учебномъ отношеніи имѣла и другая мѣра училищнаго комитета—устройство при уѣздныхъ училищахъ низшихъ отдѣленій, которыя по программѣ своей вполне соответствовали приходскимъ школамъ; приходскихъ училищъ было очень мало, а между тѣмъ для поступленія въ уѣздныя училища нужно было въ нихъ предварительно прослушать курсъ; домашняя подготовка въ той средѣ, на которую рассчитаны были уѣздныя училища, была очень затруднительна, иногда даже совсѣмъ невозможна. Такимъ образомъ, сама жизнь выдвинула вопросъ о пользѣ соединенія уѣзднаго училища съ приходскимъ, подобно тому какъ гимназіи соединены были съ уѣздными училищами, для того чтобы получать отъ нихъ готовые кадры воспитанниковъ. Снабженіе училищъ книгами и учебными пособіями составляло всегда предметъ особенной заботы училищнаго комитета и для этого, какъ мы видѣли, существовала цѣлая организація—университетъ игралъ и роль книгопродавца, и роль комиссіонера, и роль издателя. Дѣло это было очень хлопотливое и требовало много времени, труда и аккуратности. Но въ немъ опять таки была одна сторона чисто педагогическая—это выборъ книгъ для училищныхъ библіотекъ—и ее, какъ мы знаемъ, также усердно выполнялъ комитетъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь съ чувствомъ глубокой признательности и заботъ комитета объ учащихся—онъ постановилъ даромъ раздавать учебники бѣднѣйшимъ ученикамъ. Пансіоны, содержимые по большей части иностранцами, подпали теперь подъ контроль училищнаго комитета—и это должно было улучшить въ нихъ постановку преподаванія. Комитетъ былъ вполне компетентнымъ учрежденіемъ, чтобы разрѣшать открытіе пансіоновъ и слѣдить за ходомъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ нихъ. Такой контроль надъ ними былъ необходимъ, потому что дѣломъ воспитанія русскаго юношества занимались и такія лица, которыя не имѣли для этого никакой подготовки, а подъ часъ вмѣсто благотворнаго нравственнаго вліянія на своихъ питомцевъ въ конецъ портили ихъ характеръ. Не даромъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ сложился отрицательный взглядъ на дѣятельность этихъ педагоговъ иностранцевъ; не даромъ выступали съ

обличеніями противъ нихъ даже и профессора Харьковскаго университета (вспомнимъ Тимковскаго и Нахимова; такіе же идеи высказывалъ и В. Н. Каразинъ). Роммель сообщаетъ, что и на новыхъ профессоровъ университета, благодаря этому, смотрѣли подозрительно, смѣшивая ихъ съ прежними педагогами-шарлатанами. Кромѣ этихъ пансіоновъ были еще пансіоны иного типа: они содержались директорами или учителями гимназій и въ нихъ не было преподаванія предметовъ, а только повтореніе или репетированіе уроковъ, проходимыхъ пансіонерами въ гимназіяхъ. Училищный комитетъ не препятствовалъ возникновенію пансіоновъ перваго типа, но особенно охотно поощрялъ возникновеніе пансіоновъ втораго вида—квартиръ, содержимыхъ извѣстными ему педагогами, потому что въ нихъ чувствовался особый недостатокъ и благодаря этому помѣщики, проживавшіе въ деревняхъ, не охотно отдавали своихъ сыновей въ гимназіи.

Изъ представленныхъ выше данныхъ видно, что въ 1805 году болѣе усиленно насаждалось среднее и низшее народное образованіе въ Слободско-Украинской, Черниговской, Екатеринославской губ. и области Войска Донскаго; но въ слѣдующіе годы училищный комитетъ обратилъ большее вниманіе на другія мѣстности и въ концѣ концовъ можно сказать, что дѣло устройства школъ двигалось впередъ во всемъ округѣ, хотя и не съ одинаковой быстротой и успѣхомъ. Этотъ послѣдній уяснится намъ, когда мы представимъ статистическія свѣдѣнія о ходѣ училищнаго дѣла въ 1-й и 9-й годы существованія комитета. Теперь же пользуясь данными, относящимися къ училищному комитету за послѣдующіе девять лѣтъ его существованія, мы извлечемъ оттуда еще нѣсколько новыхъ чертъ, чтобы дополнить ими представленную здѣсь общую характеристику его дѣятельности на пользу средняго и низшаго образованія. Еще разъ повторяемъ, что по недостатку мѣста должны ограничиться только общей картиной, хотя могли бы дать подробный отчетъ за всѣ десять лѣтъ его существованія.

Мы видѣли, сколь значительнымъ размѣромъ отличалась научно-литературная дѣятельность самого Харьковскаго университета и какъковы были ея отличительныя черты. Понятно, что эта дѣятельность должна была оказывать извѣстное вліяніе и на подчиненную университету педагогическую среду гимназій и уѣздныхъ училищъ: по образцу университетскихъ публичныхъ рѣчей говорились директорами и учителями гимназическія при открытіи училищъ, на актахъ и вообще въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ; издавались учебники, пособія, переводы; печатались даже научныя сочиненія, и наконецъ, представлялись въ училищный комитетъ многочисленные рукописные труды—исто-

рическія, географическія, статистическія записки, метеорологическія наблюденія и т. д. Самъ университетъ издалъ нѣсколько пособій, имѣя въ виду спеціально среднія и низшія учебныя заведенія, а именно: Тимковскаго „Опытный способъ къ философическому познанію російскаго языка“; „Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, по руководству Гедике“, ч. 1, 2, 3; *Tableaux des declinaisons latines et de dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine* (проф. Ведень-де-Баллю), „латинскую грамматику Бредера, переведенную съ нѣмецкаго кандидатомъ Громовымъ, подъ редакціей проф. Осиповскаго (изданную университетомъ для гимназій Харьковскаго учебного округа)“, „Наставленіе учителямъ для составленія историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ, согласно 50 § училищнаго устава“—Успенскаго, *Grundriss der allgemeinen Logik für die gymnasien des Russischen Reichs* проф. Якоба (издана на счетъ университета). А вотъ краткій перечень работъ директоровъ, законоучителей и учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ: учитель Воронежскаго главнаго народного училища Г. Успенскій, какъ мы видѣли, приготовилъ къ изданію цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ и переводовъ; директоръ училищъ войска Донскаго Алексѣй Поповъ выпустилъ въ 1814 г. въ свѣтъ 1-ю часть своего капитальнаго труда „Исторія о Донскомъ войскѣ“, ч. 1-я, унив. тип., XXIII, 295 стр. (2-я часть вышла въ 1816 г.); учитель Новооскольскаго уѣзднаго училища (впослѣдствіи адъюнктъ) Разумникъ-Гонорскій издалъ ученое сочиненіе „Духъ Горація и Тибулла“; учитель Степанъ Есикорскій перевелъ съ нѣмецкаго трактатъ Фихте „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи“; учитель Курской гимназій Паратичъ издалъ „Краткую общую статистику европейскихъ государствъ, собранную изъ разныхъ нѣмецкихъ знаменитыхъ писателей“; учитель главнаго Воронежскаго народного училища Соколовскій—французскій и латинскій словарь; Таганрогская гимназія—греческую азбуку; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ рѣчей: „Рѣчи, говоренныя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Императорскаго Харьковскаго университета при публичныхъ испытаніяхъ въ концѣ іюня 1811 г.“ X., 111 стр. (тутъ помѣщены рѣчи—директора Попова, учителя Харьковской гимназіи Любовскаго „о достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова“, Черкасской—Ганника „о пользѣ и вліяніи наукъ на благосостояніе рода человѣческаго“, Екатеринославской Аванасьева „о дѣйствіяхъ, сходствѣ и противоположности матерій электрической и магнитной“, Екатеринославской же Вернета (на французскомъ языкѣ), Полтавской Рожественскаго, Полтавской же Спасскаго „о вліяніи естественныхъ наукъ въ общежитіи“, Курской

Василевскаго „о важности общественнаго воспитанія“, Орловской Венедиктова „о пользѣ всемірной и отечественной исторіи“, Воронежской Шрамкова „о теплотворной матеріи и ея дѣйстви“, Таганрогской коммерческой Селиванова „о пользѣ наукъ и въ особенности естественныхъ“, Полтавскаго уѣзднаго училища Евстафьева „о величіи изящныхъ наукъ“ и наконецъ, ученика Полтавской гимназіи Соколовскаго); архим. Діонисія—слово при открытіи Орловской гимназіи и его же—слово при открытіи Сѣвскаго уѣзднаго училища; „рѣчи, говоренныя при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ 1811 г. Херсонской губ. въ городахъ—Елисаветградѣ, Новомиргородѣ и Вознесенскѣ директоромъ училищъ Дм. Мизко; его же—„о свѣдѣніяхъ, нужныхъ благотворительному человѣку“ (рѣчь на публичномъ экзаменѣ); „рѣчь, говоренная при открытіи Хорольскаго повѣтоваго (уѣзднаго) училища“; „рѣчи, произнесенныя въ Успенскомъ соборѣ при погребеніи Василия Жаданова, ученика 3 класса Слободско-Украинской гимназіи изъ казенныхъ воспитанниковъ (ученикомъ 4 класса Ник. Еллинскимъ—впослѣдствіи профессоромъ и ректоромъ Харьковскаго университета), ученикомъ 4 класса Ал. Лукьяновичемъ и ученикомъ 3 класса М. Сиверскимъ (послѣдніи на латинскомъ языкѣ), „извѣстіе о жизни и смерти учителя Туранскаго“. Какъ видимъ отсюда, даже многія темы этихъ рѣчей навѣяны были сюжетами рѣчей университетскихъ преподавателей. Кромѣ этихъ печатныхъ произведеній педагогическому персоналу гимназій и уѣздныхъ училищъ принадлежитъ еще огромная масса рукописныхъ трудовъ разнообразнаго характера и содержанія, которые вызывались извѣстными намъ параграфами училищнаго устава и поступали прямо на разсмотрѣніе училищнаго комитета. Этотъ послѣдній съ своей стороны постановилъ указывать учителямъ, владѣющимъ иностранными языками, темы для переводовъ. Отметимъ нѣкоторые изъ этихъ рукописныхъ трудовъ. При Харьковской и Орловской гимназіяхъ велись историческія записки. Учитель Полтавскаго главнаго народнаго училища Зозулинъ представилъ въ комитетъ 9 тетрадей топографическаго описанія Полтавской губ. Учитель Курской гимназіи Пузановъ сдѣлалъ минералогическое описаніе Курской горы, которое училищный комитетъ просилъ попечителя напечатать въ официальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія „періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ просвѣщенія“ и разослать всѣмъ директорамъ въ округѣ. Въ отчетахъ визитаторовъ мы нашли рукописи многихъ рѣчей, произносившихся учителями при открытіи гимназій. Наглядное представленіе о характерѣ всѣхъ этихъ трудовъ даетъ помѣщенная на 716—718 стр. настоящаго труда хозяйственно-экономическая замѣтка о Полтавской губ. въ 1814 г. Бѣлецкаго-

Носенка. Укажемъ теперь болѣе важныя распоряженія училищнаго комитета по учебной части. Въ 1806 году онъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ не было уѣздныхъ училищъ, устраивать по крайней мѣрѣ низшія отдѣленія ихъ, т. е. приходскія школы—и онѣ были открыты въ Волчанскѣ, Лебединѣ на счетъ казны, которая, какъ извѣстно, вообще не брала на себя ихъ содержанія. Прежде учениковъ принимали въ школы круглый годъ; но это оказалось очень неудобнымъ—и училищный комитетъ постановилъ допускать приемъ въ низшіе классы 2 раза, а въ высшіе 1 разъ въ году. Визитаторъ Тимковский указалъ на частые пропуски учениками уроковъ и на шалости и предложилъ противъ этого цѣлый рядъ мѣръ; большая часть ихъ была принята комитетомъ. Тотъ же визитаторъ отмѣтилъ недостаточныя познанія у учителей уѣздныхъ училищъ и предложилъ, чтобы они посѣщали для пополненія ихъ уроки гимназическихъ преподавателей. Онъ же составилъ новое расписаніе уроковъ для низшихъ отдѣленій уѣздныхъ училищъ, которое также было принято комитетомъ. Принималъ также мѣры комитетъ къ поднятію преподаванія латинскаго языка и съ этою цѣлью учителя его причислены были къ старшимъ преподавателямъ гимназій. Стойковичъ сдѣлалъ представленіе комитету о неудовлетворительности нѣкоторыхъ учебниковъ въ уѣздныхъ училищахъ. При Харьковской гимназіи открытъ былъ въ 1807 г. пансіонъ для своекоштныхъ питомцевъ и порученъ верховному наблюденію председателю училищнаго комитета Стойковича, а потомъ проф. Осиповскаго; кромѣ того его часто посѣщали и другіе члены комитета. Параграфъ училищнаго устава, дававшій возможность расширять гимназіямъ на ихъ средства программу преподаванія, не остался мертвою буквою—въ Курской гимназіи введено было, по желанію дворянства, преподаваніе военныхъ наукъ; въ Черниговской—заведенъ танцевальный классъ. По предложенію визитатора Дегурова, училищный комитетъ постановилъ, чтобы изъ лучшихъ учениковъ избирались особые аудиторы для выслушиванія уроковъ у своихъ товарищей; для лучшихъ учениковъ рѣшено было назначать лучшія мѣста въ классахъ. Учителю Кнейперу разрѣшено было имѣть въ своемъ домѣ пансіонъ и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ (замѣтимъ кстати, что въ приходскія училища принимали также не однихъ мальчиковъ, но и дѣвочекъ). Въ Одесскую гимназію нужно было всякими мѣрами привлекать учениковъ и директоръ ея ставилъ себя въ заслугу, что ему удавалось принимать туда евреевъ. Комитетъ подвергалъ азамъ иностранцевъ, желавшихъ открыть пансіоны или завѣсть частнымъ преподаваніемъ. Въ Черниговскую гимназію на уроки учителей были допущены съ разрѣшенія

мѣстнаго архіерея семинаристы, подготовлявшіеся къ занятію должностей учителей приходскихъ школъ. Кромѣ указанныхъ выше пожертвованій на училища, отмѣтимъ еще цѣлый рядъ другихъ и замѣтимъ при этомъ, что видную роль въ дѣлѣ привлеченія общества къ пожертвованіямъ играли визитаторы. Майоръ Алымовъ пожертвовалъ въ пользу Харьковской гимназіи капиталъ въ 20000 руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него содержать бѣдныхъ учениковъ. Орловскіе дворяне собрали сумму въ 750 р. на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ изъ своего сословія. Бригадиръ Адабашъ пожертвовалъ Полтавскому приказу общественнаго призрѣнія имущество и капиталъ на богоугодныя заведенія, часть котораго была обращена на школы. Болховскій купецъ Бобковъ подарилъ тамошнему училищу каменный домъ. Въ Суражѣ (Черниговской губерніи) мѣстный городничій Александровичъ выстроилъ домъ для уѣзднаго училища. Значительныя пожертвованія были сдѣланы на уѣздное училище въ г. Александровскѣ Екатеринославской губ. Бѣлгородскій купецъ Третьяковъ подарилъ мѣстному уѣздному училищу свой домъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы два другіе его дома были освобождены отъ воинскихъ постоевъ. Въ Таганрогѣ сами жители хотѣли устроить женскій пансіонъ и обращались за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ училищному комитету. Благодаря Тимковскому, Воронежская гимназія и уѣздное училище получили отъ мѣстной администраціи въ подарокъ 2 каменныхъ двухъэтажныхъ дома. Коллежскій совѣтникъ Тимоновъ пожертвовалъ на Трубчевское училище (Орловской губ.) книгъ и учебныхъ пособій на 3600 руб. Въ Елисаветградѣ городское общество ассигновало на постройку зданія приходскаго училища 2000 руб. Въ дѣлѣ управленія училищами отмѣтимъ еще слѣдующія дѣйствія комитета. Въ Полтавской и Курской губ. не было директоровъ народныхъ училищъ и ихъ функціи исполняли особые комитеты изъ старшихъ учителей гимназіи и главнаго народнаго училища; для руководства имъ онъ составилъ особыя инструкціи. Въ тяжелый для Россіи 1811 годъ, когда всюду была страшная дороговизна, училищный комитетъ возбудилъ ходатайство, чтобы учителямъ выдавалось жалованье не крупными ассигнаціями, на промѣнѣ которыхъ они теряли, а мелкими деньгами. Можно отмѣтить только одну отрицательную черту въ дѣятельности комитета по части управленія училищъ—это слишкомъ большую уже излишнюю регламентацію по отношенію къ частнымъ училищамъ и учителямъ. Очевидно подъ вліяніемъ общей реакціи противъ иностранцевъ и суроваго распоряженія министра народнаго просвѣщенія гр. А. Б. Разумовскаго о пансіонахъ, содержимыхъ ими, училищный комитетъ принялъ противъ нихъ энергичныя мѣры въ 1811 г.

Усмотрѣвъ изъ донесеній директоровъ училищъ, что помѣщики и другія частныя лица позволяли находившимся у нихъ учителямъ, въ особенности изъ иностранцевъ, принимать для совмѣстнаго обученія постороннихъ учениковъ и такимъ образомъ получались какъ бы незаконные пансіоны, при чемъ комитету не были извѣстны ни личности преподавателей, ни программы преподаванія, рѣшили просить губернаторовъ о запрещеніи частнаго преподаванія лицамъ, не имѣющимъ узаконеннаго свидѣтельства. Въ такомъ смыслѣ Харьковскій университетъ сдѣлалъ представленіе и министру—и результатомъ его было общее распоряженіе (1812 г.), по которому ото всѣхъ учителей иностранцевъ требовалось свидѣтельство на право преподаванія. Комитетъ министровъ, на разрѣшеніе котораго поступило это предложеніе, нашелъ его неудобнымъ, стѣснительнымъ, но гр. А. К. Разумовскій представилъ свои возраженія прямо Государю, который согласился съ ними и утвердилъ проектъ министра ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣра эта вызвана была не столько педагогическими, сколько политическими соображеніями — тѣмъ общимъ недовѣріемъ, которое тогда существовало у русскаго правительства противъ иностранцевъ. Надзоръ за пансіонами былъ необходимъ, ибо дѣло касалось тутъ общественнаго воспитанія, но излишняя регламентация въ частномъ обученіи, при недостаткѣ образовательныхъ средствъ, которымъ страдала тогда Россія, могла принести больше вреда, чѣмъ пользы.

Изъ педагоговъ администраторовъ въ это время дѣйствовали между прочимъ: директоръ училищъ Полтавской губ. Огневъ, директоръ училищъ Курской губ., Любарскій, бывшій флотскій капитанъ лейтенантъ Воронежской Петровъ, директоръ училищъ Харьковской губ.—Кудрицкій, а съ 1809 г. Шредеръ, Екатеринославской (ему же послѣ Вольсея была поручена и Херсонская губ.)—Мизко. Наибольшую энергію проявилъ и больше всего сдѣлалъ для успѣховъ народнаго образованія въ своемъ районѣ Мизко: благодаря ему, было открыто много училищъ въ Екатеринославской и Херсонской губ., гдѣ раньше ихъ почти вовсе не было; вездѣ тутъ онъ вызвалъ значительныя пожертвованія отъ городскихъ обществъ—отводились или строились дома, отпускались суммы на содержаніе школъ. Нельзя не отмѣтить также энергичной и плодотворной дѣятельности на пользу школъ смотрителя Екатеринодарскаго училища протоіерея Кирилла Росинскаго (въ области войска Черноморскаго); должность эту онъ принялъ безъ жалованья и благодаря вліянію, кото-

¹⁾ См. подробности въ книгѣ Шмидта. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, стр. 93—95.

рымъ пользовался среди мѣстнаго общества, сдѣлалъ много полезнаго для школъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить опредѣленно на болѣе общій вопросъ—въ какой мѣрѣ были удачны выборы и назначенія педагогическаго персонала всѣхъ среднихъ и низшихъ школъ. Несомнѣнно, что среди его было не мало лицъ, совершенно непригодныхъ къ просвѣтительной дѣятельности; объ этомъ свидѣлствуетъ фактъ увольненія въ отставку нѣкоторыхъ педагоговъ; къ такой крутой мѣрѣ долженъ былъ прибѣгать училищный комитетъ, несмотря на недостатокъ учителей — и это служить яркимъ свидѣтельствомъ ихъ полной непригодности; съ недостатками другихъ комитетъ долженъ былъ примиряться, потому что лучшихъ учителей пріискать было невозможно. Недостатки учителей были двоякаго рода: у однихъ не было должныхъ познаній; поведение и характеръ другихъ не соответствовали достоинству просвѣтителей юношества. Все это нужно принимать во вниманіе при оцѣнкѣ разсматриваемой нами теперь стороны въ дѣятельности комитета. При такихъ условіяхъ важное значеніе приобретаетъ вопросъ, насколько безпристрастно происходили эти выборы, не было ли тутъ лицепріятія или злоупотребленій. На этотъ вопросъ мы не колеблясь даемъ утвердительный отвѣтъ. Къ назначенію на учительскія должности комитетъ относился съ большимъ вниманіемъ и должнымъ безпристрастіемъ. Важною гарантіей этого безпристрастія являлось коллегіальное устройство и веденіе дѣлъ въ комитетѣ. Члены комитета были свободны въ своихъ рѣшеніяхъ и могли дѣйствовать тутъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ пользовались большимъ значеніемъ, другіе — меньшимъ; но это значеніе приобреталось болѣею или меньшею опытностью въ училищныхъ дѣлахъ.

Предсѣдатель комитета по своему положенію—въ качествѣ ректора университета — правда могъ бы оказывать нравственное давленіе на остальныхъ членовъ; но это, во-1-хъ зависѣло отъ личности и характера его, а, во 2-хъ, тутъ были коррективы—въ ежегодномъ переизбраніи. Къ счастью, ректоромъ, а слѣдовательно, и предсѣдателемъ комитета очень долгіе годы оставался такой высока честный и коллегіальный дѣятель какъ И. С. Рижскій, а потомъ Осиповскій. Но въ ректорство Стойковича дѣло шло повидимому нѣсколько иначе: онъ помимо комитета, какъ мы знаемъ, велъ частныя сношенія съ директоромъ училищъ въ Курской гимназіи Любарскимъ и, можетъ быть, дѣйствовалъ тутъ не вполнѣ безкорыстно. Тѣмъ не менѣе и этотъ единственный извѣстный намъ печальный эпизодъ въ дѣятельности училищнаго комитета не бросаетъ на него никакой тѣни въ нравственномъ отношеніи, и университетская коллегія скоро освободилась отъ своего недостойнаго

представителя, который вмѣсто добраго нравственнаго воздѣйствія на учительскую среду привлекалъ ее къ своей позорной торговлѣ контрабандными товарами (припомнимъ учителей Паратича и Лангнера, которые были комиссіонерами ректора по продажѣ гранатъ, лентъ, картинъ).

Говоря о дѣятельности училищнаго комитета, мы уже приводили свѣдѣнія объ осмотрѣ училищъ *визитаторами*. Теперь въ виду огромнаго значенія, какое они имѣли въ училищныхъ дѣлахъ, намъ нужно остановиться подробнѣе на уясненіи ихъ значенія въ этомъ дѣлѣ.

До насъ дошло значительное количество отчетовъ визитаторовъ; они относятся почти ко всѣмъ годамъ изучаемаго нами десятилѣтія и касаются различныхъ губерній Харьковскаго учебнаго округа. Въ совокупности своей они представляютъ по истинѣ драгоценный матеріалъ для характеристики состоянія школъ въ началѣ XIX в. Матеріалъ этотъ требуетъ тщательной сводки и обработки. Но эта работа выходитъ за предѣлы нашей нынѣшней задачи: намъ нужно только опредѣлить роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія въ округѣ. Надѣясь въ будущемъ дать изслѣдованіе и по этому особому новому вопросу, мы теперь должны ограничиться только однимъ примѣромъ (хотя могли бы представить ихъ цѣлый рядъ)—именно изложеніемъ *одного* отчета проф. Тимковскаго по Воронежской губерніи за 1806 годъ.

Начинаетъ свой отчетъ проф. И. Ѳ. Тимковскій статистикой школъ Воронежской губ. Оказывается, что въ ней было въ 1807 году 10 училищъ, въ томъ числѣ главное народное въ г. Воронежѣ, основанное 22 сентября 1786 года и 5 малыхъ—въ уѣздныхъ городахъ—Бирючѣ (открытое 24 ноября 1786 г.), въ Валуйкахъ (5 октября 1791 г.), въ Бобровѣ (13 марта 1799 г.), въ Павловскѣ (31 июня 1799 г.), въ Острогжскѣ (16 ноября 1787 г.); послѣдній городъ съ училищемъ былъ отчисленъ въ 1797 г. къ Воронежской губ. отъ Слободско-Украинской. Всѣ эти малыя народныя училища, по новому уставу учебныхъ заведеній, должны были быть преобразованы въ уѣздныя, а сверхъ того эти послѣднія открыты въ слѣдующихъ городахъ (Тимковскій поставилъ эти города въ порядкѣ ихъ важности, значенія и близости къ губернскому городу): въ Воронежѣ, Новохоперскѣ, Задонскѣ, Старобѣльскѣ, Богучарѣ, Коротожкѣ, Нижнедѣвицкѣ и Землянскѣ. Главное народное училище въ Воронежѣ нужно было преобразовать въ гимназію. Чтобы дать училищному комитету возможность судить объ экономическомъ состояніи всѣхъ этихъ городовъ, Тимковскій представилъ ему вышедшее недавно передъ этимъ въ свѣтъ сочиненіе „Историческое, географиче-

ское и экономическое описаніе Воронежской губ.⁴, которое, замѣтимъ кстати, представляеть изъ себя замѣчательное явленіе въ тогдашней литературѣ по богатству своего фактическаго содержанія. Кромѣ малыхъ народныхъ училищъ было еще въ губерніи четыре приходскихъ училища, учрежденныхъ стараніемъ Орловской удѣльной экспедиціи—Козинское (19 августа 1806 г.), Бѣлоколодезское (21 августа того же года), Бобровское (6 декабря того же года), Лосевское (9 декабря того же года). Въ ближайшемъ будущемъ предполагалось учрежденіе въ Воронежѣ кадетскаго корпуса для воспитанія дворянскихъ дѣтей на 400 человѣкъ, къ которому причислены были Воронежская, Курская, Слободско-Украинская, Орловская, Саратовская, Астраханская, Кавказская губ. и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ. Тимковскій освѣдомился о мѣстныхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу въ Воронежѣ и узналъ, что Воронежское дворянство не опредѣлило еще окончательно суммы на это новое учебное заведеніе, но предполагало собрать до 180000; Курское дворянство назначило для той же цѣли 100000 руб.; а Харьковское, по Всеподданнѣйшему прошенію, получило разрѣшеніе не дѣлать сборовъ вслѣдствіе своего пожертвованія на университетъ. Въ виду близкаго отношенія другъ къ другу новаго военнаго училища и предполагаемой къ устройству гимназіи, Тимковскій высказалъ желаніе Воронежскому губернатору, чтобы зданія ихъ находились по сосѣдству одно съ другимъ.

Представивъ краткія статистическія данныя объ училищахъ, Тимковскій переходитъ къ вопросу объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи. Оказывается, что на содержаніе училищъ отпускались суммы отъ трехъ учрежденій—приказа общественного призрѣнія, казны и самихъ городовъ. Главное Воронежское народное училище получало отъ приказа 2460 р. 25 к. и казны 400 р., а всего 2860 р. 25 к. (въ томъ числѣ тратило на жалованье 2300 р.), Острогожское малое училище—отъ городского магистрата 494 р. 80 к. (въ томъ числѣ на жалованье 330 р.), Бирюченское—отъ городской ратуши 270 р. (на жалованье учителю 150 р., на наемъ квартиры для училища и учителя 70 р., на жалованье сторожу, на дрова и свѣчи 50 р.), Валуйское—отъ приказа 200 р. (150 р. на жалованье учителю и 50 р. на содержаніе училища), Бобровское—отъ приказа 200 р. (150 р. на жалованье учителю, 50 р. на содержаніе училища) и 40 р. отъ ратуши (на наемъ помѣщенія), Павловское—отъ приказа 150 руб. (на жалованье учителю) и отъ городской думы 130 руб. на содержаніе училища (на наемъ квартиры, дрова и свѣчи). На всѣ училища Воронежской губ. употреблено было въ 1806 г. приказомъ общественного призрѣнія 3010 р. 25 к., городами 734 р. 80 к.

и казною 400 р. По поводу этихъ расходовъ Тимковскій высказалъ свое мнѣніе, что они крайне недостаточны, но что приказъ общественнаго призрѣнія въ отвѣтъ на обращенный къ нему по этому поводу запросъ заявилъ, что никакой прибавки по скудости средствъ дать не можетъ. Выдача этихъ суммъ производилась различными способами, что Тимковскій признавалъ неудобнымъ, и предлагалъ отпускать ихъ непосредственно въ вѣдѣніе директора училищъ, который бы потомъ рассылалъ ихъ въ качествѣ казенныхъ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ. Въ дополненіе къ этимъ постояннымъ средствамъ поступилъ еще рядъ пожертвованій, относительно которыхъ Тимковскій также представилъ точную вѣдомость. Воронежскій губернаторъ уступилъ для будущей гимназии и уѣзднаго училища два каменныхъ казенныхъ корпуса, взявъ на себя постройку новыхъ зданій и сверхъ того отвелъ необходимую для этого усадьбеную землю; Острогожская дума выстроила вчеряѣ для своего училища каменный домъ; городничій г. Бирюча надворный совѣтникъ Петрулинъ отдалъ временно для помѣщенія училища свой домъ въ Валуйкахъ, въ которомъ оно помѣщалось уже нѣсколько лѣтъ; директоръ народныхъ училищъ пожертвовалъ библіотекѣ главнаго народнаго училища нѣсколько иностранныхъ книгъ, списокъ которыхъ Тимковскій доставилъ комитету; Воронежскій губернский архитекторъ Волковъ подарилъ той же библіотекѣ нѣсколько математическихъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, книгъ, доставшихся ему отъ его родственника, бывшаго профессора астрономіи Попова (списокъ ихъ также былъ доставленъ Тимковскимъ комитету); нѣсколько книгъ на русскомъ языкѣ поступило отъ Воронежскаго фабриканта Гарденина и комисаріатскаго комиссіонера Элина. Метеорологическихъ наблюденій ни въ одномъ изъ училищъ не производилось, по отсутствію барометровъ и термометровъ. Историческія записки, по заявленію Тимковскаго, велись въ училищахъ, но не такъ какъ этого нужно было желать; впрочемъ, прибавляетъ Тимковскій, исторія края прекрасно изложена въ указанномъ раньше сочиненіи („Истор., геогр. и эконо. опис. Воронежской губ.“), а директоръ училищъ сочиняетъ дополненія къ этой книгѣ, въ которыхъ будутъ описаны новоприсоединенныя къ губерніи города (Острогожскъ, Старобѣльскъ, Богучаръ и Новохоперскъ съ уѣздами); онъ, профессоръ, читалъ статью его объ Острогожскѣ—и она оказалась довольно занимательной. Населеніе губерніи хорошо относится къ образованію своихъ дѣтей, и если число учащихся въ школахъ не очень велико, то это нужно приписать частію недостатку такихъ пансіоновъ, въ которые дворянство могло бы помѣщать на содержаніе своихъ дѣтей, обучающихся въ училищахъ, а частію незначительности усѣховъ уче-

ніи въ школахъ, что можетъ быть исправлено только открытіемъ новыхъ уѣздныхъ училищъ, съ болѣе широкою программой и назначеніемъ въ нихъ болѣе способныхъ учителей. Вѣдомости о служебной карьерѣ лицъ, обучавшихся въ главномъ народномъ училищѣ въ Воронежѣ, ему, Тимковскому, составить было не возможно въ виду отрывочности данныхъ, и онъ можетъ только сказать, что въ предѣлахъ губерніи ихъ находится на службѣ до 150 чел., а внѣ ея—до 200 чел. Большіе беспорядки въ обученіи производятъ частныя отлучки учениковъ, но это зло общее по всѣмъ губерніямъ и оно хорошо извѣстно комитету.

Затѣмъ Тимковскій даетъ обстоятельныя характеристики педагогическаго персонала, начиная съ директора училищъ надзорнаго совѣтника Григорія Петрова. Ему было тогда 39 лѣтъ; онъ происходилъ изъ дворянскаго сословія, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, получалъ 500 руб. жалованья, обучался въ Петербургскомъ главномъ нѣмецкомъ лютеранскомъ Петровской церкви училищѣ и въ частныхъ пансіонахъ русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, математикѣ, географіи и исторіи, до опредѣленія директоромъ служилъ съ 1777 года въ военной службѣ и былъ въ походахъ. На должность директора былъ опредѣленъ въ 1796 году и нигдѣ болѣе не служилъ. Свѣдѣнія для своей должности имѣетъ достаточныя и исполняетъ ее съ ревностнымъ усердіемъ; занимается чтеніемъ книгъ и небольшими сочиненіями на русскомъ языкѣ; свободно читаетъ и говоритъ по французски и по нѣмецки; жизнь ведетъ скромную; качества добрыхъ; въ обществѣ пользуется уваженіемъ. По трудамъ своимъ онъ заслуживаетъ прибавки жалованья по новому штату въ 300 р., чтобы получать впредь всего 800 руб. Когда эти 800 р. будутъ назначены ему отъ казны, то его прежнее жалованье (500 р.), получавшееся отъ приказа общественного призрѣнія, обратится на разныя училищныя потребности. Прежде всѣ дѣла по училищамъ были въ вѣдѣніи приказа, теперь же они сосредоточиваются въ рукахъ директора, который, не смотря на всю свою энергію и трудолюбіе, очень затрудняется обиліемъ ихъ и отсутствіемъ письмоводителя, на содержаніе котораго не отпускается никакихъ суммъ; мало того: директоръ на свой счетъ принужденъ даже покупать письменныя принадлежности и производить разѣзды по училищамъ. Въ виду всего этого Тимковскій предлагалъ назначить опредѣленную сумму для найма письмоводителя, положить вознагражденіе директору за визитаціи училищъ, приобрѣсти на казенный счетъ скромный экипажъ для его разѣздовъ по губерніи и возмѣстить расходы, понесенные имъ на это раньше въ размѣрѣ 55 р. 4 к. (этимъ расходамъ была представлена подробная вѣдомость). Далѣе Тимковскій, исходя изъ того, что директора, смотрителя и учителя

разныхъ губерній могутъ нуждаться для своихъ ученыхъ работъ во взаимныхъ совѣтахъ и помощи, просилъ, чтобы училищный комитетъ рекомендовалъ имъ установить между собою такую связь, такъ какъ отъ нея могутъ возрастать общее благо народнаго образованія и успѣхи наукъ.

Сообщивъ данныя о главномъ представителѣ учебнаго вѣдомства губерніи — директорѣ училищъ, Тимковскій переходитъ къ подробной характеристикѣ главнаго Воронежскаго народнаго училища. Изъ плана, представленнаго мною раньше комитету, говоритъ онъ, видно, что училищный домъ, находится на самомъ краю города на низкомъ мѣстѣ, (самый же городъ растянулся на горѣ), занимаетъ неудобное положеніе и учениковъ въ училищѣ было бы гораздо больше и они исправнѣе приходили бы туда, если бы онъ былъ ближе къ центру города. Двѣ большія его классныя комнаты темны, сыры и зимою холодны; двѣ другія очень малы и тѣсны, при томъ ходъ изъ одной въ другую очень неудобенъ для ученія. О постройкахъ, продолжаетъ далѣе Тимковскій, предполагаемыхъ для будущихъ гимназій и уѣзднаго училища, я писалъ раньше, а до окончанія ихъ можно было бы помѣстить уѣздное училище въ нынѣшнемъ зданіи главнаго, а для низшихъ классовъ гимназій временно нанять помѣщеніе въ нагорной части города. Въ домѣ главнаго народнаго училища кромѣ классовъ есть квартиры (крайне неудобныя) только для двухъ младшихъ учителей, а два старшіе учителя живутъ въ собственныхъ домахъ, пользуясь исходайствованной имъ льготой отъ постоянной повинности, а учитель французскаго языка получаетъ отъ приказа квартирныя деньги въ размѣрѣ 100 р. Старшій учитель математики, русской грамматики, нѣмецкаго языка и высшихъ классовъ рисованія коллежскій ассесоръ Петръ Соколовскій — изъ дворянъ, 44 лѣтъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, получаетъ 400 р. жалованья да 100 р. за нѣмецкій языкъ и сверхъ того на дрова и свѣчи; первоначальное образованіе получилъ въ 1772—1780 гг. въ Харьковскихъ бывшихъ казенныхъ классахъ и обучался тамъ русскому и французскому языкамъ, мифологій, логикѣ и риторикѣ, исторіи и рисованію, потомъ перешелъ въ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ слушалъ математику и нѣмецкій языкъ. Занималъ мѣсто учителя въ Петербургѣ съ 1786 г., а теперь въ Воронежѣ съ 1791 г. Въ должности своей рачителенъ; поведенія добропорядочнаго; ученики его изрядно знаютъ геометрію, физику, арифметику и русскую грамматику, на сколько это изложено въ учебникахъ, изданныхъ для народныхъ училищъ; физическихъ опытовъ онъ вовсе почти не производитъ по скудости физическаго кабинета. Нѣмецкому языку онъ обучалъ только во 2-мъ классѣ и ученики его, по сво-

ему малолѣтству и по занятіямъ другими предметами, не могли оказать замѣтныхъ успѣховъ, а перейдя въ 3-й и 4-й классы и вовсе отъ него отстали; теперь это зло устранено тѣмъ, что по новому росписанію, утвержденному комитетомъ, обученіе нѣмецкому языку введено въ 3-й и 4-й классы. По произведенному испытанію и другимъ даннымъ оказалось, что Соколовскій знаетъ изрядно нѣмецкій и французскій языки и можетъ на нихъ читать и говорить, хотя и съ тяжелымъ произношеніемъ; въ алгебрѣ свѣдѣнія его весьма ограничены и не восходятъ далѣе уравненій 2-й степени; въ простой геометріи онъ слабъ, а въ высшей не обнаружилъ никакихъ познаній; свѣдѣнія по физикѣ и прикладной математикѣ у него самыя поверхностныя. Такъ какъ онъ не упражнялся основательно и практически въ словесности, то и не можетъ съ успѣхомъ преподавать русской грамматики; въ рисованіи и способности учителя, и знанія учениковъ весьма посредственны, что слѣдуетъ приписать совершенному отсутствію образцовъ и моделей. Самъ Соколовскій заявилъ Тимковскому, что онъ, по своимъ лѣтамъ, слабости здоровья и зрѣнія, считаетъ для себя трудною и обременительною учительскую должность, а въ особенности такую, которая бы требовала отъ него многихъ домашнихъ упражненій и особыхъ изученій, и хотѣлъ бы получить мѣсто директора, или если это невозможно, то смотрителя уѣзднаго училища въ одной изъ губерній умѣреннаго климата и въ такомъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ бы онъ могъ завести у себя пансіонъ, напримѣръ, въ Нѣжинѣ или Кременчугѣ. Въ концѣ своего отзыва о Соколовскомъ, Тимковскій просилъ училищный комитетъ разрѣшить принципиальный вопросъ: должны ли представители учебного вѣдомства носить мундиръ, соотвѣтствующій ихъ чину или же классу своей должности; вопросъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что Соколовскій носилъ мундиръ 8 класса (по чину), а состоялъ, въ качествѣ учителя, въ 12 классѣ.

О другомъ старшемъ учителѣ географіи, исторіи, естественной исторіи и латинскаго языка въ 3-мъ и 4-хъ классахъ титулярномъ совѣтникѣ Гавріилѣ Петровичѣ Успенскомъ, Тимковскій даетъ такой отзывъ. Свѣщеннический сынъ, 42 лѣтъ, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 400 р., да за латинскій языкъ 75 р., да сверхъ того на дрова и свѣчи; живетъ въ собственномъ домѣ. Обучался въ Сѣвской семинаріи обыкновеннымъ въ этихъ заведеніяхъ предметамъ, а также философіи, богословію, ариметикѣ и греческому языку; потомъ поступилъ въ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ изучалъ историческія науки и нѣмецкій языкъ, а приватно занимался и французскимъ. Въ учительской должности съ 1790 г.; рачителенъ; нрава добраго и степеннаго; пове-

денія похвальнаго; жалоба на него, представленная имъ Тимковскимъ въ комитетъ, оказалась неосновательной и потому не можетъ набрасывать на него никакой тѣни. Ученики его при испытаніи оказали хорошіе успѣхи не только въ исторіи и географіи, но—что рѣдко случается въ главныхъ народныхъ училищахъ—и въ естественной исторіи; къ ней онъ съумѣлъ внушить лучшимъ ученикамъ даже привязанность, въ особенности это нужно сказать относительно ботаники; эту послѣднюю онъ преподаетъ не только изъ учебниковъ по системѣ, а и на основаніи коллекцій, собираемыхъ и приносимыхъ въ классъ, какъ имъ самимъ, такъ и учениками; списокъ растений этого гербарія онъ, Тимковский, представляетъ училищному комитету; ученики дѣлали ему различныя объясненія по поводу каждаго растенія. При испытаніи и въ бесѣдахъ Успенскій показалъ совершенно удовлетворительныя свѣдѣнія въ своихъ предметахъ, весьма отличныя по русской исторіи и сверхъ того обнаружилъ къ нимъ большую привязанность. Онъ, Тимковский, по его просьбѣ, далъ ему списокъ иностранныхъ сочиненій по его предметамъ, а также по статистикѣ, древностямъ и миѳологіи; онъ ихъ хотѣлъ купить на собственный счетъ, а русскія сочиненія пріобрѣлъ уже отъ книгопродавцевъ въ обмѣнъ за свои переводы. Латинскій языкъ онъ помнитъ изрядно, хотя говорить на немъ весьма мало; изустно онъ перевелъ у него, Тимковского, отрывокъ изъ Валерія Максима и 3-ю оду 1-й книги Горация; письменный же переводъ его изъ Саллюстія (гл. 8-я о Катилинѣ) при семъ прилагается; такимъ образомъ, знанія его въ этомъ языкѣ могли быть достаточны для обученія въ 1-мъ и 2-мъ классахъ гимназій; тамъ же онъ могъ бы преподавать философію и словесность. По нѣмецки и по французски онъ свободно читаетъ и пользуется этимъ для своихъ упражненій въ переводахъ, а по нѣмецки изрядно и говорить. Комитету извѣстны изданныя имъ книги—*начальное основаніе латинскаго языкоученія*, переводъ съ нѣмецкаго—*космографія или описанія тѣхъ міра, путешествія Николая Уншвета по обвороженному міру*, и съ французскаго—*миѳологія аббата Трессана*, 1-й томъ котораго (въ рукописи) онъ проситъ возвратить ему изъ училищнаго комитета. Нынѣ онъ занимается окончаніемъ этого перевода и составленіемъ словаря изобрѣтеній, открытій, системъ и учреждений. Онъ, Тимковский, просматривалъ нѣкоторыя буквы этого словаря и нашель его тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія, что авторъ, гдѣ нужно, сообщаетъ данныя объ исторіи и современномъ состояніи русскихъ учреждений (объясняетъ такіе слова, какъ адмиралтейство, академія, епархія, епископы, и проч.); окончивъ 1-ю часть этого труда, онъ намѣренъ представить его на благоусмотрѣніе училищнаго комитета. Послѣ многихъ бесѣдъ онъ, Тимков-

скій, найдя его способнымъ къ этому дѣлу, посоветовалъ ему заняться составленіемъ книги *„Россійскія древности или краткое описаніе древнихъ нравовъ, обычаевъ и памятниковъ Россійскихъ“*, точный планъ которой представляетъ комитету; прилагаетъ также для характеристики литературнаго таланта его привѣтственную рѣчь областному командиру земскаго войска гр. Орлову, которую онъ намѣренъ произнести, когда тотъ посѣтитъ Воронежское училище. Комитетъ можетъ считать Успенскаго однимъ изъ наиболѣе пригодныхъ лицъ для переводовъ книгъ да и вообще справедливость требуетъ сказать, что это первый по своимъ предметамъ учитель въ округѣ и что его слѣдуетъ, на основаніи 50 § устава учебныхъ заведеній, перевести старшимъ учителемъ въ Слободскоукраинскую гимназію, такъ какъ эта послѣдняя по обилію учащихся и по успѣхамъ ихъ, и по мѣстонахожденію своему въ университетскомъ городѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія и при томъ въ настоящее время не имѣетъ штатнаго учителя историческихъ наукъ и естественной исторіи и терпитъ отъ этого большія неудобства; Успенскій же въ Харьковской гимназіи можетъ быть гораздо полезнѣе, нежели въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ, да и ему самому возможно будетъ тамъ пользоваться университетской бібліотекой и наставленіями профессоровъ и адъюнктовъ. За 22 недѣльныхъ часа исторіи и естественныхъ наукъ онъ могъ бы получать тамъ 700 руб., не считая нѣкоторой суммы, отпускаемой на квартиру, дрова и свѣчи.

О третьемъ преподавателѣ—учителѣ французскаго языка французѣ Дюбоа-де-Ливри — Тимковскій сообщилъ такіи данныя. Отъ роду ему 38 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 400 руб. да квартирныхъ 100 р. Изъ составленной имъ и представляемой въ комитетъ записки видно, что онъ въ Парижѣ обучался греческому, латинскому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, риторикѣ и философіи, потомъ служилъ въ военной службѣ, въ 1791 году эмигрировалъ изъ Франціи и находился въ чинѣ поручика въ Голландіи, затѣмъ былъ въ Ганноверѣ сначала частнымъ, а далѣе и публичнымъ учителемъ съ 1795 г. въ теченіе 5 лѣтъ. Въ 1804 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ попечитель назначилъ его учителемъ Воронежскаго главнаго народнаго училища. Ученики его обнаруживаютъ хорошіе успѣхи, хотя за краткостью времени и не могли еще пріобрѣсти достаточнаго навыка въ этомъ языкѣ; но есть надежда, что нынѣшнія его преподавательныя наставленія скоро въ нихъ развернутся; въ приложеніяхъ онъ Тимковскій, помѣщаетъ планъ его преподаванія въ училищѣ, будущей гимназіи и будущемъ его Дюбоа пансіонѣ, который онъ советуетъ ему завести, а также текстъ рѣчи, приготовленной имъ на слу-

чай посѣщенія училища гр. Орловымъ. Изъ всего этого видно, что учитель этотъ имѣетъ хорошія свѣдѣнія какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ другихъ предметахъ. Изъ многихъ его записокъ для классовъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ онъ, Тимковский, убѣдился въ его отличныхъ способностяхъ къ должности и значительныхъ познаніяхъ по французской словесности и ея писателяхъ. Любя чтеніе, онъ собралъ довольно большую библіотеку. Двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ Германіи доставило ему знаніе нѣмецкаго языка, на которомъ онъ свободно читаетъ и говоритъ. Въ должности своей онъ рачителемъ, живость характера въ соединеніи съ усердіемъ придаетъ нѣкоторую торопливость его изложенію, но она понемногу смягчается. Нрава онъ добраго, поведенія похвальнаго; мѣстомъ своимъ доволенъ, — и только желаетъ, чего вполнѣ заслуживаетъ, утвержденія въ чинѣ XII класса.

Младшій учитель Алексѣй Зиновьевъ, преподающій во 2-мъ классѣ латинскій языкъ, въ 3-мъ катихизисъ и въ первыхъ двухъ рисованіе, изъ дворянъ, 44 лѣтъ отъ роду, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 200 руб. да за рисованіе 75 р. и нѣкоторую сумму на дрова и свѣчи, квартиру имѣетъ въ училищѣ. Обучался въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ латинскому языку, риторикѣ, философіи, исторіи и географіи, затѣмъ въ Петербургскомъ учительскомъ институтѣ математическимъ наукамъ. Въ учительской должности состоитъ съ 1786 года; въ исполненіи ея рачителемъ; поведенія скромнаго и добропорядочнаго; успѣхи учениковъ его довольно изрядные, насколько онъ могъ успѣвать при ихъ многочисленности и частыхъ отлучкахъ. При классныхъ занятіяхъ онъ обнаружилъ хорошія свѣдѣнія по своимъ предметамъ, а при испытаніяхъ выказалъ изрядныя знанія по ариѳметикѣ, начальнымъ основаніямъ алгебры, геометріи и латинскаго языка, такъ что занявшись можетъ еще болѣе усовершенствоваться въ нихъ и съ успѣхомъ обучать въ уѣздномъ училищѣ въ 1-мъ классѣ ариѳметикѣ (по 6 часовъ), во 2-мъ — ариѳметикѣ и геометріи, математической, всеобщей и россійской географіи (по 7 час.), всеобщей исторіи съ древнею географіей и россійской исторіи съ древнею россійской географіей (по 9 час.), естественной исторіи, физикѣ и технологіи (по 4 часа), грамматикѣ латинскаго языка (по 2 часа), пространному катихизису и изъясненію евангелія (по 2 часа); всего по 30 час. въ недѣлю съ жалованьемъ въ 250 р., да прибавки 25 р., да за Законъ Божій — 75 р., итого 350 р.; рисованію же, въ которомъ Зиновьевъ оказался посредственнымъ, можетъ обучать вполнѣдствіи гимназическій учитель этого предмета; временно же можно поручить это дѣло Зиновьеву съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за него.

Второй младшій учитель Степанъ Юшковъ по словамъ ревизора изъ священническихъ дѣтей, 34 лѣтъ отъ роду, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р., да нѣкоторую сумму на дрова и свѣчи; живетъ въ училищномъ домѣ; обучался въ Воронежской семинаріи обыкновеннымъ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ наукамъ, а также богословію, греческому и французскому языку и ариметикѣ; въ учительской должности находится съ 1794 года, рачителенъ въ ней и благоусиженъ: права кроткаго и поведенія добропорядочнаго; по испытанію и по другимъ даннымъ оказывается, что онъ сможетъ обучать въ 1-мъ классѣ уѣзднаго училища священной исторіи и катехизису (по 4 часа), правоученію (по 3 часа), русской грамматикѣ (по 3 часа), чистописанію и правописанію (по 6 часовъ), чтенію и письму латинскаго и нѣмецкаго языковъ (по 3 часа), чтенію церковныхъ и гражданскихъ книгъ (по 3 ч.); во 2-мъ классѣ—русской грамматикѣ (по 3 часа), русскому, латинскому и нѣмецкому чистописанію и правописанію (по 3 часа); всего 28 час. со штатнымъ жалованьемъ въ 250 руб.; если бы ему положить прибавку за Законъ Божій въ размѣрѣ 75 р., то онъ бы получалъ больше Зиновьева, предметы котораго однако требуютъ гораздо болѣе значительнаго упражненія и труда. Учитель Юшковъ помнитъ нѣсколько риторикѣ и латинскій языкъ, отчасти также философію и по нуждѣ можетъ учить ариметикѣ; но главною его спеціальностью является російскій стиль, сколько онъ, Тимковскій, могъ замѣтить при его испытаніи и изъ сказанныхъ имъ рѣчей, когда и учитель, и ученики въ привѣтствіяхъ своихъ выражали живѣйшую надежду на университетъ въ дѣлѣ устройства и благосостоянія училищъ; оду же, читанную Юшковымъ на публичномъ испытаніи учениковъ въ 1804 г., онъ отсылаетъ въ училищный комитетъ, а равно и примѣрное росписаніе часовъ и предметовъ для будущей гимназіи и уѣзднаго училища. Нѣкоторые отступленія отъ устава въ проектированномъ имъ учебномъ планѣ (преподаваніе во 2-мъ классѣ уѣзднаго училища русской грамматики и вмѣсто русскаго—латинскаго языка и вообще усиленіе латинскаго и нѣмецкаго языка) вытекало, по объясненію Тимковскаго, изъ необходимости скораго преобразованія Воронежскаго училища въ гимназію и подготовительное къ ней уѣздное училище. Ученики старшихъ классовъ училищъ въ виду сдѣланнаго имъ указанія—обратить особое вниманіе на латинскій и нѣмецкій языкъ, необходимыя для поступленія въ гимназію—по его наблюденію, съ большимъ усердіемъ занялись ими и потому онъ рекомендуетъ сдѣлать въ такомъ смыслѣ предложеніе и всѣмъ директорамъ. Такимъ образомъ, останется пріискать только учителя низшаго отдѣленія 1-го класса, съ выдачею ему жалованья отъ 120 до 150 р.

и нѣкоторой суммы на дрова и свѣчи и опредѣленіемъ квартиры, занимаемой нынѣ Юшковымъ, которому взаимѣнъ того можно будетъ дать, если пожелаетъ, квартирныя деньги. Мѣстный директоръ, по порученію его, Тимковского, пріискивалъ было кандидата на эту должность среди учениковъ училища, но его поиски оказались тщетными. Ему же поручено стараться о томъ, чтобы Зиновьевъ и Юшковъ дѣйствительно усовершенствовались въ тѣхъ предметахъ, которые имъ нужно будетъ преподавать, а Юшковъ исправилъ свой почеркъ въ такой мѣрѣ, чтобы онъ могъ служить примѣромъ для учениковъ.

Между тѣмъ училищный комитетъ опредѣлилъ въ будущую Воронежскую гимназію учителемъ нѣмецкаго и первоначальныхъ основъ латинскаго языка Де-Лойбеля съ жалованьемъ 450 руб. и квартирныхъ 120 р. Оставалось, слѣдовательно, писать Тимковскій, назначить—во-1-хъ, учителя математики и физики, во-2-хъ, въ случаѣ перевода Успенскаго въ Харьковъ, учителя историческихъ наукъ, каковымъ можетъ быть переводимый сюда Храпановъ, въ-3-хъ, учителя изящныхъ наукъ и философіи, на какое мѣсто можно опредѣлить кандидата Василевскаго, въ-4-хъ, учителя латинскаго языка въ старшихъ классахъ и, въ-5-хъ, учителя естественной исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ. Ученіе въ Воронежскомъ училищѣ, сообщалъ Тимковскій, происходитъ сообразно учебному плану, утвержденному комитетомъ; для обученія употребляются учебники, изданные для народныхъ училищъ съ присоединеніемъ только новыхъ двухъ руководствъ—одного по латинскому языку (Собраніе примѣровъ, изданное университетомъ) и другого по французскому (грамматика Соколовскаго); учителя пользуются для себя еще кое-какими научными пособіями, но по скудости библіотеки терпятъ въ этомъ большой недостатокъ. Методъ обученія здѣсь, какъ и вездѣ, одинъ и тотъ же—вопросный, состоящій въ заучиваніи вопроса и отвѣта. Онъ, Тимковскій, въ противоположность ему, показывалъ на практикѣ другой методъ—опытный, состоящій въ объясненіи правилъ русскаго языка посредствомъ анализа примѣровъ въ отдѣльных словахъ, выраженіяхъ и періодахъ. Этотъ же новый способъ взаимѣнъ стараго онъ рекомендовалъ примѣнять и ко всѣмъ остальнымъ предметамъ; но на основаніи всѣхъ прежнихъ своихъ наблюденій онъ считаетъ необходимымъ, чтобы современемъ сочинено было по каждому предмету для учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ общее наставленіе о способахъ преподаванія, разумѣя при этомъ какъ учительскія, такъ и ученическія занятія. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ было 232 челов., въ томъ числѣ 107 дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, 57 купеческихъ и мѣщанскихъ, 27 крѣпостныхъ, 26 разночинцевъ; послѣ тща-

тельного экзамена было устроено общее собраніе всѣхъ учащихся, на которомъ провозглашены имена переведенныхъ въ слѣдующіе классы, болѣе отличившихся и нѣсколькихъ нерадивыхъ, а самые лучшіе (6 учениковъ 3-го и 4-го классовъ) награждены имъ купленными на свой счетъ книгами — собраніемъ латинскихъ примѣровъ (изданіе Харьковскаго университета) и сборникомъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ, подъ заглавіемъ „Опытъ Воронежской типографіи“. Для приведенія въ порядокъ библіотеки Воронежскаго училища, въ особенности въ виду предполагаемаго ея расширенія, онъ, Тимковскій, далъ директору формы для составленія историческаго и систематическаго ея каталога и представляетъ ихъ комитету вмѣстѣ съ самимъ каталогомъ въ доказательство крайней скудости библіотеки и необходимости ея немедленнаго пополненія хотя бы на счетъ суммъ книжнаго магазина; на тѣ же суммы необходимо выписать маленькую коллекцію эстамповъ для рисованія, по указанію университетскихъ преподавателей этого предмета. Успенскій, завѣдывавшій доселѣ библіотекой и книжнымъ магазиномъ, просилъ освободить его отъ этихъ обязанностей; и, по мнѣнію Тимковскаго, дѣйствительно это дѣло можно было бы поручить учителю Зиновьеву, который жилъ при училищѣ и могъ бы извлечь даже нѣкоторую пользу для своихъ занятій отъ этого порученія. Представляя опись физико-математическаго кабинета, Тимковскій прибавляетъ, что уже изъ перечня инструментовъ можно видѣть, что онъ приносить мало пользы въ дѣлѣ преподаванія физики и особенно чувствуется недостатокъ пневматической и электрической машинъ съ приборами, микроскопа и т. п. Далѣе Тимковскій представилъ училищному комитету описаніе небольшого собранія минераловъ, которое не можетъ быть даже названо кабинетомъ, и каталогъ гербарія Успенскаго, который онъ просилъ представить профессору ботаники Деявину, съ тѣмъ чтобы тотъ выбралъ, буде пожелаетъ, нѣкоторыя сѣмена для университетскаго сада. Въ заключеніе представлена была Тимковскимъ въ комитетъ опись всѣмъ вещамъ, принадлежащимъ училищу, и счетъ оборотовъ по книжному магазину, а для директора онъ составилъ списокъ мебели, необходимой для гимназіи и уѣзднаго училища.

Покончивъ съ Воронежскимъ главнымъ, Тимковскій переходитъ къ малымъ училищамъ и начинаетъ свой докладъ съ *Острогожскаго*. Въ виду крайней тѣсноты и неудобства квартиры, гдѣ помещалось училище, тамошнее общество рѣшило выстроить для него новый каменный домъ. Но до перехода въ это помещеніе, нужно было прискать временную квартиру. Острогожское малое училище Тимковскій предлагалъ преобразовать въ уѣздное и для этого проектировалъ слѣдующія мѣры:

1) отнестись къ Воронежскому губернатору съ просьбою объ ускореніи постройки училищнаго дома, службъ къ нему и ограды, допустивъ къ надзору за всѣмъ этимъ смотрителя; 2) исходатайствовать отпускъ изъ казначейства штатной суммы на уѣздное училище. Смотрителемъ училища состоялъ Острогжскій помѣщикъ, отставной коллежскій совѣтникъ Шпажинскій; онъ былъ раньше землемѣромъ, а теперь по выбору дворянства состоялъ уѣзднымъ судьей. Жалованья по должности смотрителя, писалъ Тимковскій, не получаетъ; имѣть къ ней весьма хорошія способности; поведенія и права благонадежнаго; общество его почитаетъ. Онъ изъявилъ желаніе сдѣлаться штатнымъ смотрителемъ—и когда послѣ сношеній съ директоромъ послѣдуетъ утвержденіе его въ этой должности со стороны училищнаго комитета, то онъ оставитъ нынѣшнее свое судейское мѣсто. И теперь слѣдуетъ выразить Шпажинскому черезъ директора благодарность со стороны училищнаго комитета и поручить ему надзоръ за постройкою училищнаго дома и наблюденіе за приходскимъ училищемъ, находящимся въ сосѣдней съ Острогжскимъ колоніи Рыбенсдорфъ. Учитель 2-го класса титулярный совѣтникъ Федоръ Ферроискій—изъ священническихъ дѣтей; отъ роду ему 36 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р.; живетъ въ училищномъ домѣ; учился въ Воронежской семинаріи до болословія; въ должности учителя состоитъ съ 1792 года. Онъ можетъ быть назначенъ и учителемъ уѣзднаго училища вмѣстѣ съ другимъ здѣшнимъ же учителемъ Вертоградовымъ, причемъ на его долю выпадутъ слѣдующіе предметы: въ 1-мъ классѣ—Законъ Божій и священная исторія (3 часа), правоученіе (4 часа), русская грамматика съ чтеніемъ (3 часа), чтеніе по латинскому и нѣмецкому языку и начатки латинской грамматики (3 часа); во 2-мъ — катехизисъ, изъясненіе евангелія и чтеніе церковныхъ книгъ (3 часа), математическая, всеобщая и російская географія, всеобщая исторія вмѣстѣ съ древнею географіей, русская исторія съ древнею русской географіей (9 часовъ), повтореніе русской грамматики съ „письмомъ по сказанію“ (диктовкой?) (3 часа), латинская грамматика съ примѣрами (2 часа); всего 30 недѣльныхъ часовъ съ жалованьемъ 325 р. и казеннымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. 2-й учитель математическихъ наукъ и рисовальнаго искусства корнетъ Никифоръ Вертоградовъ—изъ церковно-служительскихъ дѣтей; отъ роду ему 34 года; холостъ; жалованья получаетъ 120 р. да за рисованіе 60 р.; живетъ въ училищномъ домѣ. Учился въ Воронежской семинаріи до философскаго класса, потомъ въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ, гдѣ изучалъ математику и рисованіе, privato сверхъ того занимался и геодезіей. На учительскую должность поступилъ въ 1788 г.;

съ 1794 по 1805 годъ находился въ военной и штатской службѣ, а съ 1805 г. служить въ Острогжскѣ; на службѣ своей исправенъ; ученики его оказываютъ весьма хорошіе успѣхи. Такой же отзывъ далъ о немъ и Воронежскій губернаторъ, который посѣщалъ училище въ бытность свою въ Острогжскѣ; такъ же отзывались о немъ и нѣкоторые другіе знавшіе его чиновники. Поведеніе его доселѣ было похвальное; ни въ чемъ дурномъ онъ не былъ замѣченъ, и только за день до пріѣзда его, Тимковскаго, случилось происшествіе, о которомъ онъ доносилъ уже комитету—именно ссора и драка его съ домохозяиномъ училищной квартиры мѣщаниномъ Желѣзниковымъ. Учитель Ферронскій, придя на крикъ въ комнату съ женою своею, хотѣлъ было унять споръ, но ихъ Вертоградовъ обругалъ и угрожалъ побить. Ферронскій на другой день подалъ на него жалобу городничему, но тотъ вернулъ ему ее назадъ, такъ какъ дѣло это было ему неподсудно. Тогда Ферронскій подалъ эту жалобу ему, Тимковскому, а онъ, разсмотрѣвъ дѣло по существу, допросами по одиночкѣ и на очныхъ ставкахъ, убѣдилъ ихъ примириться, такъ какъ послѣдствія этой вражды между товарищами-учителями были бы очень печальны для нихъ самихъ и для ихъ училища и были бы гораздо значительнѣе мѣры того удовлетворенія, которое бы получилъ Ферронскій за свою обиду отъ начальства. Ферронскій согласился взять назадъ свою сгоряча написанную жалобу и примириться съ Вертоградовымъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ впредь велъ себя по отношенію къ нему скромно, тѣмъ болѣе, что онъ старше его по службѣ. Что касается жалобы, поданной на Вертоградова Желѣзниковымъ, то онъ, Тимковскій, поручилъ произвести по ней первоначальное слѣдствіе городничему вмѣстѣ со смотрителемъ; Вертоградовъ же съ своей стороны представилъ просьбу городскихъ обывателей объ оставленіи его въ Острогжскѣ, въ виду того довѣрія и благорасположенія, которыя онъ заслужилъ у нихъ. Послѣ преобразования Острогжскаго училища въ уѣздное, на него можно было бы возложить преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: въ 1-мъ классѣ—чистописанія и диктовки (6 час.), латинскаго и нѣмецкаго письма (3 часа), ариѳметики (6 часовъ), рисованія (2 часа); во 2-мъ—окончанія ариѳметики, геометріи съ правилами геодезіи (7 часовъ), естественной исторіи, физики, технологіи (6 час.) и рисованія (2 часа), всего 32 часа съ жалованьемъ 325 р. съ выдачей отъ казны дровъ и свѣчей. Вертоградовъ могъ бы преподавать и тѣ предметы, которые проектируется возложить на Ферронскаго (кромѣ латинскаго и нѣмецкаго языка), но онъ, Тимковскій, руководствовался въ распредѣленіи между ними этихъ курсовъ уравненіемъ труда и часовъ ученія между обоими преподавателями. Не мѣшало бы, прибав-

ляетъ далѣ Тимковскій, чтобы училищный комитетъ предписалъ нынѣ же директору, чтобы онъ внушилъ Ферронскому заблаговременно заняться тѣми предметами, которые ему придется преподавать въ уѣздномъ училищѣ; капикулярное же время (іюль мѣсяць) онъ могъ бы употребить на подготовку свою по нимъ у преподавателей главнаго Воронежскаго народнаго училища, особенно по географіи и исторіи. Такимъ образомъ, останется вакантной только должность учителя низшаго отдѣленія 1-го класса, каковую, по словамъ смотрителя, желаетъ занять бывшій ученикъ главнаго Воронежскаго народнаго училища, вполне ея достойный, но состоящій въ купеческомъ званіи; въ виду этого онъ, Тимковскій, поручилъ смотрителю представить его послѣ увольненія изъ общества на эту должность. Должность эту занималъ особый учитель, уже болѣе 2-хъ лѣтъ тому назадъ умершій и никѣмъ другимъ не замѣненный. Его уроки долженъ былъ взять Ферронскій, чѣмъ крайне себѣ обременилъ; въ виду этого необходимо теперь же подѣлить ихъ между Ферронскимъ и Вертоградовымъ такъ, чтобы на долю каждаго было не болѣе 30 уроковъ, и вознаградить Ферронскаго за его прежній трудъ. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ было 102 (90 муж. и 12 жен. пола), въ томъ числѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей 33, дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ 32, войсковыхъ и казенныхъ обывателей 20, изъ крѣпостнаго сословія 11, разночинцевъ—6. Списокъ библіотечныхъ книгъ онъ, Тимковскій, представляетъ училищному комитету, но при этомъ присовокупляетъ, что библіотека чрезвычайно скудна и не содержитъ въ себѣ ничего для упражненій учителей, книги находятся въ плохомъ состояніи, потому что для нихъ нѣтъ даже шкафа, классныя принадлежности (столъ и скамьи) ветхи и безобразны, такъ что для уѣзднаго училища нужно будетъ ихъ передѣлать по чертежу, оставленному имъ, Тимковскимъ, директору. Въ Воронежѣ онъ, Тимковскій, узналъ, что одна помещица намѣрена подарить Острогожскому училищу астролябію съ приборомъ, глобусъ, воздушный насосъ, барометръ, термометръ, телескопъ, даже поручила было приобрести эти вещи въ Петербургѣ, но вслѣдствіе увеличившихся въ этомъ году дворянскихъ повинностей ограничилась только приобретеніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ инструментовъ. Выпискою учебниковъ изъ Воронежскаго магазина завѣдуетъ въ Острогожскѣ учитель Ферронскій, который производитъ немедленно уплату за полученные книги, а потомъ уже выручаетъ за нихъ свои деньги; въ виду этого, для отвращенія возможнаго отигощенія или злоупотребленія, онъ, Тимковскій, просилъ директора, завѣдующаго магазиномъ, чтобы тотъ высылалъ въ училища книги изъ магазина въ долгъ на сумму до 5 р., который долженъ погашаться по мѣрѣ ихъ распродажи.

О *Бирюченскомъ училищѣ* Тимковскій сообщилъ слѣдующія данныя. Городъ Бирючь весьма незначительный и самый обыкновенный уѣздный городокъ. Первоначально училище его помещалось въ собственномъ зданіи, но весьма ветхомъ, неудобномъ и стоявшемъ на пустырь. Нынѣ для него занимаетъ квартиру городоваго ратуша близъ собора и городской площади. Квартира эта состоитъ изъ сѣней, прихожей, классной комнаты, весьма тѣсной и холодной, и комнаты для учителя; для отдѣльнаго же преподаванія въ 1-мъ и 2-мъ классѣ необходимо имѣть двѣ болѣе просторныя комнаты. Поэтому нужно просить губернатора объ отводѣ достаточнаго мѣста подѣ училище и о постройкѣ зданія по составленному плану. Должность смотрителя здѣсь исправлялъ по прежнему порученію приказа общественнаго призрѣнія городничій надворный совѣтникъ Петрулинъ, человекъ благонамѣренный, съ хорошими свѣдѣніями, но столь занятый городскими дѣлами, что могъ обращать только немного вниманія на училище, которое находится въ жалкомъ состояніи; впрочемъ, онъ увѣрялъ его, Тимковского, что въ будущемъ готовъ умножить о немъ свои заботы. Учитель 1-го и 2-го класса титулярный совѣтникъ Василій Павленко изъ купческаго званія; отъ роду ему 35 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р.; живетъ въ училищномъ домѣ. Учился въ Полтавской (что нынѣ Екатеринославская) семинаріи до философіи, а потомъ въ Воронежскомъ народномъ училищѣ. Въ учительской должности съ 1788 года, крайне изъ ней перадивъ и вслѣдствіе этого по недостатку способностей неискусенъ; это является главною причиною плохихъ успѣховъ его учениковъ; хотя весьма сильною помѣхою въ дѣлѣ преподаванія нужно признать помѣщеніе обоихъ классовъ въ одной комнатѣ и самую тѣсноту этой комнаты, но и въ ея преподаваніи нѣтъ никакого вообще систематическаго раздѣленія учениковъ на курсы. Жизнь онъ ведетъ, не соответствующую званію учителя, и часто предается пьянству по свидѣтельству смотрителя, у котораго, впрочемъ, съ нимъ натянутыя отношенія. Со времени послѣдняго обозрѣнія училища директоромъ, который сдѣлалъ ему убѣдительнѣйшія представленія, сталъ замѣтно исправляться. По экзамену оказался мало свѣдущимъ въ предметахъ, которымъ обучался въ семинаріи, и теперь годился бы только для низшаго отдѣленія 1-го класса уѣзднаго училища; впрочемъ, если бы признался чтеніемъ пособій и сталъ бы ревностнѣе относиться къ дѣлу, то могъ бы преподавать въ 1-мъ классѣ Законъ Божій, нравоученіе, чистописаніе, правописаніе съ чтеніемъ и письмомъ по латинскому языку. Онъ, Тимковскій, сдѣлалъ ему увѣщанія и выговоръ, а тотъ, въ отвѣтъ на это сталъ проситься въ отставку по слабости здоровья (въ дѣйствительности

онъ былъ совершенно здоровъ), съ тѣмъ чтобы ему дали чинъ коллежскаго ассессора. Основываясь на эти желанія на своей долговременной службѣ въ нынѣшнемъ чинѣ и на законѣ объ отставкѣ; но онъ, Тимковскій, выразилъ сомнѣнiе въ возможности получения слѣдующаго чина и совѣтовалъ ему продолжать службу, чтобы ревностнымъ исполненiемъ ея добиться должности смотрителя, а затѣмъ и желаннаго производства въ коллежскіе ассессоры. Изъ дальнѣйшихъ объясненiй Павленка выяснилось, что онъ добивается дворянства и хотя представленныя имъ доказательства были признаны недостаточными, тѣмъ не менѣе онъ уже подписывается другою, дворянскою фамиліею — Богуненко; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также стремится перейти на службу въ Подтаву, гдѣ у него мать и имѣніе. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ 38 чел., въ томъ числѣ дѣтей войсковыхъ и казенныхъ обывателей 16, дворянъ и оберъ-офицеровъ 15, купцовъ и мѣщанъ 4, разночинцевъ 3. Классная мебель самая скудная и грубая. Учитель, подъ предлогомъ снабженiя неимущихъ учениковъ казенными учебниками, ссужаетъ ими всѣхъ учащихся, вслѣдствіе чего они сильно треплются; онъ, Тимковскій, обратилъ на это вниманіе директора и просилъ его уничтожить такой обычай и въ другихъ школахъ, гдѣ онъ только существуетъ.

Валуйское училище. На сколько удобно и красиво мѣстоположеніе Валуекъ на лѣвомъ гористомъ берегу Оскола, на столько, напротивъ того, самый городъ пустъ и ничтоженъ, за исключенiемъ пригородной слободы казенныхъ крестьянъ. Училище самымъ бѣдственнымъ образомъ помѣщается въ большомъ, но совершенно обветшаломъ домѣ, принадлежащемъ Бирючевскому городничему Петрулину, который давно уже не взимаетъ за него платы и предлагаетъ приобрести его у него. Но, если разобрать домъ, что необходимо, то останется только небольшое количество гаднаго на постройку лѣса, а самое мѣстоположеніе училища неудобно: оно находится подъ порою, которая для подъема и спуска въ ненастное время вслѣдствіе крутизны своей крайне неудобна. Точно также и по тѣмъ же причинамъ неудобенъ домъ, предлагаемый въ продажу стат. совѣтн. Евдокимомъ Шидловскимъ. Городничій, а потомъ и губернаторъ объявили ему, Тимковскому, что на пожертвованіе городского общества для постройки собственнаго училищнаго зданiя рассчитывать нечего, скорѣе можно надѣяться въ этомъ отношенiи на дворянство; онъ же Тимковскій, узнавъ въ Валуикахъ, что тамъ есть большіе пустые казенные амбары, лѣсъ которыхъ можно было бы употребить на постройку зданiя. Обстановка училища очень убогая; зимою въ классахъ холодно — и это не мало отвлекаетъ отъ школы учениковъ; необходимо прибавить на содержаніе ея изъ казенныхъ средствъ по

крайней мѣрѣ 30 р. Должность смотрителя занимаетъ городничій, чело-
вѣкъ хорошихъ качествъ, но по новости ли дѣла или по занятіямъ
своимъ городскими дѣлами онъ недостаточно вникаетъ въ него, хотя
и кажется приверженнымъ къ этой сторонѣ своей дѣятельности и на-
ходится въ добромъ согласіи съ учителями. Учитель 1-го и 2-го клас-
совъ губернской секретарь Федоръ Сѣиновъ—изъ священническихъ дѣ-
тей; отъ роду ему 35 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ
150 руб.; живетъ въ своемъ домѣ; дровъ и свѣчей ему не отпускается;
учился въ Воронежской семинаріи до богословскаго класса. Въ учитель-
ской должности съ 1791 года; въ ней прилеженъ и заботливъ; права
степеннаго; многіе дворяне отзываются о немъ съ похвалою, и оказы-
ваютъ ему нѣкоторую помощь за обученіе имъ ихъ людей. Ученики
обнаруживаютъ изрядные успѣхи по своимъ предметамъ, за исключе-
ніемъ священной исторіи, которою до этого времени занимались болѣе
для упражненія въ чтеніи; свѣдѣнія его самого—посредственны; ника-
кихъ наукъ онъ не знаетъ и только кое-что помнитъ изъ русской и ла-
тинской грамматики и ариѳметики. Но по нуждѣ, послѣ предваритель-
ной подготовкѣ, можетъ быть учителемъ 1-го класса уѣзднаго училища
и преподавать тамъ всѣ предметы, за исключеніемъ нѣмецкаго языка.
Этого заслужилъ онъ и долговременною усердною службою, и поведе-
ніемъ; впослѣдствіи его можно сдѣлать и смотрителемъ училища, а те-
перь слѣдуетъ перевести, согласно его просьбѣ, въ Задонскъ или Бах-
мутъ, гдѣ откроются училища, чтобы поправить этимъ нѣсколько его
скудное матеріальное положеніе. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ 34, въ
томъ числѣ дворянскихъ и оберъ офицерскихъ дѣтей 23, разночинцевъ
6, крѣпостныхъ 3, купцовъ и мѣщанъ 2. Причиною, почему въ школѣ
такъ мало купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей и вовсе нѣтъ казенно-
обывательскихъ, нужно признать существованіе въ томъ же городѣ че-
тырехъ большихъ частныхъ школъ, содержимыхъ приказными, изъ ко-
ихъ у одного коллежскаго секретаря до 30 учениковъ. Училище ощу-
щаетъ большой недостатокъ въ учебныхъ книгахъ; часть ихъ уже отпра-
влена изъ Воронежскаго магазина, но другихъ нѣтъ и тамъ. Училищныя
скамьи—самой топорной работы и столь широки, что больше похожи
на столы и только затемняютъ классъ, притомъ число ихъ такъ мало,
что ученики для письма не всѣ могутъ на нихъ помѣститься. Кромѣ
ничтожной черной доски, училище не имѣетъ никакой собственности.

Бобровское училище. Что сказано о г. Валуйкахъ, то можно сказать
и о Бобровѣ. Мѣстоположеніе его на правомъ нагорномъ берегу рѣки
Битюга прекрасно; большую часть города занимаетъ Азовская слобода
и удѣльные крестьяне. Училище не имѣетъ собственнаго дома, а по-

мѣщается въ квартирѣ, напимаемой ратушей за 40 руб.; въ ней одна тѣсная комната для классовъ и 2 еще болѣе тѣсныя комнаты для учителя. Надежды на постройку новаго школьнаго зданія городскимъ обществомъ или дворянствомъ не имѣется. Нѣкоторые бобровскіе обыватели говорили ему, что для этой цѣли могло бы послужить въ пустѣ остающаяся постройка Орловской удѣльной экспедиціи. Онъ, Тимковскій, рекомендовалъ прискать такую квартиру для училища, въ которой было бы 2 отдѣльныя комнаты для двухъ классовъ, а квартиры учителей могли бы по нуждѣ находиться въ другомъ домѣ; но это едва ли осуществится, такъ какъ городское общество не увеличитъ суммы, отпускаемой на наемъ помѣщеній; скудость училищныхъ средствъ такъ велика, что нѣтъ возможности нанять сторожа и учитель долженъ посылать своего слугу топить печи въ школѣ, подметать полы и т. п., а родители въ складчину, отапливаютъ ее. Должность смотрителя, по порученію приказа общественного призрѣнія, отправляетъ бывший Бобровскій уѣздный судья, а нынѣ предводитель дворянства надворный совѣтникъ Григорій Вороновъ; онъ обнаруживаетъ расположеніе къ училищу, но можетъ посвящать ему, за другими дѣлами, мало времени. Учитель 1-го и 2-го класса коллежскій регистраторъ Иванъ Альпатовъ; въ 1795 году выключенъ изъ однодворческаго званія въ купеческое, а въ 1798 г. исключенъ и изъ этого послѣдняго ему 30 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 руб.; живетъ на училищной квартирѣ, но на свѣчи денегъ ему не отпускаютъ; учился въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ всѣмъ предметамъ кромѣ языковъ; въ учительской должности съ 1799 г.; заявляютъ, что онъ въ ней старателенъ; поведенія изряднаго; но ученики обнаруживаютъ слабые успѣхи; самъ онъ выказалъ малыя познанія въ русской грамматикѣ, геометріи и географіи, а въ исторіи—почти никакихъ; можетъ быть пока учителемъ низшаго отдѣленія 1-го класса, а впоследствии призавявшись и высшихъ классовъ. Учениковъ въ училищѣ 40 чел., въ томъ числѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей 20 (19 муж. и 1 жен. пола), дворянскихъ и оберъ офицерскихъ 12 (муж. 7 и жен. пола 5), казенныхъ поселянъ 4, крѣпостныхъ 2, разночинцевъ 2 (1 муж. и 1 жен. пола). Въ этомъ же городѣ есть приходское училище для удѣльныхъ крестьянъ, изъ котораго однако ученики въ малое народное училище не переходятъ. Классная мебель въ этомъ послѣднемъ столь же бѣдна, какъ и все его состояніе. Изъ учебниковъ сюда нужно доставить по 20 экз. священной исторіи, катехизиса и 1-й части ариметики и 30 экз. буквари.

Павловское училище. Внезапная весенняя распутица и разливъ рѣкъ въ исходѣ февраля при всѣхъ моихъ усиліяхъ и перенесенныхъ затрудненіяхъ, пишетъ Тимковскій, не позволили мнѣ доѣхать до Павловска и заставили вернуться въ Воронежъ. Мнѣ приходится, такимъ образомъ, сообщить здѣсь то, что я узналъ изъ распросовъ. Городъ этотъ, имѣющій прекрасное мѣстоположеніе при впаденіи рѣки Осереды въ Донъ, хотя не великъ, однако значительнѣе Боброва и Валукъ и начинаетъ замѣтно расти, благодаря своей промышленности. Училище помѣщается въ домѣ, занимаемомъ городекою думою. Должность смотрителя поручена была здѣсь приказомъ общественнаго призрѣнія городничему майору Попову, который однако не въ состояніи нести ее въ должной исправности. Учитель 1-го и 2-го класса Михаилъ Вициевскій изъ священническихъ дѣтей; отъ роду ему 29 лѣтъ; холостъ, жалованья получаетъ 150 руб.; живетъ въ училищномъ домѣ; обучался въ Воронежской семинаріи до богословія, въ учительской должности состоитъ съ 1799 г.; желательно, чтобы онъ оказывалъ къ ней болѣе вниманія; поведеніе изряднаго, но не вполне соответствующаго званію учителя, особенно не нравятся нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ жителей его сатирическіе стихи, а бывшая у него со смотрителемъ распри предосудительна для порядка и пользы училища и нужно будетъ предписать директору, чтобы онъ, когда будетъ въ Павловскѣ, обратилъ вниманіе на его поведеніе.

Задонское училище. Задонскъ весьма небольшой, но довольно изрядный городокъ на лѣвомъ берегу Дона. Въ бытность свою тамъ бесѣдовалъ онъ, Тимковскій, съ предводителемъ дворянства, городничимъ и другими чиновниками о заведеніи училища. Они обѣщали стараться въ пользу этого дѣла. Въ каменномъ зданіи присутственныхъ мѣстъ есть четыре небольшія пустыя комнаты, въ которыхъ можно помѣстить три класса, каждый съ особымъ входомъ, и контору съ библіотекой, если только на это послѣдуетъ согласіе губернатора; на дворѣ можно было бы устроить сарай для склада училищныхъ дровъ. Тамошній уѣздный судья, бывшій прежде землемѣромъ, коллежскій ассесоръ Никита Лютовъ—очень хорошій человекъ и со свѣдѣніями по части математическихъ наукъ—согласенъ принять должность смотрителя и преподавателя математики во 2-мъ классѣ; директоръ также одобряетъ его; такимъ образомъ, остается только директору снестись съ нимъ и выяснить вопросъ, захочетъ ли онъ отказаться по истеченіи выборнаго срока отъ судейской должности и принять мѣсто смотрителя со штатнымъ жалованьемъ. Тогда нужно будетъ прислать въ Задонскъ двухъ учителей, одного для старшихъ классовъ, а другого для низшаго отдѣ-

ленія 1-го класса, которому квартиру или квартирныя деньги доставить городское общество, и это мѣсто можно предоставить выѣшнему Валуйскому учителю; уѣздное же дворянское и гражданское общество выстроить для училища домъ съ квартирами для учителей;—его, Тимковскаго, обнадеживали въ этомъ, а равно и въ сборѣ суммы до 500 руб. на покупку классной мебели, учебниковъ и учебныхъ пособій.

Сообщивъ о народныхъ училищахъ, Тимковскій переходитъ къ краткой характеристикѣ *приходскихъ школъ*. Въ Козинскомъ и Бѣлоколодезскомъ приходскихъ училищахъ учителями были дячки, а въ Бобровскомъ и Лочевскомъ священники, обучавшіеся въ Воронежской духовной семинаріи. Всѣ эти училища содержались на мірской счетъ, при чемъ въ Бѣлоколодезскомъ жалованье учителю удѣльной экспедиціей еще не было назначено, а въ остальныхъ трехъ учителя получали (отъ общества?) по 50 руб., а сторожа по 15 руб. Относительно этихъ училищъ онъ, Тимковскій, проситъ училищный комитетъ принять слѣдующія мѣры: 1) сдѣлать распоряженія, чтобы завідующіе ими или учителя ихъ доставляли въ малыя народныя школы, а въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не было ихъ, директорамъ училищъ по опредѣленнымъ формамъ ежемѣсячныя и полугодовыя вѣдомости объ учебномъ и хозяйственномъ состояніи ихъ—о числѣ учениковъ и успѣхахъ этихъ послѣднихъ; 2) чтобы директоръ, отправляясь для обозрѣнія школъ, взять съ собою кого-либо изъ учителей главнаго народнаго училища, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ учителямъ приходскихъ школъ наставленія въ методахъ обученія юношества. Будучи въ Воронежѣ, онъ, Тимковскій, взялъ справку о приходскихъ школахъ у мѣстнаго преосвященнаго Арсенія, изъ которой видно, что онѣ заводятся въ зависимости отъ помѣщенія и средствъ на ихъ содержаніе въ разныхъ селеніяхъ по указанію губернскаго правленія или Орловской удѣльной экспедиціи, или самихъ помѣщиковъ; туда преосвященный соглашался переводить болѣе образованныхъ и способныхъ къ преподаванію священниковъ. Наконецъ, послѣдній 45-й § донесенія Тимковскаго трактуетъ о *частномъ обученіи* въ предѣлахъ Воронежской губерніи. Учителя главнаго народнаго училища имѣли у себя пансіонерами своихъ учениковъ; каждый изъ нихъ занимался съ ними повтореніемъ предметовъ класснаго обученія и нѣкоторыхъ другихъ внѣклассныхъ; но такъ какъ соревнованіе въ приѣмѣ пансіонеровъ подавало поводъ къ личнымъ неудовольствіямъ и пререканіямъ, то въ силу своей благонамѣренности и стремленія къ общему благу въ сферѣ образованія, учителя рѣшили учредить сообща при училищѣ для повторенія и преподаванія своихъ предметовъ особый классъ, въ которомъ каждый изъ нихъ занимался по своей спеціальности и получалъ при-

читающуюся на его долю часть общей суммы; объ организаціи этого дѣла можно судить на основаніи двухъ актовъ, предлагаемыхъ имъ, Тимковскимъ, вниманію училищнаго комитета, одного утвержденного въ 1800 г. приказомъ общественнаго призрѣнія, а другого учиненнаго въ 1805 г. по прибытіи въ Воронежъ учителя французскаго языка. Учрежденіе это настолько полезно, что о немъ слѣдуетъ объявить всѣмъ директорамъ училищъ. Другихъ пансіоновъ въ губерніи не имѣется и только учитель французскаго языка Дюбоа-де-Ливри подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему устроить таковой. Но во многихъ господскихъ домахъ, въ городахъ и деревняхъ имѣются частные учителя преимущественно изъ иностранцевъ. Одинъ изъ этихъ учителей Воронежскій семинаристъ философскаго класса Константинъ Артемьевъ—молодой человѣкъ очень хорошихъ дарованій — проситъ объ опредѣленіи его въ студенты университета. Однако его подготовка оказалась недостаточной для университета — и онъ рѣшилъ поступить для своего усовершенствованія, согласно совѣту его, Тимковского, въ слободско-украинскую гимназію. Другой учитель — нѣмецъ Швертъ, знающій и французскій языкъ, скромнаго поведенія и добраго нрава, просилъ у него мѣста преподавателя нѣмецкаго языка въ одной изъ гимназій, но потомъ принялъ частную учительскую должность и отказался отъ своего намѣренія. Третій учитель французъ дю-Перронъ, знающій хорошо французскую словесность и латинскій языкъ, имѣющій выгодное мѣсто и, сколько можно судить, хорошаго поведенія, объявилъ ему, что если оставить свою должность, то явится въ университетъ и будетъ просить себѣ мѣста учителя французскаго языка въ гимназіи. Четвертый учитель итальянецъ де-Боннотъ, знающій итальянскій, французскій и латинскій языки, проситъ о назначеніи его учителемъ въ Воронежскую гимназію, но такъ какъ знанія его пріобрѣтены практическимъ путемъ, а не при помощи научной подготовки, то онъ, Тимковский, посоветовалъ ему подать просьбу объ этомъ въ училищный комитетъ.

Кромѣ того во всѣхъ уѣздныхъ городахъ существуютъ частныя школы, содержимыя священно и церковно-служителями, приказными или иными лицами, часто многолюдныя, которыя признаются всѣми учителями малыхъ народныхъ училищъ причиною недостаточнаго числа учениковъ въ этихъ послѣднихъ. Школы эти населеніе принимаетъ какъ бы за приходскія и издревле ихъ по старому обычаю поддерживаетъ, хотя дѣти въ нихъ ничему иному не учатся, кромѣ азбуки, часослова и псалтыри, при томъ съ неправильнымъ чтеніемъ и письмомъ дурнаго почерка. Онъ, Тимковский, считаетъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы содержатели ихъ въ

тѣхъ городахъ, гдѣ есть казенныя училища, смотрителямъ или учителямъ ихъ подавали ежемѣсячныя отчеты объ учебномъ состояніи ихъ по извѣстнымъ формамъ и въ этомъ смыслѣ выдали подписку черезъ градскую полицію. Но прямо, говоритъ Тимковскій, нужно признать вреднымъ и для юношества, и для службы *общай* отдавать дѣтей учиться писать, а иногда даже и читать въ канцеляріи разныхъ присутственныхъ мѣстъ; посему необходимо просить губернаторовъ и попечителей сдѣлать запрещеніе въ этомъ смыслѣ и оставить только въ силѣ пріемъ туда лицъ, умѣющихъ порядочно читать и писать.

Таково содержаніе обширнаго отчета визитатора Тимковского. Какъ мы видимъ, онъ даетъ полную, систематическую картину положенія школьнаго дѣла въ Воронежской губерніи: тутъ мы находимъ данныя о времени возникновенія училищъ, о количествѣ ихъ, о домахъ, гдѣ они помѣщались, о средствахъ, для нихъ отпускавшихся, о пожертвованіяхъ, въ пользу ихъ дѣлаемыхъ, объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго общества и администраціи, о педагогическихъ и нравственныхъ качествахъ директоровъ, смотрителей и учителей, о ходѣ и успѣхахъ преподаванія, объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и т. п. Но Тимковскій не ограничивается простымъ описаніемъ училищъ: онъ очень подробно говоритъ и о томъ, что нужно было сдѣлать въ виду предстоявшаго переформированія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи и малыхъ училищъ въ уѣзды, и вообще останавливается не рѣдко на мѣрахъ къ улучшенію матеріальной, учебной или административной стороны дѣла во всѣхъ школахъ. Отчетъ его полностью, подобно донесеніямъ другихъ визитаторовъ, былъ прочитанъ въ засѣданіяхъ училищнаго комитета, подробно разобранъ (этому чтенію и разбору было посвящено нѣсколько засѣданій) и на него положены извѣстныя резолюціи. Не буду останавливаться на нихъ, ибо выше я уже приводилъ постановленія комитета, касающіяся различныхъ пунктовъ отчета проф. Дегурова,—замѣчу только, что съ одной частью предложеній Тимковского училищный комитетъ вполне согласился и утвердилъ ихъ своимъ собственнымъ приговоромъ, а другую принялъ только къ свѣдѣнію, отложивъ исполненіе ихъ на будущее время.

Такою же, можно сказать, удивительною обстоятельностью отличаются и другіе отчеты по визитаторской части проф. И. Θ. Тимковского. Онъ обладалъ, очевидно, огромными педагогическими способностями и любовью къ этому дѣлу. Онъ отдавался ему всецѣло съ увлеченіемъ и рѣдкимъ усердіемъ. Мы знаемъ, что попечитель округа гр. С. О. Потockій еще до открытія университета поручилъ ему спеціально завѣдываніе училищами въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. И онъ не только

оправдать возлагавшіяся на него надежды, но обнаружилъ при этомъ выдающійся талантъ, который развилъ и укрѣпилъ еще частыми поѣздками по округу въ качествѣ ревизора. Большую часть времени своего онъ посвящалъ школьному дѣлу: бывалъ въ уѣздахъ не только на каникулы, какъ другіе визитаторы, а и въ учебное время и могъ, такимъ образомъ, хорошо присмотрѣться къ постановкѣ и ходу преподаванія, къ приѣмамъ и способностямъ учителей, къ успѣхамъ и познанимъ учениковъ. Конечно, отъ этого нѣсколько страдало дѣло его университетскаго преподаванія, но, во 1-хъ, благодаря недостатку студентовъ, чтеніе лекцій и безъ того шло неправильно, подъ часъ профессора оставались безъ слушателей и должны были изобрѣтать для себя какія либо особенныя занятія, а, во 2-хъ, въ то время дѣло устройства среднихъ школъ представляло огромную, практическую важность и для университета, потому что въ связи съ нимъ стояло и возможное увеличеніе числа лицъ, поступающихъ въ него изъ гимназій; не говоримъ уже о томъ, что въ среднихъ и низшихъ училищахъ находили примѣненіе для своей дѣятельности питомцы того же университета. Тимковскій, въ продолженіи своей службѣ въ Харьковскомъ университетѣ, былъ командированъ много разъ на визитаціи и при томъ оставался на нихъ всякій разъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

Доказательствомъ выдающихся педагогическихъ талантовъ И. О. Тимковского и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ его визитацій по округу являются его „общія мнѣнія относительно училищъ“. Мы приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этой любопытной записки И. О. Тимковского (тѣмъ болѣе, что она не напечатана), чтобы дать понятіе о педагогическихъ идеяхъ самаго выдающагося тогдашняго визитатора. Въ запискѣ затронуты всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся училищъ; это, такъ сказать, специальный трактатъ о школахъ — ихъ недостаткахъ и мѣрахъ къ искорененію этихъ послѣднихъ. Въ началѣ авторъ характеризуетъ отношеніе къ школамъ тогдашняго руководящаго сословія въ государствѣ — дворянства: оно отвернулось отъ народныхъ училищъ, предпочло имъ пансіоны и военныя училища, и потому теперь говоритъ Тимковскій слѣдуетъ сѣсть съ открытіемъ школъ по уставу 1804 г. — тогда откроются способы и къ образованію женщинъ. Дворянство, правда, съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ смотритъ на школы, потому что въ нихъ наравнѣ съ дворянскими дѣтьми учатся и крестьянскія, даже крѣпостныя. „Было время въ Украинѣ и Малороссіи, говоритъ Тимковскій, что господа не брезгали учиться вмѣстѣ съ разночинцами“; но теперь этого дѣтъ и потому приходится примиряться съ печальною необходимостью допустить лѣтъ на 5—6 сословныя дѣленія въ училищахъ (садить учениковъ при-

вילהегированнаго состояніи за особый столъ). Но отдавъ тутъ дань вѣку — ставъ на сторону сословности, Тимковскій далѣ энергично ратуетъ за пользу и необходимость грамоты для крестьянина и возражаетъ тѣмъ, кто считаетъ ее ненужною и вредною. Открытіе приходскихъ школъ, по мнѣнію Тимковского, не могло идти успѣшно, потому, во 1-хъ, что зависѣло отъ помѣщиковъ, а во 2-хъ и вслѣдствіе недостатка для нихъ учителей. Они сдѣлаются основательнѣе, когда будутъ учреждаться по желанію самого населенія, подобно тому какъ и уѣздныя училища тамъ лучше, гдѣ ихъ не навязывали городамъ, а заводили по просьбѣ гражданъ. Разночинцы вообще довольны уѣздными училищами, но имъ не нравится, во 1-хъ, то, что тамъ не учатъ чтенію церковныхъ книгъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые предпочитаютъ отдавать для обученія грамотѣ своихъ дѣтей дымкамъ и старухамъ, а во 2-хъ, и то, что дѣти только заучиваютъ отвѣты на вопросы, мало понимая ихъ. Поступленію въ главные народныя училища много мѣшаетъ отсутствіе въ губернскихъ городахъ подходящихъ недорогихъ квартиръ или пансіоновъ, гдѣ былъ бы и надзоръ за учениками. Тимковскій рекомендуетъ устройство пансіоновъ 4-хъ типовъ: 1) казенныхъ для бесплатнаго содержанія бѣдныхъ учениковъ, 2) общественныхъ, содержимыхъ на пожертвованія сословій и частныхъ лицъ, 3) платныхъ для лицъ недостаточнаго состоянія (со взносомъ отъ 125 до 175 р.), 4) платныхъ для дворянства (со взносомъ отъ 200 до 250 р.). Необходимо также, продолжаетъ далѣ Тимковскій, принять мѣры противъ неисправнаго поведенія учениками училищъ. „Теперь часто является въ классъ новый ученикъ; неизвѣстно, что онъ такое и откуда; бываетъ въ классѣ или не бываетъ, до этого нѣтъ дѣла никому; вдругъ не стало его; чрезъ полгода, чрезъ годъ приходитъ иной опять въ училище; во многомъ отсталъ или все забылъ; можетъ ли такой ученикъ быть въ классѣ исправенъ, внимать наставленіямъ учителя, научиться чему нибудь, вести себя порядочно, получить хорошія правила для жизни? При такомъ *кочевомъ* ученіи какъ разумѣютъ объ училищѣ всѣ посторонніе, какъ мыслятъ и чувствуютъ ученики, кои болѣе давали бы достоинства училищу, ученію и самимъ себѣ, еслибъ напротивъ того все было сопряжено съ нѣкоторымъ обрядомъ или этикетомъ, иногда мало значущимъ“. Далѣ Тимковскій предлагаетъ рядъ мѣръ для упорядоченія этого дѣла или, какъ онъ выражается, „для порядка, благоустройства и дисциплины, коихъ вліяніе всегда и вездѣ пригодно“. Нужно принять мѣры и противъ безпорядка во время классныхъ занятій. По множеству учениковъ въ низшихъ классахъ только ближайшіе занимаются дѣломъ, а другіе развлекаются и развлекаютъ другихъ, смотря по сторонамъ, разговариваютъ; многіе по-

ступаютъ въ училище хорошо подготовленными и прилежными, но видя, что можно не особенно заботиться о своихъ успѣхахъ и не имѣя къ этому никакихъ внѣшнихъ побужденій, охлаждаютъ къ наукамъ; для усиленія соревнованія Тимковскій рекомендуетъ два средства, издавна практиковавшіеся въ духовныхъ школахъ—разсаживаніе учениковъ по мѣстамъ въ классѣ сообразно ихъ успѣхамъ въ наукахъ и введеніе аудиторовъ для выслушиванія уроковъ. Публичные экзамены, съ ихъ показной стороной, съ заранѣе подготовленными отвѣтами, Тимковскій признаетъ нераціональными, равно какъ и существовавшій всюду обычай готовить учениковъ къ отвѣтамъ на случай появленія какого-либо почетнаго посѣтителя, но за то настаиваетъ на большей строгости переводныхъ испытаній. Тѣлесныя наказанія были запрещены въ школахъ, (и ихъ дѣйствительно не было), но явилась другая крайность—вовсе перестали наказывать учениковъ, если не считать того, что ставили на колѣни; но къ этому привыкли и дѣйствительно; что значить стоять у дверей, когда прочіе толпами ходятъ по классу? Тимковскій предлагаетъ рядъ наказаній за проступки—лишать мѣста, заставлять просить прощенія у обиженнаго, оставить виновнаго въ классѣ на ночь съ тѣмъ, чтобы онъ спалъ на жесткой постели, отослать въ домъ къ родителямъ для наказанія, отправить торжественно на одинъ или два урока изъ высшаго класса въ низшій. Я не одобряю, говоритъ Тимковскій, того, чтобы ставили на колѣни, запирали въ холодное или темное мѣсто, оставляли безъ обѣда, вѣлѣли служить товарищу, безчестили нарядомъ, ибо такіа наказанія могутъ имѣть дурное вліяніе на характеръ. Тимковскій хвалитъ вопросный методъ изложенія, но требуетъ, чтобы онъ былъ соединенъ съ разъясненіемъ предмета. „Теперь нѣтъ ничего легче, говоритъ онъ, какъ быть хорошимъ учителемъ и исправнымъ ученикомъ въ народныхъ училищахъ—стоитъ спрашивать и отвѣчать по выученному изъ книги; но легко усмотрѣть, что эти вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробности, а занимаясь ею отрывочно, весьма сбивчивы для разсудка. Напримѣръ: „кто былъ первый царь израильскій? Саулъ. А кто былъ Саулъ? Первый царь израильскій“; вмѣсто того чтобы сказать о его происхожденіи и состояніи до избранія въ цари. „Какъ раздѣляется число для извлеченія изъ него квадратнаго радика. На знаки по двѣ цифры. Почему оно такъ раздѣляется? Потому что надобно извлечь квадратный радика.“... Такъ духъ изслѣдованія останавливается въ недоумѣніи и не имѣетъ ходу далѣе; такъ соблазняется логическая вѣрность. Напротивъ того, если учитель, держась классической (т. е. классной) книги, разскажетъ матерію, изъяснить ее и дополнить любопытными и полезными дополненіями, заста-

вить лучшаго ученика повторить сказанное и потомъ, когда увидить, что поняли его объясненіе, предложить ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять и распространять понятіе ученика, приучать его ко вниканію и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его". Переходя къ учебникамъ, Тимковскій высказываетъ желаніе, чтобы существовало въ школахъ по два учебника—одинъ краткій для учениковъ, другой пространнѣй для учителей; въ уѣздныхъ училищахъ могло бы принести пользу сочиненіе на подобіе *„Начальнаго руководства къ воспитанію юношества“*. Необходимо, говоритъ онъ далѣе, чтобы учителя обратили большее вниманіе на выработку четкаго и красиваго почерка и умѣнья разбирать всякую скоропись. Въ преподаваніи русской грамматики Тимковскій требуетъ и аналитическаго, и систематическаго ея изложенія, а математики—объясненія теоріи, т. е. доказательства теоремъ, ибо, разъ понявъ ее, ученикъ остается тверже, вѣрнѣе, смѣтливѣе и въ практикѣ. Относительно преподаванія исторіи Тимковскій дѣлаетъ замѣчаніе, что оно должно сопровождаться географическими поясненіями, а относительно учебниковъ прибавляетъ, что они слишкомъ изобилуютъ номенклатурой. Катехизисъ Тимковскій рекомендовалъ соединить со священной исторіей, чтобы Законъ Божій сдѣлать для дѣтей менѣе отвлеченнымъ и болѣе яснымъ. Книга о должностяхъ человѣка и гражданина, по его словамъ, имѣла существенный недостатокъ: она представляла изъ себя сборникъ теоретическихъ положеній и мнѣній и потому не производила никакого впечатлѣнія на сердца юношей. „Гдѣ надобно, чтобы чувствовались и чувствованія глубоко врѣзывались, тамъ требуется вѣщать сердцу примѣрами. Въ исторіи государственной и приватной есть много дѣяній и характеровъ, которыми любитъ читатель или гнушается ихъ. Она есть храмъ или волшебный міръ, откуда гений словесности одною рукою мететь перуны, а другою раздаетъ вѣнки. Изъ драматическихъ повѣстей съ нравственною цѣлью, а особливо изъ біографій можно составить выборъ всего лучшаго... Источникомъ правоученія можетъ быть и созерцаніе природы. А какъ моральная часть человѣка много зависитъ отъ физической, то многія нравственные правила прилично основать на физическомъ воспитаніи и сохраненіи здоровья, кои столь же важны, какъ и образованіе ума и сердца; нужно въ училищахъ преподавать сего рода медицинскій катехизисъ. Сверхъ того можно читать, изъяснять и выучивать изрѣченія и большіе отрывки изъ нѣкоторыхъ твореній—все это гораздо болѣе подвинетъ дѣтей, нежели ученыя разсужденія, которыя слѣдуетъ предоставить университету для взрослыхъ". Нужно было, по мнѣнію Тимковского, по крайней мѣрѣ въ губернскихъ

городахъ при гимназіяхъ завести хорошія бібліотеки, вмѣсто нынѣшняго скуднаго и случайнаго подбора книгъ; безъ нихъ „преподаватели отстаютъ отъ приличнаго ихъ званію образа жизни и бываютъ учителями только pro forma. Много урону и отъ того, что учителямъ не внушали любви къ словесности и чтенію“. Туда бы можно было допустить лучшихъ учениковъ и постороннихъ любителей чтенія: „уваженіе правительства къ хорошимъ книгамъ послужить нѣкоторымъ подрывомъ для пустыхъ и вредныхъ“. „Не всѣ учителя достойны своихъ мѣстъ“; а чтобы учебное начальство могло легче узнать способности ихъ, не слѣдовало ли бы обязать лицъ, добывающихся этого званія, давать пробныя уроки при педагогическомъ институтѣ въ университетѣ или при гимназіяхъ? Чтобы преподаваніе не терпѣло отъ частыхъ отлучекъ учителей, нужно примѣнить къ нимъ такія правила объ отпускахъ, вакаціяхъ и т. п., какія практикуются относительно чиновниковъ другихъ вѣдомствъ. Смотрителей уѣздныхъ училищъ Тимковскій дѣлитъ на три категоріи—городничихъ, купцовъ и казначеевъ; о вторыхъ онъ отзывался такъ: „надзираніе купца вездѣ почти плохо и на него жалуются“; городничихъ наоборотъ онъ одобряетъ; не мало было также дворянъ и чиновниковъ, которые желали занять должность смотрителей, но съ жалованьемъ; Тимковскій однако предпочиталъ имъ заслуженныхъ учителей; по его мнѣнію, лучше было эти деньги употребить или на приглашеніе третьяго учителя, или на добавочное вознагражденіе двумъ штатнымъ, съ тѣмъ чтобы они поочереды исполняли эту должность. Директорскую должность Тимковскій считаетъ необходимымъ обставить такими удобствами, какихъ у нея не было (дать въ помощь директору письмоводителя и надзирателя), а средства для этого, по его мнѣнію, должны были давать приказы общественнаго призрѣнія. Изъ осмотренныхъ Тимковскимъ домовъ ни одного онъ не призналъ вполне пригоднымъ для училищъ новаго типа. Это побуждало его высказать свои соображенія и по поводу того, каковы должны быть школьныя зданія и гдѣ они должны быть расположены; любопытно, что при уѣздныхъ училищахъ онъ считалъ необходимыми опоросы. Для расширенія учебновспомогательныхъ учрежденій при училищахъ и для содержанія домовъ онъ предлагалъ взимать съ учениковъ плату, сообразную съ ихъ достатками. Дворянство, по мнѣнію Тимковского, видѣло мало пользы отъ частныхъ пансіоновъ и хотѣло имѣть казенный при гимназіи.

Таково краткое содержаніе обширнаго трактата Тимковского объ училищахъ. Онъ явился результатомъ глубокаго знакомства автора съ предметомъ, памятникомъ его любви и преданности дѣлу средняго и низшаго народнаго образованія, внимательнаго, вдумчиваго отношенія

ко всѣмъ сторонамъ тогдашней школьной жизни — учебно-педагогической, административной, хозяйственно-экономической. Тутъ мы видимъ и яркую картину тогдашняго училищнаго быта, и массу указаній на его недостатки и, наконецъ, рядъ мѣръ, которыя, по мнѣнію автора, могли бы ихъ исправить или ослабить. Эта послѣдняя сторона для насъ въ данномъ случаѣ особенно цѣнна, во-1-хъ, потому, что представляетъ изъ себя обобщеніе не единичныхъ фактовъ, а всюду распространенныхъ явленій, а, во 2-хъ, и потому еще, что мы до сихъ поръ представляли читателю преимущественно данныя о положительныхъ явленіяхъ школьной жизни; теперь же изъ отчета Тимковского можно видѣть и отрицательныя стороны и при томъ сгруппированныя опытною рукою наблюдателя въ полную и стройную систему. Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе педагогическихъ идей Тимковского по существу — въ этомъ едва ли есть существенная надобность, ибо все болѣе важное легко можетъ быть оцѣнено самими читателями; замѣтимъ только, что если его оцѣнивать, какъ дѣятеля начала XIX вѣка, примѣняясь къ уровню тогдашнихъ педагогическихъ идей (а только такая оцѣнка и будетъ справедливой), то онъ несомнѣнно окажется выдающимся педагогомъ, цѣлою головою возвышавшимся надъ современными ему дѣятелями; Харьковскій университетъ можетъ по всей справедливости гордиться, что выдвинулъ изъ своей среды такого энергичнаго, талантливаго, передоваго, просвѣщеннаго работника на пользу подвѣдомственныхъ ему школъ. Конечно, съ нашей современной точки зрѣнія кое-что въ идеяхъ Тимковского представляется уже отсталымъ, несостоятельнымъ, подъ часъ нѣсколько страннымъ (напр., предложеніе объ отдѣльных мѣстахъ въ классахъ для учениковъ изъ дворянскаго сословія, нѣкоторыя мѣры наказанія), — но все это мало замѣтно въ общей массѣ совершенно разумныхъ проектовъ и совѣтовъ и при томъ объясняется необходимостью для автора, какъ практическаго дѣятеля, считаться съ условіями современной ему дѣйствительности; въ общемъ же его мысли о воспитаніи и образованіи юношества способны дать нравственное удовлетвореніе и людямъ нашего поколѣнія; — особенно замѣчательны его предложенія о необходимости образованія для крѣпостныхъ крестьянъ, для женщинъ, его мысли объ огромной важности физическаго воспитанія и инициативы самого общества въ дѣлѣ устройства училищъ, его разумныя замѣчанія о замѣнѣ механическихъ методовъ изложенія предметовъ сознательными, доказательными.

Справедливость требуетъ замѣтить, что рядомъ съ Тимковскимъ мы не можемъ поставить ни одного изъ остальныхъ визитаторовъ — онъ занималъ тутъ исключительное положеніе. Но все таки и ихъ ви-

зитаціи были очень полезны для школьнаго дѣла; отчеты многихъ изъ нихъ также отличались большою обстоятельностью и давали цѣнный матеріалъ для сужденія о состояніи училищъ. И они отмѣтили не мало недостатковъ въ школьномъ дѣлѣ; и они предложили съ своей стороны не мало средствъ для ихъ уврачеванія.

Не имѣя возможности останавливаться на ихъ отчетахъ, мы только укажемъ здѣсь, кто изъ профессоровъ ѣздилъ по округу на визитаціи въ теченіе изучаемаго нами десятилѣтія, въ какихъ губерніяхъ бывали визитаторы и какимъ характеромъ отличались ихъ отчеты. Въ 1805 г. проф. Тимковскій былъ отправленъ на визитацію въ область войска Донскаго и проѣздомъ посѣтилъ также Изюмское училище Харьковской губерніи; онъ уѣхалъ туда 6-го мая и осматривалъ даже, какъ мы видѣли, и малыя народныя училища; въ его присутствіи и при его дѣятельномъ участіи открыта была въ Черкасскѣ гимназія съ уѣзднымъ училищемъ. Проф. Дегуровъ посланъ былъ визитаторомъ въ г. Одессу и Херсонскую губернію, гдѣ посѣтилъ гг. Херсонъ, Елисаветградъ, а во время проѣздовъ своихъ туда и обратно долженъ былъ принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ въ Екатеринославѣ—и они дѣйствительно были открыты, какъ мы знаемъ, въ его присутствіи; заѣзжалъ онъ также и въ Полтаву. Проф. Осиповскому поручено было на обратномъ пути изъ Москвы посѣтить Курское главное народное училище, Обоянское и Бѣлгородское уѣздныя (Курской губ.) и Орловское главное народное, что онъ и исполнилъ. Въ 1806 г. были командированы на визитаціи слѣдующіе профессора: проф. Тимковскій—въ Курскую и Воронежскую губ. (онъ побывалъ въ четырехъ училищахъ Курской губ.—Курскомъ, Львовскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ); изъ Воронежской губ. онъ не вернулся въ 1806 году. Умляуфъ—въ Черниговскую и Полтавскую губ. (въ Полтавской губ.); онъ осматрѣлъ училища — въ Полтавѣ, Прилукахъ, Ромнахъ; Стойковичъ — въ Курскую и Орловскую губ., (въ Курской губ. онъ посѣтилъ училища въ Курскѣ, Бѣлгородѣ, Корочѣ, Староосколѣ, Дмитріевѣ, Обоини, Суджѣ, Путивлѣ и Медвенское приходское; въ Орловской — Орловское, Сѣвское, Дмитріевское, Кромское, Карачевское, Болховское и Мценское); пробылъ въ командировкѣ съ 26 августа по конецъ октябрю; сверхъ того Тимковскій проѣздомъ посѣтилъ Сумское, Лебединское, Ахтырское и Богодуховское, Умляуфъ—Валковское, Ахтырское и Богодуховское, Стойковичъ Сумское училища Харьковской губ., и былъ отряженъ специально для осмотра училищныхъ домовъ въ гг. Изюмѣ и Куянскѣ. Въ 1807 году отправились въ качествѣ визитаторовъ: Тимковскій въ Воронежскую губ., затѣмъ сѣвер-

ную часть Полтавской и Черниговскую губернии, Рижскій въ южную часть Полтавской, Екатеринославской и Херсонскую губернии; Тимковскій въ предѣлахъ Воронежской губернии побывалъ въ главномъ Воронежскомъ, Острогожскомъ, Бирюченскомъ, Валуйскомъ и Вобровскомъ малыхъ училищахъ и четырехъ приходскихъ; въ предѣлахъ Полтавской губернии — въ Роменскомъ и Прилуцкомъ; Рижскій — въ Полтавскомъ главномъ и уѣздномъ Кременчужскомъ (Полтав. губ.) и Валковскомъ (Харьковской губ.), затѣмъ осматривалъ спеціально училища и пансіоны въ Одессѣ, Елисаветградѣ, Херсонѣ и Николаевѣ и представилъ подробнѣйшее о нихъ донесеніе. О визитаціяхъ 1808 г. мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что проф. Стойковичъ былъ командированъ въ 1808 г. въ Екатеринославскую губ., а въ концѣ того же года и въ Воронежскую и 17 января 1809 г. торжественно открылъ Воронежскую гимназію; кромѣ того, онъ посылался на ревизію въ Курскую гимназію (по всей вѣроятности, куда нибудь былъ командированъ и Тимковскій). Въ 1809 году были отправлены: Тимковскій — въ Глуховъ и Орелъ, Осиповскій и Яковъ — въ Харьковскую гимназію, Стойковичъ — первый разъ въ Полтавскую губ., гдѣ осматривалъ училища и въ уѣздныхъ городахъ, а второй въ Таганрогъ для открытія коммерческой гимназій и обозрѣнія училищъ войска донскаго, Шумлянскій — въ г. Полтаву, Васильевъ — въ г. Курскъ для осмотра гимназическаго зданія, которое дало трещины, для составленія плана его перестройки. Въ 1810 году визитаторами были: Тимковскій въ Черниговской и Дегуровъ — въ Курской и Орловской губ. Въ 1811 году съ тою же цѣлью командированы были — Роммель и Дегуровъ въ Харьковскую гимназію и уѣздное училище, Каменскій — въ Черниговскую губ. съ порученіемъ осмотрѣть по пути училища и другихъ губерній. Въ концѣ 1811 и началѣ 1812 г. по имѣющемуся у насъ даннымъ, визитаторами были — проф. Успенскій и Васильевъ въ Курской губ., представившіе отчетъ о своей визитаціи 12 января 1812 года, профессоръ Дегуровъ — въ Одессѣ и Херсонской губ., проф. Книгинъ — въ Таврической. Въ 1813 г. Срезневскій былъ отправленъ въ Воронежскую губ. съ порученіемъ осмотрѣть также въ Курскѣ домъ, выстроенный для гимназій, Нельдехепъ — въ Полтавскую и Екатеринославскую губернии; сверхъ того нѣкоторые училища поручено было осмотрѣть Дегурову и Лангу. Въ 1814 г., по просьбѣ Дюка-де-Ришелье, былъ командированъ снова въ Одессу Дегуровъ, а Гизе и Успенскій въ Харьковскую гимназію.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ теченіе 10 лѣтъ было 32 визитаціи, т. е. въ среднемъ по 3 въ годъ, при чемъ на долю Тимковского и Дегурова приходится по 6 визитацій, Стойковича 4, Оси-

повскаго, Васильева, Успенскаго по 2, Умляуфа, Рижскаго, Якоба, Шумлянскаго, Роммеля, Каменскаго, Книгина, Срезневскаго, Нельдехена, Ланга, Гизе по одной. Самыми энергичными визитаторами были, слѣдовательно, Тимковскій, Дегуровъ и Стойковичъ. Въ общемъ визитаціи захватили всю территорію Харьковскаго учебнаго округа, но на долю каждой отдѣльной губерніи выпадало немного ихъ; болѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи Одессѣ съ Херсонской губ., Воронежской и Курской губ., землѣ войска Донскаго, г. Харькову. Но школьное дѣло несомнѣнно выиграло бы, если бы было больше визитацій. Къ сожалѣнію, достичь этого, очевидно, было не легко. Путешествія по отдаленнымъ и захолустнымъ пунктамъ, каковыми являлись тогдашніе уѣздные города, при крайне неудобныхъ путяхъ сообщенія и отсутствіи культурныхъ удобствъ, были тягостны и сопряжены съ большими лишеніями. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство современника: проф. Шумлянскій, вернувшись изъ визитаціи въ такой близкій пунктъ какъ Полтава, подалъ совѣту 9 марта 1810 г., особый рапортъ „*de molesto et duro visitatorum officio et variis incommodatibus, quae itinera eorum tum domi, tum in ipsa via concomitantur*“ и предлагалъ назначить за этотъ трудъ особое вознагражденіе и считать его особою заслугою. Совѣтъ опредѣлилъ имѣть это въ виду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по представленіи ревизоромъ отчета и по обсужденіи его... ¹⁾ „Въ 1805 году университетъ обращался къ попечителю за разрѣшеніемъ купить двѣ коляски въ 400—600 руб. для объѣздовъ училищъ. Попечитель согласился, выразивъ надежду, что университетъ во всякомъ случаѣ не упуститъ изъ виду сохраненія находящихся въ его распоряженіи суммъ. Въ 1809 году онъ разрѣшилъ купить двѣ новыя коляски со слѣдующимъ замѣчаніемъ: „желательно только, чтобы онѣ сколько возможно были легче, дабы не нужно было припрягать къ нимъ излишняго числа лошадей“ ²⁾. Да и по существу обязанности визитаторовъ были нелегки: для успѣшнаго выполненія ихъ нужны были и наблюдательность, которая бы позволяла схватывать то, чего не хотѣли показать ревизору, и умѣнье разобратся въ разнообразныхъ, подъ часъ противорѣчивыхъ свидѣтельствахъ о мѣстныхъ дѣятеляхъ и ихъ характерѣ, и достаточное общее образованіе, чтобы произвести испытаніе учителямъ въ различныхъ предметахъ средней и низшей школы, и знакомство съ теоретической и практической педагогіей, чтобы оцѣнить методическіе приемы преподавателей и дать имъ руководящія указанія въ этомъ отношеніи, и нѣкоторая опытность въ вопросахъ хозяйственно экономическихъ, чтобы

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1869 г. № 10, стр. 248—249.

²⁾ Ibidem.

дать заключеніе о пригодности училищныхъ домовъ и необходимыхъ въ нихъ передѣлкахъ, и извѣстный тактъ, чтобы побудить мѣстное общество къ пожертвованіямъ на школы, и, наконецъ, полное безпристрастіе. Профессора русскаго происхожденія могли съ бѣльшимъ удобствомъ исполнять визитаторскія обязанности, чѣмъ иностранцы; этимъ же послѣднимъ не были знакомы ни условія русской жизни, ни характеръ общества, ни его языкъ. При такихъ обстоятельствахъ, имъ было трудно дѣлать вѣрные наблюденія, хотя они брали съ собою въ качествѣ секретарей или русскихъ чиновниковъ, или студентовъ.

И. Ѳ. Тимковскій повидимому удовлетворялъ въ достаточной мѣрѣ всѣмъ этимъ условіямъ, другіе — въ большей или меньшей степени. Дегуровъ славился преимущественно какъ опытный, искусный дипломатъ и потому его командировали въ Одессу, генераль-губернаторомъ которой былъ Дюкъ де-Ришелье, желавшій поставить въ непосредственную зависимость отъ себя тамошнія училища; на этой почвѣ произошли нѣкоторыя недоразумѣнія между нимъ и университетомъ — и для улаженія ихъ былъ отправленъ, по желанію самого Дюка, Дегуровъ. „Споръ о подчиненности гимназіи въ Одессѣ, мѣстопробываніи тогдашняго генераль-губернатора, герцога Ришелье, говоритъ Роммель, былъ рѣшенъ въ его пользу. Харьковскій университетъ получилъ въ замѣнъ ея Таганрогскую гимназію“. И посланъ былъ туда Дегуровъ, „имѣвшій особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновеніе университета съ герцогомъ Ришелье“; у него было знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и умѣнье всегда соблюдать свою выгоду: это послѣднее свойство дѣлало его, впрочемъ, опортюнистомъ и карьеристомъ и накладывало печать неискренности и на его отчеты и отписки по училищнымъ дѣламъ; это побуждало его также обращаться за матеріальнымъ содѣйствіемъ въ пользу школъ не столько къ обществу, сколько къ начальству, которому онъ очень льстилъ. Несмотря на свое убѣжденіе въ пользѣ и необходимости гимназіи въ Одессѣ, Дегуровъ, не желая противорѣчить могущественному Ришелье, поддерживалъ его заблужденіе о ненужности средняго открытаго учебнаго заведенія, такъ какъ „писалъ онъ, никто лучше герцога не знаетъ средствъ своего города, участію котораго такъ усердно онъ занимался“¹⁾.

¹⁾ См. проф. А. Лебедева. А. А. Дегуровъ (Вѣстникъ Евр. 1876 г., мартъ, стр. 145—146); ср. также „Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ“. А. Скальковскаго (Южный Сборникъ, учено-лит. журн., изд. Н. Максимовымъ №№ 3 и 4); статья эта основана отчасти на документахъ, полученныхъ авторомъ отъ самого Дегурова; среди нихъ мы находимъ визитацію училищъ въ Новороссійскомъ краѣ въ 1812 и 1814 г. въ ра-

Отчеты Дегурова носят на себѣ печать индивидуальности ихъ автора еще и въ другомъ отношеніи—они отличаются живостью и нѣкоторой картинностью изложенія.

Въ инструкціяхъ визитаторовъ былъ пунктъ, касавшійся изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Такъ въ 9-мъ пунктѣ инструкцій Рижскому и Тимковскому (1807 г.) мы читаемъ: „какъ мѣста Харьковскаго округа, по которымъ проѣзжать вамъ слѣдуетъ, содержать въ себѣ многіе историческіе памятники, какъ-то: камни въ фигурахъ, камни съ надписями, надписи на зданіяхъ, развалины, монеты, медали и инныя древнія издѣлія, то, пользуясь случаемъ, открывать и находить ихъ и собирать о нихъ свѣдѣнія; можете достойнѣйшія изъ удобопереносимыхъ приторговать или по усмотрѣнію и покупать для кабинета сего университета, для чего отпускается 300 р.“ Въ инструкціи Стойковичу, командированному въ 1809 г. въ землю войска Донскаго, кромѣ того замѣчено: „особенно обратить вниманіе на мѣсто, лежащее по дорогѣ изъ Харькова въ Таганрогъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, отъ слободы Савинецъ по лѣвую сторону рѣки Донца, простирающееся на 9 вер., въ которомъ найдены уже многія окаменѣлости, изъ коихъ нѣкоторыя представлены въ университетъ переводчикомъ его Ойрсовымъ“. И визитаторы не оставили безъ вниманія и этой косвенной своей обязанности. „Въ продолженіе моего путешествія, пишетъ Дегуровъ, въ отчетѣ о ревизіи школъ Курской и Орловской губ. въ 1810 г., я старался обогатить университетъ нѣкоторыми драгоценными предметами изъ исторіи. Но все, что могъ получить, состоитъ въ рукописи князя Курбскаго объ исторіи Іоанна Васильевича Грознаго: по отзыву Успенскаго, очень важная и заслуживаетъ того, чтобы снять съ нея копію“¹⁾. Косвеннымъ результатомъ визитацій того же Дегурова явилось специальное, очень любопытное сочиненіе „*De la civilisation des Tatars nogais dans le midi de la Russie europeenne*“, изданное въ Харьковѣ въ 1816 г. Онъ же, будучи въ Нѣжинѣ, обратилъ вниманіе на документы, касавшіеся привилегій тамошняго казачества — мы видѣли сдѣланныя имъ копіи въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Но больше всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ проф. Рижскій. Онъ блестяще выполнилъ 9-й пунктъ данной ему инструкціи: приобрѣлъ списокъ одной древней греческой надписи и составилъ чрезвычайно любопытное описаніе лично имъ осмотрѣннаго городища древней Ольвіи, присоединивъ къ нему и коллекцію най-

портыхъ совѣту Дегурова; есть краткія свѣдѣнія объ училищахъ въ Одессѣ съ 1804 г. письмо Ришелье къ Дегурову изъ Одессы отъ 8 апрѣля 1814 г., отношеніе его же въ совѣтъ Харьковскаго университета.

¹⁾ Ж. М. Н. Просв. 1869 г. № 10, стр. 247—248.

дневныхъ здѣсь древностей, ѣздилъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, описалъ мѣстность и также пріобрѣлъ нѣкоторые древніе предметы ¹⁾. Представленный Рижскимъ отчетъ о визитаціи отличается большою полнотою и содержательностью. Примѣру профессоровъ - визитаторовъ стали подражать и учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, отвѣчая на вопросы, касавшіеся топографіи и древностей, по программѣ, составленной Г. П. Успенскимъ, и доставляя описанія и различные памятники старины. „Въ отчетѣ проф. Каменскаго, ревизовавшаго въ 1812 г. Черниговскія училища, есть даже особый отдѣлъ подъ названіемъ *разныя замѣчанія*, въ которомъ между прочимъ находятся довольно любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи городовъ Черниговской губ.“ ²⁾. Вообще же отчеты всѣхъ визитаторовъ заключаютъ множество данныхъ для характеристики современнаго имъ общества—его отношенія къ школамъ, его занятій и т. п.

Отчеты визитаторовъ затѣмъ разсматривались въ училищномъ комитетѣ и съ его заключеніемъ переходили въ правленіе и совѣтъ, а оттуда къ попечителю, въ главное правленіе училищъ и къ министру. Это правда нѣсколько задерживало ходъ дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило гарантіей противъ возможныхъ увлеченій и односторонности. Правленіе, совѣтъ и попечитель очень внимательно относились къ донесеніямъ визитаторовъ и, благодаря имъ, могли знать объ истинномъ положеніи училищныхъ дѣлъ, безъ прикрасъ и замалчиваній, столь вредныхъ для дѣла. Таковы данныя *описательнаго* характера о дѣятельности училищнаго комитета и его визитаторовъ. А чтобы составить общее понятіе о результатахъ этой дѣятельности, мы приведемъ теперь статистическія свѣдѣнія о числѣ школъ въ 1813 году, т. е. въ предположѣнный годъ дѣятельности комитета за первое десятилѣтіе (данныхъ за 1814 годъ въ университетскомъ архивѣ мы не могли найти).

Въ 1813 г., по официальнымъ даннымъ, доставленнымъ секретаремъ училищнаго комитета, въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа было 163 школы. По 9 губерніямъ и 2 областямъ онѣ распредѣлялись такъ. Въ Харьковской губерніи была 1 гимназія, 11 уѣздныхъ училищъ, 32 приходскихъ, 2 пансіона. Гимназія въ Харьковѣ преобразована была 3-го сентября 1805 г. изъ главнаго народнаго училища, которое основано было въ 1789 г., а въ 1798 г. слито съ такъ называемыми казенными классами, получившими начало еще въ 1763 году. Помѣщалась

¹⁾ См. подробности объ этомъ въ моемъ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ „Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія мѣстныхъ древностей“.

²⁾ Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, стр. 247.

она въ собственномъ домѣ. Уѣздное училище въ Харьковѣ было открыто 3 сент. 1805 г. и помѣщалось въ домѣ, нанимаемомъ городскою думой. Уѣздное училище въ Богодуховѣ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго училища, открытаго въ 1793 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ. Уѣздное училище въ Сумахъ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1790 г., имѣло бесплатное помѣщеніе въ общественномъ городскомъ домѣ; ему же отведено было казною дворовое мѣсто для постройки собственнаго дома. Уѣздное училище въ Ахтыркѣ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго училища, основаннаго въ 1790 г., имѣло пустопорожнее мѣсто, подаренное ему помѣщикомъ Лесевицкимъ, и другое, подаренное помѣщикомъ Розенбергомъ, на которомъ воздвигнуть былъ каменный домъ. Уѣздное училище въ Волчанскѣ, основанное въ 1806 г., имѣло деревянный домъ и флигель съ квартирой для смотрителя, а дворовое мѣсто пожертвовано было ему надв. сов. Петромъ Герсевановымъ. Уѣздное училище въ Лебединѣ, открытое въ 1806 г., помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ. Уѣздное училище въ Зміевѣ, открытое въ 1807 г., имѣло деревянный домъ, купленный для него городскою думой. Уѣздное училище въ Купянскѣ, открытое въ 1807 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ городскою думою. Уѣздное училище въ Валкахъ, преобразованное въ 1807 г. изъ малаго, открытаго въ 1802 г., имѣло деревянный домъ, построенный для него городскою думой. Уѣздное училище въ Изюмѣ, преобразованное въ 1808 году изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1790 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ городскою думою. Уѣздное училище въ Чугуевѣ, открытое въ 1812 г., помѣщалось въ войсковомъ шефскомъ домѣ. Приходскія училища были въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Харьковскомъ уѣздѣ — въ слободѣ Ольшанѣ, открыто было въ 1812 г., помѣщалось въ общественномъ домѣ; въ заштатномъ городѣ Золочевѣ, собственнаго дома не имѣло; въ слоб. Липцахъ, въ слоб. Меревѣ, въ слоб. Деркачахъ (всѣ открыты были въ 1812 г., помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ Богодуховскомъ уѣздѣ: въ с. Кручикѣ, открыто было въ 1804 году въ домѣ помѣщика В. Н. Каразина; въ слоб. Калантаевѣ, помѣщалось въ общественномъ домѣ; въ зашт. городѣ Краснокутскѣ, находилось въ домѣ помѣщика Чаговца; въ слоб. Никитовкѣ, имѣло домъ и мѣсто, подаренныя ему помѣщикомъ Іонинымъ; въ слоб. Сѣнномъ; въ слоб. Рублевкѣ (открыты были въ 1812 году); въ слоб. Вольномъ, основано было въ 1813 г. и помѣщалось въ домѣ, пожертвованномъ священникомъ Никифоромъ Краснопольскимъ; въ Сумскомъ уѣздѣ: въ слоб. Стецьковкѣ, въ слоб. Низшей Сыроваткѣ, въ слоб. Высшей Сыроваткѣ, въ слоб. Прорубѣ, въ слоб. Рѣчкахъ, въ слоб. Бѣло-

польской Ворожбѣ (всѣ открыты были въ 1812 году и помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ слоб. Тимофеевкѣ, помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ помѣщикомъ Росковшенкомъ и помѣщицей Котляревой; въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ; въ слоб. Климовкѣ, въ селѣ Чернетчинѣ; въ Ахтырскомъ уѣздѣ: въ с. Котельвѣ, въ слоб. Боромлѣ; въ Волчанскомъ уѣздѣ—въ слоб. Печенѣгахъ, Хотомлѣ (всѣ открыты были въ 1812 г. и помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ Лебединскомъ уѣздѣ—въ слоб. Бишкинѣ, находилось въ домѣ помѣщика Соловьева; въ заштатномъ городѣ Недригайловѣ; въ Валковскомъ уѣздѣ—въ слоб. Новой Водолагѣ, въ слоб. Коломакѣ; въ Купянскомъ уѣздѣ—въ слоб. Сватовой Лучкѣ; въ Изюмскомъ уѣздѣ—въ заштатномъ городѣ Славянскѣ (всѣ основаны были въ 1812 г. и помѣщались въ общественныхъ домахъ). Сверхъ того были пансіоны въ г. Харьковѣ надв. сов. Нагелевой (для благородныхъ дѣвицъ), открытый въ 1811 году, и иностранца Игнатія Жанеля (для благородныхъ мальчиковъ). Всего въ Харьковской губ. было 120 учителей, 55 другихъ чиновниковъ по учебной части, 1605 учащихся (въ томъ числѣ 1557 мальчиковъ и 48 дѣвочекъ). Всѣхъ суммъ было въ приходѣ—183435 руб., израсходовано—49442 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г.—133993 р.; столь значительный остатокъ составилъ главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ экономическихъ суммъ, т. е. специальныхъ средствъ училищъ; изъ штатной же суммы, равнявшейся 19950 р., остатка было всего 1796 р. Харьковской гимназіи принадлежали капиталы, пожертвованные Суровцевой (1000 р.) и Алымовымъ (20000 руб.). Число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 26 (въ Чугуевѣ) и 154 чел. (въ Харьковѣ); въ приходскихъ—между 2 и 60; среднее же число было 15 чел.; въ пансіонѣ Нагелевой было 10 дѣвочекъ, а Жанеля—16 мальчиковъ.

Въ Черниговской губ. было 2 гимназіи, 5 уѣздныхъ училищъ, 2 малыхъ народныхъ и 2 приходскихъ. Черниговская гимназія была преобразована въ 1805 г. изъ главнаго народнаго училища, открытаго въ 1789 г. Новгородъ-Сѣверская—въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1789 г.; она имѣла собственный деревянный домъ, подаренный по предписанію ген.-губ. кн. Куракина приказомъ. Уѣздныя училища были: въ Черниговѣ съ 1805 г.; въ Новгородъ-Сѣверскѣ съ 1808 г. (помѣщалось въ гимназическомъ домѣ); въ Глуховѣ, преобразовано въ 1807 г. изъ малаго народнаго, открытаго въ 1790 г.—оба своихъ домовъ не имѣли; въ Нѣжинѣ, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, учрежденнаго въ 1799 г., помѣщалось въ собственномъ каменномъ домѣ, подаренномъ ему приказомъ общественнаго призрѣнія; въ Конотопѣ—съ 1812 г., имѣло собственный деревянный домъ,

купленный дворянством за 2300 р.; въ Кролевцѣ съ 1813 г., помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ, купленномъ дворянствомъ за 1387 рублей. Малыя народныя училища находились: въ Стародубѣ; въ 1790 г. было открыто два класса его, а въ 1797 г. и третій, помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ ему приказомъ общественного призрѣнія; въ Погарѣ, открыто было въ 1800 г., а въ 1804 г. введенъ нѣмецкій языкъ. Приходскія училища были въ слѣдующихъ пунктахъ: въ м. Александровкѣ (Сосницкаго уѣзда) Дашевскаго (съ 1805 г.), въ м. Понурницѣ (Кролевецкаго уѣзда), открыто было въ 1809 г. и по Высочайшему повелѣнію ему подаренъ деревянный домъ.

Всего въ Черниговской губ. было 46 учителей, 14 чиновниковъ по учебной части, 1423 учащихся (въ томъ числѣ 1331 муж. и 92 ж. пола). Всѣхъ суммъ было 49094 р., израсходовано 26775 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г. было 22322 р. Въ Черниговской гимназій было 116 душъ; въ Новгородъ-Сѣверской 84; въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 58 и 291; въ малыхъ народныхъ училищахъ—между 108 и 163; въ приходскихъ между 31 и 46.

Въ Екатеринославской губ. было 2 гимназій, 6 уѣздныхъ училищъ и 25 приходскихъ. Гимназія въ Екатеринославѣ была открыта въ 1805 г., помѣщалась въ двухъ домахъ, подаренныхъ дворянствомъ, при нихъ были садъ и роща. Другая гимназія—въ Таганрогѣ; основана была въ 1806 г., имѣла деревянный домъ, флигеля и мѣсто для сада. Уѣздныя училища были: въ Екатеринославѣ (съ 1805 г.), помѣщалось въ домѣ приказа общественного призрѣнія; въ Таганрогѣ при гимназій съ 1806 г.; въ Павлоградѣ, открыто было въ 1806 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ дворянствомъ; въ Новомосковскѣ, открыто было въ 1807 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ обществомъ; въ Александровскѣ, открыто было въ 1808 г. и имѣло каменный корпусъ, выстроенный почетнымъ смотрителемъ Маркъ, и каменный же домъ для учительскихъ квартиръ, подаренный помѣщикомъ Гранобарскимъ; въ Бахмутѣ, заведено въ 1808 г. и помѣщалось въ домѣ, подаренномъ капитаномъ Долинскимъ. Приходскія училища были слѣдующія: Ростовское, открыто въ 1809 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ надзирателемъ его Антоновымъ; Никопольское, открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, выстроенномъ для него надзирателемъ Дреновскимъ; Верхнеднѣпровскаго уѣзда — Комисаровское, основанное въ 1809 г. и помѣщавшееся временно во флигелѣ учителя — протоіерея Миличевскаго; Бородаевское, открытое въ 1809 г. и помѣщавшееся въ домѣ, купленномъ для него обществомъ; Новомосковскаго уѣзда—Петриковское, открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, подаренномъ ему сельскимъ обществомъ; Могилевское, открытое

въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, подаренномъ сельскимъ обществомъ; Бахмутскаго уѣзда—Гродовское, открытое въ 1809 г. и помѣщавшееся въ собственномъ домѣ; Покровское, открытое въ 1810 году, Лугавское, Привольное, Желѣзнянское, Ясиноватское, Андреевское, Гришинское, Славяносербскаго уѣзда—Славяносербское (всѣ они были открыты въ 1812 г. и помѣщались въ своихъ домахъ), Донецкое, открытое въ 1810 г., Черкасское, Вергунское, Крымское, Желтянское, Нижнинское (всѣ были открыты въ 1813 году и помѣщались въ собственныхъ домахъ, построенныхъ обществами); Павлоградскаго уѣзда—Дмитровское, открытое въ 1811 г., Петропавловское, открытое въ 1813 г., помѣщались въ домахъ, построенныхъ обществами; Ростовское (въ г. Ростовѣ), открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ собственномъ домѣ, подаренномъ ему градскимъ обществомъ, Нахичеванское (въ Нахичевани), открытое въ 1811 г. и помѣщавшееся въ общественномъ домѣ. Всего въ губерніи было 54 учителя, 33 чиновника по учебной части, 887 учащихся (въ томъ числѣ 829 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ); всѣхъ суммъ числилось 92943 р., истрачено 27742 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г. 65201 р. Замѣтимъ кстати, что приходскія училища содержались почти исключительно на счетъ обществъ. Въ Екатеринославской гимназіи было 92 ученика, въ Таганрогской—29, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 61 и 124, въ приходскихъ между 10 и 30.

Въ Полтавской губ. была 1 гимназія, 8 уѣздныхъ или повѣтовыхъ училищъ, 2 приходскихъ и одинъ воспитательный домъ для бѣдныхъ. Полтавская гимназія открыта была въ 1808 г. и временно помѣщалась въ деревянномъ домѣ, купленномъ строительной экспедиціей на суммы, ассигнованныя изъ городскихъ доходовъ на учебную часть. Уѣздныя училища были въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ, учреждено одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ домѣ, выстроенномъ строительной экспедиціей; въ Кременчугѣ, открыто было въ 1806 г. въ каменномъ домѣ, выстроенномъ для него строительной экспедиціей; въ Ромнахъ, преобразовано изъ малаго въ 1808 г., имѣло собственный каменный домъ; въ Прилукахъ, преобразовано изъ малаго въ 1812 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ для него изъ городскихъ доходовъ; въ Кобелякахъ, открыто въ 1808 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, приобрѣтенномъ для него приказомъ общественного призрѣнія; въ Хоролѣ, открыто въ 1813 году, помѣщалось временно въ домѣ купца Чеботарева; въ Миргородѣ, открыто въ 1813 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ купцомъ Сибирцевымъ; въ Лохвицѣ, открыто въ 1813 г. и помѣщалось временно въ домѣ учителя Сергѣенка. Приходскія училища были таковы: Чупруновское, открытое въ 1804 г.

и помѣщавшееся въ домѣ стат. совѣтн. Чепы, Диканское, открытое въ 1804 г. и помѣщавшееся въ домѣ гр. Виктора Павловича Кочубея; кроме того въ Полтавѣ былъ домъ для воспитанія бѣдныхъ, учрежденный бывшимъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ кн. Ал. Бор. Курякинымъ на средства приказа общественнаго призрѣнія и помѣщавшійся въ каменномъ домѣ приказа, питомцы его посѣщали гимназію и уѣздное училище.

Всего въ губерніи было 33 учителя, 17 чиновниковъ по учебному вѣдомству, 834 учащихся, въ томъ числѣ 797 муж. и 37 жен. пола. Всѣхъ суммъ было 45986 р., изъ нихъ истрачено 29274 р., въ остаткѣ къ 1 янв. 1814 г. 16712 р. Въ гимназіи училось 73 мальчика; число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 35 и 161, въ приходскихъ равнялось 25, въ воспитательномъ домѣ—100.

Въ Курской губ. была 1 гимназія, 8 уѣздныхъ училищъ и 5 малыхъ народныхъ. Курская гимназія преобразована была въ 1808 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась въ каменномъ домѣ, отстроенномъ на казенныя, дворянскія и городскія суммы. Уѣздныя училища были въ городахъ—Курскѣ, состояло при гимназіи и было основано одновременно съ нею; въ Корочѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1802 г., помѣщалось въ купленномъ домѣ; въ Суджѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на пожертвованныя суммы; въ Фатежѣ, преобразовано въ 1811 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1803 году, имѣло собственный домъ; въ Рыльскѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., помѣщалось въ наемномъ домѣ; въ Новомъ Осколѣ, основано въ 1812 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ почетнымъ смотрителемъ его Поѣдиновымъ; въ Бѣлгородѣ, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1786 г., помѣщалось въ собственномъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, купленномъ для него думой; въ Обояни, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, учрежденнаго въ 1793 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на усадебномъ мѣстѣ, отведенномъ думой. Малыя народныя училища были — во Льговѣ, открыто было въ 1803 г. и помѣщалось въ казенномъ домѣ; Дмитріевѣ, основано было въ 1803 г., помѣщеніе для него нанимало городское общество; въ Старомъ Осколѣ, основано было въ 1787 г. и помѣщалось въ домѣ, отведенномъ обществомъ; въ Щиграхъ, основано было въ 1802 г. и помѣщалось въ такомъ же домѣ; въ Путивлѣ, основано было въ 1787 году и помѣщалось въ такомъ же домѣ.

Всего въ губерніи было 40 учителей, 20 чиновниковъ по учебной части, 1019 учащихся, въ томъ числѣ 997 муж. и 22 жен. пола. Суммъ было ассигновано 47691 р., истрачено 22919 р., въ остаткѣ 24771 р. Въ гимназіи было 65 учениковъ, число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 40 и 224, въ малыхъ—между 39 и 62.

Въ Воронежской губ. была одна гимназія, 2 уѣздныхъ училища, 4 малыхъ народныхъ и 4 приходскихъ. Гимназія была преобразована въ 1809 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась въ каменномъ домѣ, нанмававшемся купечествомъ. Уѣздныя училища были—въ Воронежѣ, основано было одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ приказу общественнаго призрѣнія; въ Острогожскѣ, преобразовано въ 1807 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., для него магистратъ строилъ каменный домъ, а временно оно помѣщалось въ двухъ деревянныхъ домахъ. Малые народные училища находились: въ Валуйкахъ, основано было въ 1791 г. и нанимало себѣ помѣщеніе на счетъ пожертвованной суммы; въ Бобровѣ, основано было въ 1799 г., помѣщеніе для него нанимали родители учениковъ; въ Павловскѣ, основано было въ 1788 г. и помѣщалось въ домѣ, нанмававшемся городской ратушей съ прибавленіемъ пожертвованій. Приходскія школы были—Козинская, основанная въ 1806 г. и помѣщавшаяся въ части дома, выстроеннаго для суконной фабрики; Вѣлоколодезское, основанное въ 1806 г., для него отдѣлана была комната въ домѣ сельскаго приказа; Бобровское, основанное въ 1806 г. и помѣщавшееся въ части дома, выстроеннаго для суконной фабрики; Лосевское, основанное въ 1806 году и помѣщавшееся въ спеціально для него выстроенномъ домѣ.

Всего въ губерніи было 23 учителя, 8 чиновниковъ по учебной части, 591 учащихся, въ томъ числѣ 582 муж. и 9 жен. пола. Суммъ было 26869 р., израсходовано 11560 р., въ остаткѣ 15309 р. Въ гимназіи было 65 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 131 и 159, въ малыхъ народныхъ—между 20 и 72, въ приходскихъ—между 4 и 41.

Въ Орловской губерніи была одна гимназія, 4 уѣздныхъ училища, 6 малыхъ народныхъ и 1 приходское.

Гимназія преобразована была въ 1808 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась она въ каменномъ домѣ купца Гвоздовскаго, отведенномъ городскимъ обществомъ по случаю перевода въ гимназическое зданіе лазарета. Уѣздныя училища находились въ слѣдующихъ городахъ: въ Орлѣ, основано было въ 1808 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, отведенномъ купеческимъ обществомъ;

въ Сѣвскѣ, основано было въ 1810 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, пожертвованномъ городскимъ обществомъ; въ Кромахъ, основано было въ 1812 г. и помѣщалось въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; въ Болховѣ, основано было въ 1813 г. и помѣщалось въ каменномъ домѣ, пожертвованномъ почетнымъ смотрителемъ его Плещеевымъ, и имѣло каменный домикъ, подаренный ему купцомъ Бойковымъ. Малыя народныя училища находились — во Мценскѣ, основано было 1786 г. и помѣщалось въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; въ Ельцѣ, основано было въ 1786 г. и помѣщалось въ казенномъ каменномъ корпусѣ при городскомъ магистратѣ; въ Дмитровскѣ, основано было въ 1792 г. и помѣщалось въ домѣ, занимаемомъ обывателями; въ Трубчевскѣ, въ Брянскѣ въ Карачевѣ $\frac{1}{2}$ (все основаны были въ 1789 г. и находились въ общественныхъ домахъ). Приходское училище было одно—Селецкое, основанное въ 1806 г. и помѣщавшееся въ казенномъ строеніи.

Всего въ Орловской губерніи было 26 учителей, 7 чиновниковъ по учебной части, 620 учащихся, въ томъ числѣ 598 мужск. и 22 женскаго пола. Суммъ было 41158 руб., истрачено 15871 руб., въ остаткѣ 25287 руб. Въ гимназій было 42 ученика, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 13 и 109, въ малыхъ—между 32 и 88, въ приходскомъ равнялось 6.

Въ Херсонской губ. была одна гимназія и 6 уѣздныхъ училищъ. Одесская коммерческая гимназія основана была въ 1805 г. и помѣщалась въ домѣ, отведенномъ городомъ. Уѣздныя училища находились: въ Херсонѣ, было открыто въ 1813 г., помѣщалось въ домѣ, построенномъ строительнымъ комитетомъ для гимназій; въ Елисаветградѣ, было основано въ 1811 г. и временно помѣщалось въ домѣ, принадлежавшемъ городскому обществу; въ Новомиргородѣ было открыто въ 1811 г. и помѣщалось въ казенномъ зданіи; въ Вознесенскѣ, было открыто въ 1811 г. помѣщалось въ домѣ, принадлежавшемъ Бугскому войску; въ Дубоссарахъ было открыто въ 1813 г. и помѣщалось въ домѣ, занимаемомъ городовою ратушею; въ Овидіополѣ, открыто было въ 1813 г., помѣщеніе для него занимали жители города; кромѣ того все было приготовлено къ открытію уѣзднаго училища въ Тирасполѣ.

Всего въ Херсонской губерніи было 22 учителя, 8 чиновниковъ по учебной части, 464 учащихся, въ томъ числѣ 458 мужск. и 6 женскаго пола. Суммъ состояло 37733 руб., израсходовано было 12691, въ остаткѣ къ 1 января 1814 г. 25042 р. Въ гимназій было 57 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 17 и 103.

Въ Таврической губерніи была одна гимназія и 4 уѣздныхъ училища. Гимназія въ г. Симферополѣ открыта была въ 1812 г. и помѣ-

щалась временно въ домѣ уѣзднаго училища, директоръ же занималъ флигелъ, купленный губернаторомъ на счетъ строительной суммы у княгини Горчаковой. Уѣздныя училища были—въ Симферополѣ, оно было преобразовано въ 1809 г. изъ малаго народнаго и имѣло собственный домъ, который въ 1793 году былъ купленъ у полковника Леслія приказомъ общественнаго призрѣнія, а этимъ послѣднимъ пожертвованъ, по предложенію бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора кн. Пл. Ал. Зубова, для помѣщенія въ немъ главнаго народнаго училища; въ 1808 г. онъ былъ перестроенъ и въ немъ помѣщалось уѣздное училище и 2 класса гимназіи; въ Феодосіи, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ частномъ домѣ, нанимавшемся думой; въ Орѣховѣ, основано было въ 1812 г. и помѣщалось въ домѣ, пожертвованномъ губернск. секрет. Грановбарскимъ; въ Алешкахъ, открыто было въ 1812 году и помѣщалось въ домѣ, выстроенномъ изъ камыша.

Всего въ Таврической губерніи было 13 учителей, 5 чиновниковъ по учебной части, 179 учащихся, въ томъ числѣ 154 мужск. и 25 женскаго пола. Всѣхъ суммъ было 24119, истрачено 8441, въ остаткѣ 15677 руб. Въ гимназіи было 20 учениковъ; въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 25 и 62.

Въ землѣ Войска Донскаго была одна гимназія и 9 уѣздныхъ училищъ. Новочеркасская гимназія была преобразована въ 1805 году изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1790 году и помѣщалась временно (до постройки каменнаго зданія) въ деревянномъ домѣ, который раньше былъ занятъ войсковою канцеляріей. Уѣздныя училища были такія—Новочеркаское, было основано одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, который раньше занятъ былъ экспедиціями войсковою канцеляріи; второе Донское, было преобразовано въ 1807 году и помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ, построенномъ для него станицами; Устьмедвѣдичское, въ 1813 г. преобразовано было изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1808 году, и помѣщалось въ собственномъ каменномъ домѣ; Хоперское, было преобразовано въ 1812 г. изъ народнаго, открытаго въ 1806 г., и помѣщалось въ нижнемъ этажѣ каменнаго казеннаго дома; Михайловское, было открыто въ 1806 г. въ станичномъ каменномъ домѣ; Оксайское, открыто было въ 1806 году и помѣщалось въ каменномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго были лавки, отдававшіяся въ наймы въ его пользу; Кочетовское, открыто было въ 1811 году и помѣщалось въ станичномъ домѣ; Каменское, открыто было въ 1811 году и помѣщалось въ наемномъ домѣ; Мачушанское, открыто было въ 1805 г. и помѣщалось въ специально для него выстроенномъ домѣ (нужно, впрочемъ, замѣтить, что

нѣкоторыя изъ этихъ училищъ имѣли по одному только классу и по программѣ своей соответствовали приходскимъ).

Всего въ области войска донскаго было 27 учителей, 6 чиновниковъ по учебной части, 704 учащихся, въ томъ числѣ только двѣ дѣвочки. Всѣхъ суммъ было 21175 р., истрачено 15326 р., остатка къ 1-му января 1814 года 5848 р. Въ гимназiи было 50 учениковъ, число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 21 и 98.

Въ области войска Черноморскаго было одно уѣздное училище и 2 приходскихъ. Уѣздное училище было въ Екатеринодарѣ; открыто оно было въ 1807 году и помѣщалось въ собственномъ (впрочемъ, не вполне еще отстроенномъ) деревянномъ домѣ; въ немъ было 5 классовъ—одинъ приготовительный, два уѣзднаго училища и два приготовительныхъ къ гимназiи. Приходскiя училища были таковы—Таманское, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ каменномъ церковномъ домѣ; Щербиновское, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ священника благочиннаго М. Михайловскаго.

Всего въ области Черноморскихъ козаковъ было 8 учителей, 3 чиновника по учебной части, 152 учащихся. Суммъ было 15078 р. истрачено 2028 р., въ остаткѣ 13049 р. Въ уѣздномъ училищѣ число учениковъ не показано, а въ приходскихъ равнялось 49 и 36 чел.

Всего въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 412 учителей, 176 чиновниковъ по учебной части, 8478 учащихся, въ томъ числѣ 8149 муж. и 329 жен. пола. Суммъ было 585289 руб., истрачено 222073 руб., въ остаткѣ къ 1-му января 1814 г.—362215 р. Въ составъ этихъ цифръ входило 258989 р. эконоимической суммы (истрачено же изъ нея было всего 9028 р., а въ остаткѣ состояло 249961 р.), 152467 р. штатной (изъ нея истрачено было 125716 р. и въ остаткѣ состояло 26751 р.), сверхштатной 54110 р. (изъ нея истрачено 47515 р. и въ остаткѣ состояло 6595 р.), 1349 р. станичной (истрачено 1131 р.), 9998 р. мирской (истрачено 6897 р.), 14928 р. питомческой (истрачено 13497), 25345 р. благотворительной (истрачено 3020), 11374 внесенной на воспитанiе бѣдныхъ (истрачена вся), 31456 р. капитальной (истрачено 955), капитала Алымова и Суровцевой 21000 (истрачена не была—пользовались только процентами съ нея ¹⁾).

До открытiя Харьковскаго училищнаго комитета, какъ видно, изъ приведенной ниже вѣдомости, было въ Харьковскомъ учебномъ округѣ всего 46 училищъ—7 главныхъ народныхъ (въ Харьковѣ, Черниговѣ,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. (Вѣдомость объ учебныхъ заведенiяхъ, состоящихъ въ округѣ Им. Харьковскаго университета за 1813 годъ).

Новгородъ-Сѣверскѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Черкасскѣ и Орлѣ), 36 малыхъ народныхъ (въ Курской губ. 11, Орловской 6, Харьковской и Воронежской по 5-ти, Черниговской 4, Полтавской губ. и области войска Донскаго по 2, Таврической 1, въ Екатеринославской, Херсонской и области войска Черноморскаго ни одного), и 3 приходскихъ (два въ Полтавской и одно въ Харьковской губ.). За 20 лѣтъ (съ 1785 г. по 1805 г.) было открыто 46 школъ, слѣдовательно, въ среднемъ въ годъ открывалось по $2\frac{1}{4}$ школы.

Послѣ же девятилѣтней дѣятельности Харьковскаго училищнаго комитета число школъ возрасло до 163, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ въ $3\frac{1}{2}$ раза, въ томъ числѣ было 12 гимназій, т. е. среднихъ школъ, и 151 низшая школа (65 уѣздныхъ училищъ, 17 малыхъ народныхъ и 69 приходскихъ). Какъ видимъ, особенно возрасло количество приходскихъ школъ. Если взять отдѣльно среднія и низшія школы, то окажется, что число первыхъ увеличилось менѣе чѣмъ въ 2 раза, а вторыхъ въ 4 раза. Число вновь открытыхъ школъ равнялось 117, преобразованныхъ 27, оставшихся безъ измѣненія 19. По годамъ преобразование и открытіе школъ распредѣляется такъ: въ 1805 г. было преобразовано и открыто 11 школъ, въ 1806 г. — 15, въ 1807—8, въ 1808—13, въ 1809—8, въ 1810—10, въ 1811—9, въ 1812—54, въ 1813—16. Характерна огромная цифра школъ, открытыхъ въ годъ Наполеоновскаго нашествія (это были главнымъ образомъ приходскія школы). Да и въ 1813 году ихъ было учреждено больше, чѣмъ въ каждый изъ предшествующихъ годовъ: значить энергія училищнаго комитета не только не падала, а наоборотъ повышалась. Въ среднемъ ежегодно преобразовывалось и открывалось по 16 школъ, т. е. въ 7 разъ болѣе, чѣмъ до открытія дѣятельности училищнаго комитета.

По числу школъ различныя губерніи Харьковскаго учебнаго округа идутъ въ такомъ порядкѣ: Харьковская (въ ней было 45 школъ, въ томъ числѣ 6 преобразованныхъ и 39 вновь учрежденныхъ), Екатеринославская (33,—всѣ вновь учрежденные), Курская (14, въ томъ числѣ преобразованныхъ 7, оставшихся безъ преобразования 5 и вновь учрежденныхъ 2), Черниговская и Орловская (по 12; въ первой было преобразованныхъ 4, вновь учрежденныхъ 6, оставшихся непреобразованными 2; во 2-й преобразованныхъ 1, вновь учрежденныхъ 5, оставшихся безъ преобразования 6), Воронежская и Полтавская (по 11; въ первой было преобразованныхъ 2, вновь учрежденныхъ 5, оставшихся безъ преобразования 4; во 2-й—преобразованныхъ 2, вновь учрежденныхъ 7, оставшихся безъ преобразования 2), область войска Донскаго (10, въ томъ числѣ преобразованныхъ 4 и вновь учрежденныхъ 6), Херсонская

(7—все вновь учреждены), Таврическая (5, въ томъ числѣ преобразованныхъ 1 и вновь учрежденныхъ 4), Черноморье (3,—все вновь учреждены). По числу преобразованныхъ и вновь открытыхъ училищъ эти же губерніи стоятъ такъ: на первомъ мѣстѣ Харьковская, потомъ Екатеринославская, Черниговская и Область войска Донскаго, Курская и Полтавская, Воронежская и Херсонская, Орловская, Таврическая и Черноморье; по числу вновь открытыхъ школъ: Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Полтавская, Черниговская и Область войска Донскаго, Воронежская и Орловская, Таврическая, Черноморье и Курская губ.; по числу учащихся: Харьковская (1605), Черниговская (1423), Курская (1019), Екатеринославская (887), Полтавская (834), Донская область (704), Орловская (620), Воронежская (591), Херсонская (464), Таврическая (179), Черноморье (152); по количеству имѣвшихся въ ихъ распоряженіи школьныхъ суммъ: Харьковская, Екатеринославская, Черниговская, Курская, Полтавская, Орловская, Херсонская, Воронежская, Таврическая, Донская область и Черноморье. Число учащихся сравнительно съ нашимъ временемъ было не велико; въ среднемъ на школу приходится 52 человѣка; но распредѣленіе ихъ даже по школамъ одного и того же типа было крайне неравномѣрное. Гимназіи не были многочисленны и повидимому уступали въ этомъ отношеніи прежнимъ главнымъ народнымъ училищамъ. Уѣздныя училища при гимназіяхъ наоборотъ изобиловали учениками. Вообще нужно имѣть въ виду, что тогдашнія гимназіи были бѣдны и учениками, и учебниками, и учебновспомогательными учрежденіями. Помѣщенія для училищъ были также далеко не всегда удовлетворительны, хотя насъ пріятно удивляетъ тотъ фактъ (констатируемый вѣдомостію), что большинство ихъ помѣщалось въ собственныхъ домахъ (нерѣдко даже каменныхъ), выстроенныхъ приказомъ общественнаго призрѣнія, различными общественными учрежденіями или частными благотворителями. Вообще можно сказать, что университету, учебному персоналу и администраціи училищъ удалось привлечь довольно много пожертвованій на школьныя нужды. Общество, очевидно, откликнулось на обращаемый къ нему призывъ и оказало правительству значительную матеріальную поддержку въ его просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Конечно, дѣло это требовало большихъ усилій; подѣ часъ нужно было прибѣгать къ поистинѣ героическимъ средствамъ, чтобы добиться нужнаго пожертвованія. „Отчеты визитаторовъ представляютъ весьма краснорѣчивыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. „Въ семъ то городѣ (Ливнахъ), читаемъ мы въ отчетѣ Дюгура 1810 г., опытомъ извѣдалъ я, съ какою силою предразсудковъ люди сего званія отклоняютъ учрежденіе заведенія, плодами

котораго они первые должны воспользоваться⁴. По настоянію Дюгура, городское общество собиралось 4 раза и не смотря на то, что городской голова былъ на сторонѣ визитатора, дало отрицательный отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ. Только послѣ предъявленія резолюціи гражданскаго губернатора Ливенскому городничему, по настоянію послѣдняго, открыта подписка, по которой собрано всего 500 р. „Купечество въ Кромахъ, гдѣ также не было училища, пишетъ Дюгуръ, отказало и въ малѣйшемъ даже пожертвованіи съ своей стороны; никакіе доводы не могли его тронуть, даже проповѣдь о пользѣ воспитанія, которую, по просьбѣ моей, сказывалъ имъ протопопъ Знаменскій, ниже примѣръ сего достойнаго священника, пожертвовавшего 25 р. на учрежденіе училища и общаваго кромѣ того по смерти свою ежегодно вносить такую же сумму“. Здѣсь не помогла и губернаторская резолюція. „Въ Брянскѣ только дабы избавиться отъ моихъ докукъ, продолжаетъ далѣе Дюгуръ, градская дума объявила, что она не будетъ собирать купечества, а предоставлетъ каждому лично подписывать сумму, какую ему благоугодно будетъ“. Спустя немного времени визитаторъ получилъ увѣдомленіе, что ни одинъ купецъ никакого пожертвованія не захотѣлъ учинить. Въ Ельцѣ дума тоже не хотѣла собираться, зналъ, въ чемъ дѣло; и самъ губернаторъ, бывшій тогда въ этомъ городѣ, ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, Дюгуръ получилъ бумагу съ рѣшительнымъ отказомъ. Это такая бумага, пишетъ онъ, которую я желалъ бы уничтожить для чести жителей Елецкихъ (она и не сохранилась въ дѣлахъ). Визитаторъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, выходившему даже за предѣлы его полномочій: онъ увѣрилъ голову, что тотъ непременно получить, по представленію университета, значительную почетную награду чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Мѣра подѣйствовала: голова Желудковъ пожертвовалъ въ пользу училища прекрасный каменный домъ среди города. „Сей способъ служить своему отечеству, единственно дабы получать отличія, замѣчаетъ Дюгуръ, покажется мало деликатнымъ, но безкорыстіе есть весьма рѣдкая добродѣтель, станемъ пользоваться пожертвованіями, откуда бы онія ни происходили, не разсматривая при томъ причинъ, кои побудили ихъ дѣлать, а будемъ радоваться, когда страсти человѣческія побуждаютъ людей творить добрыя дѣла. Впрочемъ должно отдать, говоритъ Н. А. Лавровскій, справедливость дворянству, которое въ важномъ дѣлѣ обезпеченія существованія училищъ явилось дѣйствительно передовымъ, руководящимъ сословіемъ“¹). Впрочемъ и городскія общества дѣйствовали далеко не всегда такъ, какъ

¹) Ж. М. Н. П. 1869, № 10, стр. 241—242.

это рисуютъ только что приведенные отчеты проф. Дюгурова по Орловской губ. Но мы считали необходимымъ указать и на нихъ, чтобы дать понятіе о затрудненіяхъ, съ которыми приходилось вѣдаться тогдашнимъ дѣятелямъ просвѣщенія, чтобы обрисовать тѣ отрицательныя условія, при которыхъ имъ подѣ часть приходилось дѣйствовать; подѣ вліяніемъ ихъ и, конечно, не безъ вліянія личныхъ убѣжденій, проф. Дюгуровъ откровенно высказываетъ такой утилитарный взглядъ на пожертвованія, отъ котораго намъ теперь дѣлается неловко.

Огромное значеніе дѣятельности Харьковскаго университета по части устройства училищъ прекрасно понимали уже современники. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій въ день самаго открытія университета (17 января 1805 года) говорилъ рѣчь „О новомъ устройствѣ въ Россійской имперіи училищъ и послѣдствіяхъ его“, гдѣ ярко охарактеризовалъ всю важность мѣропріятій Императора Александра I-го въ дѣлѣ учрежденія приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, гимназій и университетовъ. При такихъ учрежденіяхъ, говорилъ онъ, отъ предѣловъ Литвы до Сибири, отъ Архангельска до Кавказа въ скоромъ времени не можетъ быть ни одного гражданина, который бы не могъ со всевозможными удобствами и самыми малыми издержками получить образованія, соотвѣтствующаго его дарованіямъ, званію и средствамъ. Не даромъ на это ассигнована необычайная сумма въ 1600000 руб.¹⁾

Въ 1807 г. профессоръ П. С. Рижскій произнесъ рѣчь о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г. по училищной части. Тамъ между прочимъ онъ говорилъ, что „университетъ не оставлялъ своихъ попеченій объ училищахъ въ округѣ—узнать внутреннее состояніе заведеній, коими долженъ управлять, узнать директоровъ, смотрителей, учителей, учащихся, библіотеки, дома, суммы на содержаніе ихъ, расположеніе жителей къ учебной части; на сей конецъ требованы отъ директоровъ свѣдѣнія, а для точнѣйшаго изслѣдованія всего на мѣстѣ въ теченіе двухлѣтія шестикратно отправляемы были отъ университета визитаторы, которые объѣхали почти весь округъ. Изъ донесеній визитаторовъ и директоровъ видно было, что многія училища имѣютъ нужду въ учителяхъ, недостаточно снабжены книгами и другими учебными пособиями, нѣкоторыя не имѣютъ совсѣмъ или имѣютъ неудобные дома и нуждаются въ классной мебели“. Далѣе говорится, что все это по мѣрѣ силъ училищамъ доставлялось и что университетъ въ 1805 и 1806 г. открылъ въ округѣ—3 гимназій, 10 уѣздныхъ, 16 приходскихъ училищъ и 5 пансіоновъ²⁾.

¹⁾ Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи 17 января 1805 г. X. 1806 г.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не могли добыть этой рѣчи и потому пользуемся изложеніемъ ея у Гр. П. Данилевскаго и Н. А. Лавровскаго.

Въ 1815 г. проф. Каменскій говорилъ на актѣ рѣчь „объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Харьковскаго университета“. Въ ней онъ сообщаетъ такія статистическія данныя объ училищахъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ университету. Въ составъ округа, говорилъ онъ, входило 9 губерній и двѣ области, которыя представляли въ совокупности своей кругъ, съ діаметромъ въ 1000 верстъ, съ населеніемъ до 10000000 чел. Въ немъ было 13 гимназій, 80 уѣздныхъ училищъ (въ Курской 14, Харьковской 11, Полтавской и Орловской по 10, Черниговской 9, Воронежской и Херсонской по 6, Екатеринославской 5, Таурической и войска Донскаго по 4, въ войскѣ Черноморскаго 1) и до 500 приходскихъ школъ.

Въ 1814 году въ 13 гимназіяхъ было 969 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ 6221. Раздѣливъ число жителей (10 милліоновъ) на это число, получимъ 140, т. е. одинъ учащійся приходился на 140 душъ населенія. Но эта пропорція покажется болѣе удовлетворительною, если исключить по крайней мѣрѣ половину взрослыхъ, которые или раньше уже обучались, или по возрасту своему не могли воспользоваться школами, учрежденными Имп. Александромъ I. Число учащихся постоянно возрастало: въ 1805 г. ихъ было 3967 душъ, а въ 1814—7190; въ десять лѣтъ оно почти удвоилось. Если сосчитать число лицъ, ежегодно оканчивающихъ гимназіи и уѣздныя училища, то окажется, что для образованія всѣхъ 10000000 понадобилось бы 80 лѣтъ. „Внуки наши будутъ имѣть счастье зрѣть событіе сего предъугаданія“¹⁾.

Тутъ особенно любопытны статистическія данныя, сообщаемыя авторомъ: они пополняютъ наши свѣдѣнія за десятый годъ существованія училищнаго комитета. Оказывается, что въ этомъ году была основана одна гимназія, частію открыта, а частію преобразована изъ малыхъ народныхъ училищъ 15 уѣздныхъ, и открыто около 430 новыхъ приходскихъ. Но эта послѣдняя цифра столь значительна, что возбуждаетъ у насъ недоумѣніе, единственное объясненіе ея мы видимъ въ томъ, что въ нее, быть можетъ, вошли и всѣ частныя сельскія училища и пансіоны.

Въ томъ же 1815 году, когда Каменскій говорилъ свою рѣчь, проф. Роммель „уже изъ Касселя, въ письмѣ къ ректору просилъ его сообщить ему свѣдѣнія объ устройствѣ училищъ университетомъ въ видѣ каталога о числѣ открытыхъ имъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого я только видѣлъ, писалъ Роммель, приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ

¹⁾ Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. ун-в. 25 декабря 1815 и 1816 г. Хар. 1818.

всѣ признавали и признають, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. Пусть же будетъ извѣстно всему образованному міру, что вами сдѣлано въ это время“ ¹⁾.

Въ 1818 г. адъюнктъ Борзенковъ говорилъ на актѣ рѣчь „объ успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи подъ покровительствомъ Государя Императора Александра I“ ²⁾, гдѣ коснулся отчасти и вопроса объ училищахъ. Этотъ же вопросъ затронулъ и проф. И. И. Срезневскій въ рѣчи на актѣ 1843 г. Лица, интересовавшіяся исторіей Харьковскаго университета, также отмѣтили важную роль его въ дѣлѣ распространенія среднихъ и низшихъ школъ. Проф. Д. И. Каченовскій, при обсужденіи проекта университетскаго устава 1863 г., высказалъ по этому поводу слѣдующія замѣчанія. „Въ силу уставовъ, утвержденныхъ Александромъ I, на университеты возложенъ былъ также надзоръ надъ низшими учебными заведеніями по округу. Эта обязанность оказалась особенно трудною и стѣснительною для профессоровъ: она отвлекала ихъ отъ главныхъ занятій. По общимъ отзывамъ (?), дѣла въ училищныхъ комитетахъ шли довольно вяло и не совсѣмъ удачно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже возникли злоупотребленія. Но тѣмъ не менѣе коллегіальное устройство представляло болѣе твердыя ограды противъ произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не такъ удобно прилагается къ дѣлу народнаго образованія“ ³⁾. Проф. Н. А. Лавровскій посвятилъ этому вопросу спеціальную статью ⁴⁾, рѣшилъ его на основаніи документальныхъ данныхъ, которыхъ не было у его предшественника — и однако сошелся съ нимъ какъ въ общемъ принципиальномъ положеніи, такъ и въ фактическомъ его приложеніи къ Харьковскому университету. „Было одно обстоятельство, говоритъ онъ, которое съ одной стороны еще болѣе усиливало образовательное вліяніе Харьковскаго университета на страну, а съ другой, расширилъ кругъ дѣятельности профессоровъ, отвлекая ихъ отъ ограниченной коллегіальной среды и открывая, такъ сказать, нейтральную почву, по нашему мнѣнію, много содѣйствовало умѣренію и охлажденію страстей. Я разумѣю возложенное на университеты уставомъ 1804 г. завѣдываніе и управленіе всѣми существующими въ краѣ учебными заведеніями. Чтобы ни говорили о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія университеты были поставлены къ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, стр. 240.

²⁾ Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 авг. 1818 г. X. 1818.

³⁾ Русская рѣчь, 1862 г., № 1; ср. также „Замѣчанія на проектъ общаго устава рос. университетовъ“, ч. I, стр. 347.

⁴⁾ Изъ первоначальной исторіи Харьков. университета. (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., № 10, стр. 235—260).

училищамъ уставомъ 1804 г., никакъ нельзя отрицать существенной пользы, проистекавшей изъ той органической связи, которая была установлена тогда между университетами и училищами. Дѣтъ шесть тому назадъ, когда отовсюду слышались жалобы на упадокъ гимназическаго образованія, мы высказывали мысль, что причинъ упадка общаго образованія должно искать между прочимъ и въ уничтоженіи этой связи, въ устраненіи непосредственнаго и постояннаго вліянія университетовъ на среднія и низшія учебныя заведенія, въ преобладаніи въ надзорѣ за ними канцелярскаго порядка, обращеннаго преимущественно на формальную сторону дѣла. Мысль эта и теперь кажется намъ справедливою съ ея общей стороны, хоть и должно согласиться, что практическое ея примѣненіе можетъ имѣть значительныя неудобства и затрудненія... Въ первыя 30 лѣтъ Харьковскій университетъ былъ въ обширномъ смыслѣ центральнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣло учебное дѣло во всей южной Россіи: каждое измѣненіе въ порядкѣ и направленіи обученія, въ дисциплинѣ, въ составѣ учителей, въ матеріальномъ состояніи училищъ исходило непосредственно отъ университета. Ознакомившись съ относящимися сюда свѣдѣніями въ официальныхъ матеріалахъ, мы можемъ сказать, что по крайней мѣрѣ въ первое время, о которомъ идетъ рѣчь, университетъ и, конечно, прежде всего члены училищнаго комитета относились весьма серьезно къ этой, возложенной на нихъ уставомъ, обязанности, хотя она и не составляла существенной части ихъ дѣятельности... Вообще университетъ, говоритъ Н. А. Лавровскій, съ большимъ усердіемъ и полною добросовѣстностью относился къ дѣлу объ устройствѣ школъ и надзорѣ за ними (хотя послѣдній прямо къ нему не относился) и тѣмъ необыкновенно усиливалъ свое вліяніе на распространеніе образованія въ краѣ. Объ этомъ усердіи и добросовѣстности свидѣтельствуютъ всѣ сохранившіяся дѣла училищнаго комитета, множество подробныхъ и тщательно составленныхъ вѣдомостей и донесеній совѣту. Попечитель Потоцкій цѣнилъ эту дѣятельность университета и, какъ доказательство его вниманія къ ней, сохранилось его отношеніе въ университетъ отъ 1-го декабря 1808 г. слѣдующаго содержанія: „главное правленіе училищъ, усмотрѣвъ изъ представленія моего, что стараніемъ училищнаго комитета открыты въ Харьковской губерніи всѣ училища на такомъ основаніи, какое потребно по новому плану, предоставило мнѣ изъяснить комитету признательность за особенное попеченіе его въ устройствѣ училищъ“.

Наше изслѣдованіе даннаго вопроса подтвердило, дополнило и укрѣпило общіе выводы Н. А. Лавровскаго, а представленныя нами статисти-

ческія данныя, которыя не были извѣстны никому изъ прежнихъ историковъ, въ точныхъ цифрахъ опредѣлили размѣры просвѣтительной дѣятельности университета въ этомъ отношеніи. Правда для полного представленія дѣла, нужно было бы дать подробную характеристику училищъ, основанныхъ университетомъ, но это выходитъ уже за предѣлы нашей ~~нынешней~~ задачи и мы надѣемся посвятить этому важному вопросу особое изслѣдованіе, такъ какъ для него въ нашемъ распоряженіи имѣется очень богатый матеріалъ.

